КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ

ТОМЪ LXXXV.

1904 г.

ІЮНЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

I. СЛУХИ О НАЗНАЧЕНІИ КАНТАКУЗИНА ГЕТМАНОМЪ МАЛОРОССІИ (1718 г.). *В. Модзалевскаго* . . . . 451—464
II. ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ ЛУБЕНСКАГО КРЕСТЬЯНИНА. (Окончаніе). *В. Милорадовича* . . . . 465—505
III. НЕВЕСЕЛИ СИЛЬСЬКИ МАЛЮНКЫ. (Оповидання батюшкы). *Лысака-Тамаренка* . . . . 506—530
IV. УКРАИНСЬКИ ЗАПЫСИ ПОРФИРІЯ МАРТЫНОВИЧА. (Продолженіе) . . . . 531—566
V. НА МЕРТВОЙ ТОЧКѢ. Замѣтки читателя. (Окончаніе). *С. Ефремова* . . . . 567—596
VI. РОКСОЛАНА. *Галыны Комаровои* . . . . 597—604
VII. Г. БАЛТА (подольской губ.). Историческая замѣтка. *Ф.* 605—609

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Одобрительныя свидѣтельства для кандидатовъ священства на Волыни. Сообщ. *В. Храневичъ*; б) Два письма П. А. Антоновича къ Г. П. Галагану. Съ пред. *А. Степовича*; в) О посѣщеніи импер. Александромъ I гор. Староконстантинова и дер. Григоровки. Сообщ. *Ив. Бѣньковскій*; г) Складъ древняго оружія въ дер. Григоровкѣ. Сообщ. *И. Бѣньковскій;* д) Высочайшій подарокъ митр. Рафаилу Заборовскому 80 бутылокъ пива и переписка по этому поводу; е) О цѣнахъ на хлѣбъ, мясо, ягоды, воскъ и медъ въ полтавской губерніи сто лѣтъ тому назадъ. Сообщ. *И. Ф. Павловскій;* ж) На юбилейный даръ Н. В. Лисенку; з) Поправка . . . . 105—120
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . 121—127
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Н. И. Петровъ. Значеніе Кіевской Академіи въ развитіи духовныхъ школъ въ Россіи съ учрежденія Св. Синода въ 1721 году и до половины XVIII вѣка. *В. Д—скаго*; б) Кириллъ Неграмотный и Өеодоръ Самойленко. Дванадцять чародійныць. Малороссійская опера-феерія въ 3-хъ діяхъ. *В. Мировця;* в) Б. Арсень. Украинскій спиваныкъ. 100 писень зъ нотамы. *В. Мировця;* г) Обзоръ журналовъ текущаго года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . 128—149

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 4 іюня 1904 г.

Объявленіе о преміяхъ.

Редакція журнала «Кіевская Старина» рѣшила на текущій годъ объявить преміи за лучшіе разсказы и повѣсти по-украински. Условія премій слѣдующія:

1) Представляемые на премію разсказы и повѣсти должны быть оригинальные, а не переводные и передѣланные [1]).

2) Авторамъ предоставляется свободный выборъ темъ и сюжетовъ.

3) Премированный разсказъ или повѣсть печатается въ «Кіевской Старинѣ» и оплачивается по разсчету 100 руб. за печатный листъ въ 16 страницъ.

4) Срокъ представленія разсказовъ и повѣстей не позже 1 ноября 1904 года.

5) Рукописи должны быть представлены переписанными не рукою автора и безъ имени его, а только съ девизомъ, при чемъ нужно въ запечатанномъ конвертѣ, съ надписью того-же девиза, указать свой точный адресъ (имя, отчество, фамилія и почтовая станція).

---

[1]) Драматическія пьесы на премію не принимаются.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 85-го:

апрѣль, май, іюнь. 1904 г.

Книга первая—апрѣль.

Отдѣлъ I.

I. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СУДЬЯ ИВАНЪ ЧАРНЫШЪ И ЕГО РОДЪ. (Продолженіе). *В. Модзалевскаго.* . . . . 1—35

II. СТЕПНАЯ ЛУБЕНЩИНА. (Окончаніе). *В. Милорадовича.* . . . . 36—73

III. ОСТАННІЙ ГИРЕЙ. *М Л.* . . . . 74—103

IV. КАНДИДАТЪ НА СВЯЩЕНСТВО ИЗЪ „ШКУРНИКОВЪ". *Ор. Левицкаго.* . . . . 104—113

V. ХТО-ЖЪ ВИНЕНЪ? *М. Непійводы.* . . . . 114—130

VI. ДЕРЕВНЯ И ЕЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. (Очерки и наблюденія). *В. Василенка* . . . . 131—148

VII. УКРАИНСЬКИ ЗАПЫСИ ПОРФИРІЯ МАРТИНОВИЧА. (Продолженіе). . . . . 149—191

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи ссылки Луцкаго епископа Діонисія Жабокрицкаго. *Г. К.*; б) Несостоявшійся проектъ учрежденія въ Кременчугѣ дворянскаго пансіона въ 1809 г. Сообщ. *И. Ф. Павловскій*; в) Злоупотребленіе въ перемѣнѣ ассигнацій въ 1819 г.; г) Матеріалы для исторіи Кіевской Духовной Академіи (1798 года). Прот. *Петра Орловскаго;* д) Къ вопросу объ улучшеніи путей сообщенія въ Кіевѣ въ концѣ XVIII в. и объ участіи въ этомъ дѣлѣ духовенства. Сообщ. *В. Д—скій;* е) Велыкодни

писни. Сообщ. *А. Грепачевскій;* ж) О крашанкахъ и писанкахъ. Сообщ. *А. Грепачевскій:* з) На юбилейный даръ Н. В. Лисенку . . . . 1—18

ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ. . . . . 19—38

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Збирныкъ фильольогичнои секціи Наукового Тов. имени Шевченка. Т. VI. Посмертни пысання Мытрофана Дикарева зъ поля фолькльору й митольогіи. *В. Н.:* б) Гр. Павленко-Павлусь. Свитла зоря. *В. Мировця;* в) Виленскій временникъ. Изданіе Виленскаго генер.-губернаторскаго управленія. Кн. I. Профессоръ Е. Ѳ. Карскій. Бѣлоруссы. Введеніе къ изученію языка и народной словесности; г) Обзоръ журналовъ текущаго года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . 39—51

Книга вторая—май.

Отдѣлъ I.

I. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СУДЬЯ ИВАНЪ ЧАРНЫШЪ И ЕГО РОДЪ. (Окончаніе). *В. Модзалевскаго* . . . . 193—230

II. ЧУДНЫЙ. (Оповидання). *Днипровои Чайки.* . . . . . 231—263

III. ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ ЛУБЕНСКАГО КРЕСТЬЯНИНА. (Продолженіе). *В. Милорадовича* . . . . 264—304

IV. НА МЕРТВОЙ ТОЧКѢ. (Замѣтки читателя). *С. Ефремова* . . . . 305—338

V. УКРАИНСЬКИ ЗАПЫСИ ПОРФИРІЯ МАРТИНОВИЧА. (Продолженіе) . . . . 339—399

VI. М. П. СТАРИЦКІЙ. (Памяти товарища). *О. Пчилки* . . 400—449

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Письмо митрополита кіевскаго Варлаама Ясинскаго къ Петру I о переяславскомъ епископствѣ; б) Къ исторіи оспопрививанія въ Малороссіи. Сообщ. *П. Я. Литвинова;* в) Опытъ составленія топографическаго описанія Кіевскаго намѣстничества въ концѣ XVIII в. Сообщ. *В. Д—скій:* г) О приглашеніи на службу въ Грузію чиновниковъ изъ Малороссіи. Сообщ. *И. Ф. Павловскій;* д) Ходатайство о бѣдной вдовѣ Василевской, родственницѣ св. Ѳеодосія Углицкаго. Сообщ. *И. Ф. Повловскій:* е) Матеріалы для исторіи Кіевской Духовной Академіи (1800—1802 г.) Сообщ. прот. *Петръ Орловскій;* ж) На юбилейный даръ Н. В. Лисенку . . . . 53—68

ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ. . . . . 69—78

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) М. Комаровъ.—Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. Библіографическій указатель матеріаловъ для изученія произведеній и жизни Т. Шевченка. *В. Д.;* б) 1. Д. Кулида.—Збирныкъ творивъ. 1 кныга; 2. А. З.—Молоди порывання; 3. Ѳедь Подолякъ.—Осинни квиткы. *С. Ефремовъ;* в) Обзоръ журналовъ текущаго года; г) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . 79—104

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ М. П. Старицкаго († 14 апр. 1904 р.).

Книга третья—іюнь.

Отдѣлъ I.

I. СЛУХИ О НАЗНАЧЕНІИ КАНТАКУЗИНА ГЕТМАНОМЪ МАЛОРОССІИ (1718 г.). *В. Модзалевскаго* . . . . 451—464

II. ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ ЛУБЕНСКАГО КРЕСТЬЯНИНА. (Окончаніе). *В. Милорадовича*. . . . . 465—505

III. НЕВЕСЕЛИ СИЛЬСЬКИ МАЛЮНКЫ. (Оповидання батюшкы). *Лысака-Тамаренка*. . . . . 506—530

IV. УКРАИНСЬКИ ЗАПЫСИ ПОРФИРІЯ МАРТЫНОВИЧА. (Продолженіе) . . . . 531—566

V. НА МЕРТВОЙ ТОЧКѢ. Замѣтки читателя. (Окончаніе). *С. Ефремова*. 567—596

VI. РОКСОЛАНА. *Галыны Комаровои*. . . . . 597—604

VII. Г. БАЛТА (подольской губ.). Историческая замѣтка. *Ф.* 605—609

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Одобрительныя свидѣтельства для кандидатовъ священства на Волыни. Сообщ. *В. Храневичъ;* б) Два письма П. А. Антоновича къ Г. П. Галагану. Съ пред. *А. Степовича;* в) О посѣщеніи импер. Александромъ I гор. Староконстантинова и дер. Григоровки. Сообщ. *Ив. Бѣньковскій;* г) Складъ древняго оружія въ дер. Григоровкѣ. Сообщ. *И. Бѣньковскій;* д) Высочайшій подарокъ митр. Рафаилу Заборовскому 80 бутылокъ пива и переписка по этому поводу; е) О цѣнахъ на хлѣбъ, мясо, ягоды, воскъ и медъ въ полтавской губерніи сто лѣтъ тому назадъ. Сообщ. *И. Ф. Павловскій;* ж) На юбилейный даръ Н. В. Лисенку; з) Поправка. . . . . 105—120

ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . 121—127

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Н. И. Петровъ. Значеніе Кіевской Академіи въ развитіи духовныхъ школъ въ Россіи съ учрежденія Св. Синода въ 1721 году и до половины XVIII вѣка. *В. Д—скаго;* б) Кириллъ Неграмотный и Θеодоръ Самойленко. Дванадцять чародійныць. Малороссійская опера-феерія въ 3-хъ діяхъ. *В. Мировця;* в) Б. Арсень. Украинскій спиваныкъ. 100 писень зъ нотамы. *В. Мировця;* г) Обзоръ журналовъ текущаго года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 128—149

Слухи о назначеніи Кантакузина гетманомъ Малороссіи (1718 г.).

Наплывъ иноземцевъ въ гетманщину относится преимущественно ко второй половинѣ XVII вѣка, когда, вслѣдъ за смертью Хмельницкаго, начались смуты, дававшія возможность всякаго рода выходцамъ изъ Молдавіи, Валахіи, Сербіи искать здѣсь приложенія своихъ силъ. Привлекаемые сюда междоусобіями, различные искатели приключеній, счастья и наживы успѣшно достигали своей цѣли, поступая на службу къ лицамъ, которыя играли первенствующую роль въ событіяхъ того времени и хорошо платили. Пользуясь ловко обстоятельствами, нѣкоторые изъ подобныхъ авантюристовъ выдѣлялись изъ рядового козачества и добивались полученія видныхъ и вліятельныхъ урядовъ, дававшихъ имъ полную возможность разбогатѣть на счетъ полчанъ. Само собой разумѣется, что подобные выходцы всѣми силами стремились къ полученію урядовъ и нерѣдко достигали ихъ. Такъ, уже въ 1659 году мы видимъ миргородскимъ полковникомъ Павла Апостола—«волоха»; затѣмъ, въ 1665 году пришелъ на Украину Родіонъ Дмитрашко [1]), приведшій съ собой цѣлое «товариство хоругвей волоскихъ» въ 500 человѣкъ и уже черезъ два года добившійся переяславскаго полковничества, которое онъ занималъ, съ небольшими переры-

[1]) О немъ: А. В. Стороженко, Очерки Переяславской старины, Кіевъ 1900, стр. 187—195.

вами, по 1675 годъ, когда передалъ свой урядъ Вуку Сербину[1]), продержавшемуся на немъ по 1682 годъ. Въ 1684—1687 годахъ судьей прилуцкаго полка былъ Янъ Христофоровичъ Грекъ[2]), добившійся этого мѣста черезъ женитьбу на дочери прилуцкаго полковника (1679) Яска Ворonченка; 1689—92 годахъ домонтовскимъ сотникомъ переяславскаго полка былъ Степанъ Томара[3]), сынъ грека, торговавшаго «турскими» товарами въ Переяславѣ; въ 1705 году онъ уже былъ переяславскимъ полковниковъ; Вандулъ Маневичъ[4]), родомъ волохъ, бывшій въ 1696 году сотникомъ миргородскимъ, и другіе. Затѣмъ изъ волоховъ же были и два брата Тарскихъ, Антонъ[5]) и Василій, изъ коихъ первый въ 1711 году былъ полковникомъ бѣлоцерковскимъ, а съ 1712 по 1734—кіевскимъ; второй—съ 1726 года былъ полковникомъ переяславскимъ. Съ ними-же пришелъ и Лукьянъ Бразулъ[6]), посланный въ 1710 году княземъ Дм. Мих. Голицынымъ въ Бендеры (гдѣ тогда находился Мазепа) «въ шпіонахъ» и бывшій подъ конецъ жизни козелецкимъ городовымъ атаманомъ. Къ сербскимъ выходцамъ принадлежитъ также Пантелеймонъ Божичъ[7]), бывшій въ 1704 году полковникомъ сербскаго гусарскаго полка; сынъ его Иванъ—въ 1742—46 годахъ былъ уже нѣжинскимъ полковникомъ. И много, много другихъ, не сохранившихъ родового прозванія, а называвшихся просто: Волошинъ, Сербинъ, Грекъ и т. д. Всѣ они, частью благодаря своимъ личнымъ качествамъ: хитрости, пронырливости и умѣнью приспособляться къ обстоятельствамъ, частью же вслѣдствіе удачной женитьбы на комъ-либо изъ лицъ, принадлежавшихъ къ старшинскимъ фамиліямъ, доби-

---

[1]) Ibid., 126—186.

[2]) Опис. Стар. Малор., т. Ш, стр. 60.

[3]) Кіев. Стар., 1885 г., май.

[4]) Рус. Арх., 1875 г., I, 91.

[5]) Кіев. Стар., 1894, апр., 146—151.

[6]) Дѣло о дворянствѣ Бразолей въ архивѣ д-та Герольдіи Правит. Сената.

[7]) Опис. Стар. Малор., т. II, стр. 16.

вались болѣе или менѣе крупныхъ урядовъ и тѣсно связанныхъ съ ними богатствъ.

Съ концомъ смутъ украинскихъ, т. е. приблизительно съ того времени, когда Самойловичъ сталъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, притокъ иноземцевъ въ Малороссію, надо полагать, уменьшился, но возникъ съ новою силою послѣ 1711 года. Въ этомъ году, какъ извѣстно, имѣла мѣсто «Прутова акція», въ которой большое участіе принимали южные славяне, помогавшіе Петру Великому и деньгами и оружіемъ въ его борьбѣ съ Турціей. Русское правительство, въ видахъ награжденія за понесенныя «службы», зазывало ихъ въ Россію, обѣщая дать имъ деревни «на пропитаніе». Самыми видными выходцами этого времени являются Кантакузинъ и Милорадовичи. Изъ послѣднихъ пришелъ сперва Михаилъ Милорадовичъ, вслѣдъ за коимъ прибыли два брата его Гавріилъ и Александръ, имѣвшій сына Илью. Михаилъ уже въ 1715 году былъ поставленъ полковникомъ въ Гадячъ, для чего смѣщенъ былъ оттуда Иванъ Чарнышъ, назначенный генеральнымъ судьею, и пробылъ на этомъ урядѣ по смерть свою въ 1726 году, когда его мѣсто заступилъ братъ его Гавріилъ; Илья Милорадовичъ сперва былъ гадячскимъ полковымъ хорунжимъ, а въ 1724 году онъ уже значится грунскимъ сотникомъ, гадячскаго полка[1]). Одновременно съ Милорадовичами пришли въ Украину: Василій Капнистъ[2]), служившій сперва «волонтеромъ» въ польскихъ походахъ, а затѣмъ (1726—1737) полковымъ сотникомъ изюмскаго полка и миргородскимъ полковникомъ (1737—1751), послѣ чего опредѣленъ съ чиномъ бригадира «къ командѣ надъ слободскими полками»; Николай Горонескулъ, служившій сперва также «волонтеромъ», а въ 1723 году занимавшій уже сорочинское сотничество; три брата: Славуй, Алексѣй и Максимъ Требинскіе[3]); Семенъ Афендикъ[4]), сынъ котораго Сте-

---

[1]) Дѣло о дворянствѣ Милорадовичей въ архивѣ д-та Герольдіи Прав. Сената.

[2]) Дѣло о дворянствѣ Капнистовъ тамъ-же.

[3]) Дѣло о дворянствѣ Требинскихъ тамъ-же.

[4]) Кіев. Стар. 1886 г., іюль, стр. 443.

панъ въ 1719 году былъ сотникомъ бориспольскимъ и въ 1724 году—наказнымъ переяславскимъ полковникомъ; Дмитрій Мимотиновъ[1]), «сербской породы шляхтичъ», опредѣленный «за вѣрніе императорскому величеству подъ часъ военной съ турками акціи» въ іюлѣ 1723 года сотникомъ седневскимъ.

Упомянутый выше Славуй Сербинъ, ставшій писаться потомъ Требинскимъ, и пришедшій въ это же время Афанасій Кицепъ имѣютъ близкое отношеніе къ приводимому ниже докумету, а потому сообщаемъ о нихъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Требинскій, «по доношенію о немъ преосвященнаго Даніила, митрополита Скандаріи, Приморія и Черной Горы» 1715 года,—«былъ у венеціанъ воеводою въ Коцелновомъ (Кастель-Нуово) и въ 1711 году, во время бывшей съ султаномъ турецкимъ войны, ревностью по благочестію пришелъ оттуда къ нимъ, въ Монтенегрію, съ кампаніею своею для службы царского величества, оставя тамъ всякую честь и получаемое жалованье; и служилъ противъ турковъ, всего христіанства непріятелей, вѣрно, платя па компанію деньги свои, и былъ съ нимъ (митрополитомъ) въ совѣтѣ,—за что домъ его и маетности венеціане разорили и сродственники его странствуютъ въ чужихъ странахъ».—«Того ради желалъ остаться въ Россіи» и въ 1715 году былъ пожалованъ отъ Петра Великаго портретомъ; «а за тѣ его показанныя службы и за утрату пожитковъ—велѣно быть въ малороссійскихъ городахъ и дати ему на пропитаніе деревню, и употребить его въ какой чинъ» по усмотрѣнію Скоропадскаго. Во исполненіе этого указа гетманъ въ началѣ 1716 года далъ Славую ирклѣевское сотничество (переяславскаго полка), а затѣмъ Славуй женился на вдовѣ сотника лукомскаго Василія Пиковца и выхлопоталъ себѣ у гетмана универсалъ на оставшіяся отъ перваго мужа жены его имѣнія: село Лящевку, село Матвѣевку, слободку Мазолѣевку, дворъ въ селѣ Александровѣ и другія, которыя за нимъ и были утверждены царскою грамотою отъ 20-го апрѣля 1721 года. Однако, Славую этихъ маетностей казалось мало, и онъ въ 1734 году, вмѣстѣ съ

[1]) Рукоп. М. О. Судьенка.

братьями своими, просилъ о дачѣ имъ «по убожеству» двухъ селъ: Круподеринцевъ и Савинокъ. Малороссійская Коллегія, которой эта челобитная была передана изъ Сената на расмотрѣніе, нашла, что «за прежнюю и нынѣшнюю службу Требинскихъ и для предбудущаго таковаго потребнаго случая и лучшаго утвержденія и ласканія всего тамошняго (сербскаго) благочестиваго народа, потребно ихъ, Требинскихъ, не въ скудости, но въ пристойномъ довольствѣ содержать», почему имъ и было дано, вмѣсто Круподеринцевъ и Савинокъ, 70 дворовъ въ м. Оржицѣ и с. Плѣховѣ, лубенскаго полка. Сотникомъ ирклѣевскимъ Славуй Требинскій пробылъ, кажется, до 1736 года, когда «за слабостью и дряхлостью», былъ уволенъ, а на его мѣсто опредѣленъ братъ его Алексѣй. Получивъ «абшитъ», Славуй прожилъ еще болѣе десяти лѣтъ, вызвалъ изъ-заграницы нѣсколько своихъ родичей, и умеръ въ 1750—52 годахъ, имѣя болѣе 70 лѣтъ отъ роду.

Второе лицо, о которомъ говоритъ розыскъ 1718 года, былъ Аѳанасій Кицешъ[1]), называвшійся иногда просто Волошиномъ. Онъ также былъ въ Прутскомъ походѣ, а затѣмъ отпущенъ по указу въ «черкасскіе» города. Здѣсь онъ сперва основался въ гадячскомъ полку, гдѣ женился на вдовѣ брата генеральнаго судьи Чарныша, получилъ въ 1715 году, при помощи послѣдняго, сотничество въ Ковалевкѣ, но уже въ 1717 году потерялъ его якобы изъ-за «продерзливихъ» своихъ словъ, но на самомъ дѣлѣ изъ-за ссоры съ Чарнышемъ. Нѣсколько разъ прося о возвращеніи сотничества, Кицешъ ничего не добился: его замѣститель Демьянъ Ивановичъ сотниковалъ въ Ковалевкѣ еще въ 1730 году, а самъ онъ въ 1729 году служилъ ротмистромъ ландмилицкихъ полковъ; дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

Изъ приведенныхъ выше свѣдѣній о Требинскомъ видно, что приводимый ниже розыскъ 1718 года нисколько не повліялъ на его судьбу: онъ еще цѣлыхъ 18 лѣтъ оставался сотникомъ: что же касается Кицеша, то хотя онъ лишился сотничества якобы

---

[1]) О немъ смотри нашу статью: «Генеральный судья Иванъ Чарнышъ и его родъ», въ Кіев. Стар. 1901 г., апр. и май.

изъ-за своихъ «продерзливыхъ» словъ, но на самомъ дѣлѣ произошло это изъ-за его вражды съ сильнымъ человѣкомъ того времени, Чарнышомъ; да и смѣщеніе его съ уряда произошло до розыска. Безнаказанность Требинскаго и Кицеша въ данномъ случаѣ, несмотря на оффиціальный розыскъ, объясняется тѣмъ, что гетманъ былъ безсиленъ противъ лицъ, назначенныхъ на уряды «по указу», т. е. по выбору самого царя, помимо воли гетмана. Эти царскіе ставленники постоянно оказывали открытое неповиновеніе мѣстной власти; такъ, напримѣръ, когда по указу Генеральной Канцеляріи составлялись въ переяславской полковой канцеляріи списки о службахъ полковой старшины, то всѣ сотники прислали таковыя, а Требинскій безъ всякихъ объясненій «не прислалъ о себѣ вѣдомости», и это такъ, повидимому, и осталось... Не только въ области служебныхъ отношеній гетманъ встрѣчалъ неповиновеніе со стороны волоховъ, но тоже было и въ области имущественной. Заявляя правительству о потеряхъ, понесенныхъ во время Прутскаго похода ради русскихъ, волохи выпрашивали себѣ маетности, получивъ которыя, позволяли себѣ всевозможныя насилія надъ посполитыми, не допуская ихъ къ отбыванію общественныхъ повинностей и проч. Какъ люди, заявившіе уже вѣрность царю въ Прутскомъ походѣ, Требинскій, Кицешъ и другіе выходцы чувствовали себя крѣпко сидящими на урядахъ, зная, что доносы на нихъ не имѣютъ силы, вслѣдствіе общаго недовѣрія, которое послѣ измѣны Мазепы сказывалось со стороны русскаго правительства по отношенію къ малороссіянамъ и выражалась въ назначеніи полковниковъ изъ «великорусской породы людей» и иноземцевъ, а впослѣдствіи—въ учрежденіи Малороссійской Коллегіи... Кромѣ того, волохи сознавали твердость своего положенія еще и потому, что въ нихъ сильна была взаимная сплоченность и развита поддержка другъ друга. Вліятельныя и занимающіе крупные уряды лица старались окружить себя соплеменниками, предоставляя имъ болѣе мелкіе уряды подлѣ себя. Такъ, напримѣръ, Михаилъ Милорадовичъ устроилъ хорунжимъ въ гадячскомъ полку племянника своего Илью, смѣстилъ съ сотничества комышанскаго Ивана Крупку и, по свидѣтельству Ки-

цеша, имѣлъ намѣреніе удалить еще всю полковую гадяцкую старшину, а на ея мѣста «своихъ подручныхъ сербовъ и волохъ на власти понаставляти». Въ своей враждѣ съ Чарнышомъ Кицешъ, повидимому, опирался тоже на Милорадовича, пока съ нимъ не поссорился. Вообще, во всѣхъ челобитныхъ Кицеша сквозитъ сознаніе, что онъ въ Украинѣ не одинъ изъ чужеземцевъ, а что ихъ цѣлая «братія», о «службахъ» которой онъ никогда не забывалъ, гдѣ слѣдуетъ, упоминать... Понятно, что коренная малорусская старшина съ большимъ неудовольствіемъ смотрѣла на раздачу урядовъ и маетностей чужеземцамъ. Скоропадскій подъ разными предлогами хотѣлъ избавиться ради Чарныша отъ Милорадовича; Чарнышъ же говаривалъ Кицешу: «Имѣю я надѣяніе на Бога нетокмо сербыновъ,—и всѣхъ васъ, волоховъ, изъ Украини каменіемъ вибити!»

Сопоставляя приведенное выше со словами Требинскаго, говорившаго гадяцкому полковому сотнику Ивану Пирятинскому: «Ну, миленькіе, памятайте тое, же певне послѣ сего вашей козацкой власти не будетъ,—отъ начала и до иншихъ полковниковъ и сотниковъ,—але тилько всѣ врядники иноземци тутъ будутъ, *а насъ тутъ прислано постерегать васъ, чтобы вы, миленькіе, не змѣнили*»,—съ слухами, распространявшимися Кицешемъ и другими волохами о томъ, что гетманомъ будетъ *ихъ* генералъ Кантакузинъ,—приходится заключить, что Кицешъ, Требинскій и другіе выходцы и царскіе ставленники были правы, видя въ своемъ назначеніи на уряды и въ раздачѣ имъ маетностей не только награду за «службы», но и правительственную цѣль—«постереганя измѣны». Извѣстный Ѳедоръ Лисовскій[1]), когда былъ поставленъ царемъ на протопопство въ Гадячъ, тоже говорилъ, «я не ради протопопства едного тутъ зосланъ, але ради всѣхъ управленій и *постереганя и преслѣдованя змѣни*», а на всѣ подаваемыя на него жалобы отвѣчалъ, что онъ гетману не подсуденъ...

Что касается источника, откуда пошли слухи о гетманствѣ Кантакузина, то, кромѣ поѣздки въ 1718 году въ Москву Ско-

---

[1]) Опис. Стар. Малор., I, 199.

ропадскаго и сознанія, бывшаго у волоховъ о правительственной цѣли ихъ назначенія, нѣкоторой разгадкой этого обстоятельства служатъ слова, обращенныя къ Кантакузину его женой и подслушанныя слугой ихъ сербиномъ Бутовичемъ[1]): «Досить уже тобѣ такъ войсково служить, але просити мусишь отъ государа такового помилованія, щобъ въ Украинѣ гетманское офѣцію одержать». Стеченіе этихъ трехъ обстоятельствъ и вызвало, повидимому, въ гетманщинѣ тѣ толки, послѣдствіемъ которыхъ явился розыскъ 1718 года.

В. Модзалевскій.

- - -

Року тисяча сѣмъ сотъ осмогонадцятъ, мѣсяця и дня двадцятъ четвертого. За вѣдомомъ сіятелнѣйшихъ царского пресвѣтлого величества минѣстровъ, паче-же з волѣ монаршой, присланъ з Санктпѣтербурха отъ ясне велможного его милости пана Іоанна Скоропадского, войскъ запорозскихъ гетмана, через пана Романа Бороховича, знатного товариша войскового, виразний его рейментарский указъ, чтобы о соплѣтателехъ между народомъ Малороссійскимъ лщенія, безсовѣстнихъ пліотокъ и раждаючого бунтовский початокъ соблазна исправити освѣдителствованний и досконалний розискъ и потомъ тихъ плутословцевъ до крѣпкого взять караулу. Теди мы, нижеподписанніе, зъехавши в городъ Гадячъ и засѣвши в замку рейментарскомъ, таковий з допроснихъ рѣчей о пронесенню плутнѣ изобразилисмо розискъ.

Панъ Иванъ Пѣратинский, сотникъ полковий Гадяцкий, в доношенію сказалъ: Ижъ случилось, мовитъ, сихъ мимошедшихъ воскресенскихъ святъ первой седмицѣ быти в дому пана *Мартина Стишевского*, асаула полкового Гадяцкого, на водцѣ, где згодился между нами и *Словуй Сербынъ*, сотникъ полку Переяславского Ирклѣевский, едучий в походъ военний къ Царичину. Заразъ рѣчъ отъ дерзости и неповстягливости своей до мене таковую з вопросомъ внесъ: «Чи одинъ у васъ духъ?» Я на тое отповѣдѣ-

---

[1]) Кіев. Стар. 1904, апр., стр. 20—24.

лемъ: «Що человѣкъ—то инший духъ». Онъ, Словуй, в обширность мовий, знову отказалъ такъ: «И в моей сотнѣ все иншіе були духи, и я ихъ добре принялъ, и за тое, призвавши мене предъ себе, его милость панъ Іванъ Сулима, хоружий енералный, наказовалъ словесно». Потомъ далѣй онъ-же Словуй вирекъ: «И ну, миленкіе, помятайте тое, же певне послѣ сего вашей козацкой власти не будеть, отъ начала и до иншихъ полковниковъ и сотниковъ, але тилко всѣ врядники иноземцѣ тутъ будуть, а насъ тутъ прислано постеригать васъ, чтобы ви, миленкіе, не змѣнили!» Потомъ, при концу тоей рѣчи, пречестный отецъ Симеонъ Василіевичъ, протопопъ Гадяцкий, з священниками своими пришолъ туда-жъ в домъ пана асаула з праздничнимъ повѣнншованемъ.

Я самослишатель к своей сказце руку прилагаю. Іванъ Нѣратинский, сотникъ полковий Гадяцкий.

Пречестний отецъ *Симеонъ Василіевичъ*, протопопъ Гадяцкий, честний отецъ *Симеонъ*, намѣсникъ протопопіи Гадяцкой, честний отецъ *Григорий Терпеловский*, священикъ церкви соборной, противъ сказки помянутого пана сотника полкового Гадяцкого в допросѣ такъ сказали, что «былисмо подъ часъ мимошедшихъ воскресенскихъ святъ в дому пана Мартина Стишевского, асаула полкового Гадяцкого, с праздничнимъ привѣтомъ и помянутого *Словуя Сербына* зостали и чули, что онъ, Словуй, шатаючися то сюди, то туди в хатѣ асаулской, много де-чего языкомъ шермовалъ и словами плуталъ; и тогди отецъ Терпеловский отъ него таковий вопросъ слишалъ: «Чи одного ви духа?» а иншихъ словъ, в сказцѣ сотницкой виражениихъ, того ради не внимали и не дослуховались, же сами были подпиліи и всякъ з другимъ разніе дискурси размовляли».

Мы к своей сказцѣ руки прилагаемъ: Семионъ Василевичъ, протопопа Гадяцкий.

Семионъ Василевичъ, намѣстникъ Гадяцкий.

Георгий Терпѣловский, іерей святоуспенский Гадяцкий.

Іванъ Бутовичъ, презвитеръ богоявленский Гадяцкий.

Іяковъ Димитриевичъ, іерей воздвиженский.

Іоанъ по (?) Іоановъ, іерей спаскій.

Я іменемъ *Петро Коржъ*, житель Гадяцкий, сознаю тое, что числа марта 16 ехалъ *Василъ Петровичъ Астовъ*, камисаръ полку Кропотова, з Борзни до Харкова, повѣдалъ в замку Гадяцкомъ такую рѣчъ, же на Москвѣ его милость пана полковника Черпѣговского [1]) кнутомъ бито и на гакъ завѣшено и третого дня умеръ, а болше нѣчого не чулъ; на томъ свою руку подписую.

Панъ сотникъ Пѣратинский извѣстилъ, что писаръ комисарский, именно *Тимофѣй Василіевъ*, пришолъ, мовитъ, до мене з атаманомъ круткувскимъ *Павломъ Фокою* послѣ праздника великодного упоминатися будто о недодачу овса за полмѣсяця, и сказалемъ я: «Нехай, мовитъ, рощотъ учиню между атаманомъ старимъ и теперешнимъ круткувскими». Онъ, писаръ, откажетъ: «Ей, миленький, какъ ви горди, а не вѣдаете ви, для чого гетмана вашего взято на Москву и в Пѣтербурхъ, и уже ему голову отрублено!» И отповидѣлъ я ему противъ тоей дерзостной плутнѣ: «Лжешъ ти на тое, нашъ ясневелможний, якъ слишимъ, у пресвѣтлѣйшого монархи у великой милости»; якую рѣчъ обявлялъ з нимъ же пошовши до пана полковника своего Михайла Милорадовича, и панъ полковникъ ему, писару, тое ганилъ и одослалъ мене з Грігоріемъ Цюпкою, прапорщикомъ полковимъ, до господина секундъ-маіора Калчукгина полку володимерского, в Гадячомъ на квартери стоячого, и тую плутню помянутий атаманъ круткувский чулъ з устъ писара происходящую.

Я к своей сказцѣ руку прикладаю. Іванъ Пѣратинский, сотникъ полковий Гадяцкий.

Панъ Григорий Цюпка, прапорщикъ полковий, в допросѣ признаяъ, что подъ часъ бытности моей в дому пана полковника, послѣ святъ воскресенскихъ, пришолъ панъ Пѣратинский, сотникъ полковий, с писаремъ камисарскимъ и прекладалъ пану полковнікови такую дикую рѣчъ, що писаръ сотнику плуталъ, же гетману пашему в Петербурсѣ голову втято, за що панъ полковникъ писара того страфовалъ и напоминалъ. Потомъ послалъ

---

[1]) Рѣчь идетъ о Павлѣ Полуботкѣ, ѣздившемъ съ Скоропадскимъ въ 1718 году въ Москву.

пана сотника зо мною до господина секундъ-маіора з обявленіемъ тоей плутнѣ, и хочай килка развивъ до его милости ходили, однакъ насъ не допущено, мовячи, же забавенъ.

На сей моей сказцѣ подуписуюся. Григорий Цюпка, пранорьщикъ полковий Гадяцкий.

Павло Фока, атаманъ круткувский, в допросѣ подъ совѣстію признал, же помянутий камисарский писаръ тие слова плуталъ: «Что, миленкие, не вѣдаете ви, для чого вашого гетмана взято на Москву и в Пѣтербурхъ, которому тамъ и голову втято». Панъ сотникъ отвѣтовалъ, же «лжешъ ти; ясне велможний при милости монаршой». Потомъ, якъ пошли до пана полковника своего з обявленіемъ, онъ писаръ просилъ, жебы панъ полковникъ прикрилъ тое; однакъ панъ полковникъ увѣщалъ его за тую плутню.

Сюю сказку мою я, Павло Фока, крестомъ закрепляю.

Іванъ Ставѣцкий, мещанинъ старинний Гадяцкий, в допросѣ сказалъ, что якъ приехалъ передомъ з Москви осередопостѣ в Гадячъ отъ пана полковника своего Михаила Милорадовича калачникъ Андрѣй Боханченко, житель Гадяцкий, з слугою полковничимъ, приставшимъ на Москвѣ, Григоріемъ Волошиномъ, и говорили минѣ таковую плутню, что енералъ Кантакузинъ будетъ тутъ у насъ гетманомъ, а панъ полковникъ нашъ— енераломъ надъ трома полками: сумскимъ, ахтирскимъ и гадяцкимъ, гетманъ-же теперишний буде черицемъ. Теди, я на тое имъ отказалъ: «Лжете ви; я гетмановъ скилконадцятъ памятаю, а ни одного не пущено в чернцѣ, лечъ розно по своихъ заслугахъ и вѣрностяхъ жітіе свое кончили.

Сюю сказку мою я, Іванъ Ставѣцкий, крестомъ закрепляю.

Андрей Боханченко, калачникъ, в допросѣ признал, что едучи з Москви з слугою, тамъ до пана полковника на службу приставшимъ, именно Григоріемъ Волошиномъ,—многократне онъ намовлялъ мене, чтобы, приехавши в Гадячъ, тое в нарядѣ проносити, же будетъ подъ властю полковничою и замокъ Гадяцкий, а не подъ гетманскою. Потомъ, в долгомъ допросѣ онъ Боханченко (любо першъ таился) заледво признался, же слуга пол-

ковничий Григорий Волошинъ виряженную плутню в сказцѣ Ставѣцкого при немъ говорилъ, а онъ самъ о себѣ запѣрался, же того не говорилъ. Потимъ знову Андрѣй Боханченко призналъ, что Григорій Волошинъ просилъ мене, жебы я нѣчого о туй плутнѣ передъ судомъ не говорилъ, бо, мовитъ, обомъ намъ недобре будетъ и хочъ бы и быто тебе—нѣчого не кажи.

Подъ готовостю присяги сюю сказку крестомъ закрепляю.

Пречестний отецъ Сумеонъ Василіевичъ, протопопъ Гадяцкий, честний отецъ Сумеонъ, намѣстникъ протопопіи Гадяцкой, честний отецъ *Григорий Терпеловский*, настоятель церкви соборной, честний отецъ *Іоанъ Бутовичъ*, презвитеръ богоявленский, в допросѣ сказали тое, что когда пришлисмо до пана полковника в домъ в великодную суботу для испрошенія у его милости отцу протопопѣ своему за невинное удание прощенія, тогди видѣлисмо предъ нами прохожаючогося Афанаса Волошина [1]), бывшого сотника коваловского, и спросилъ я, протопопъ его, Афанаса Волошина: «Якъ и где вмсть погодился з паномъ полковникомъ?» Онъ, осклабывшися, вслухъ всѣмъ намъ такъ мовилъ: «Трудно было мнѣ не прощатися, бувши на Москвѣ, поневажъ тамъ и кого-нѣбудь смиряютъ»: и далѣй сказалъ: «Якъ мнѣ было тамъ не смиритись, что на пана полковъника великая является царская ласка и такая милость, якой и гетманъ не маетъ». На що я, намѣстникъ, ему отвѣтствовалъ: «Лжешъ ты на тое. Ясне велможному—гетманская милость, а полковникови —полковничая».

К сей сказкѣ нашой руки прилагаемъ: Семионъ Василевичъ, прот. Гад.

Сумеонъ Василевичъ, намѣст. Гад.; Георгий Терпѣловский, іерей Стоуспенский.

Іоанъ Бутовичъ, іерей богоявленский Гадяцкий.

Ияковъ, іерей воздвиженский.

Многократне допрошуванъ *Афанасъ Волошинъ* противъ сказки отца протопопи Гадяцкого и прочіихъ іереевъ тутейшихъ, однакъ о

---

[1]) Т. е. Кицеша.

обелзѣ и уничиженіи чести рейментарской не признался, лечъ тилко, мовитъ, «такіе слова я сказалъ, же, приводячи мене господинъ Феодоръ Івановичъ Протасіевъ, столникъ, до згоди з паномъ полковникомъ нашимъ гадяцкимъ, жебымъ я на его не чолобытствомъ, и сказалъ мнѣ тое его милость: «Что, видишь, мовитъ, якая великая честь тутъ вашему полковнику—нѣчого ему не вдѣешъ».

Григорій Минтянинъ, бывший атаманъ куземинский, в допросѣ доносилъ, что чулъ отъ Афанаса Волошина в дому своемъ, когда онъ виправленъ былъ в походъ военний одъ пана полковника Гадяцкого до Царичина, на мѣсцу пана Романа Корицкого, сотника опошнянского, же говорилъ тіе слова, что уже естъ у насъ гетманъ новий. А когда вопросилъ я его: «Хтожъ такий: чи з нашихъ людей, чи з великороссийскихъ?» онъ, Афанасъ, отвѣтовалъ: «Такий человѣкъ, же знаетъ по турецку, по минтянску и по волоский говорити, именно—енералъ Кантакузинъ: а полковникови нашему гадяцкому роту или другую придадутъ драгунъ»; а чого ради тіи драгуне придани будутъ—тую причину сказалъ: «Для безпечности, жебы якъ мене у войску мало не были, не приймуючи на мѣсце пана сотника опошнянского в помянутий походъ военний, такъ бы и надъ полковникомъ нашимъ не вчинилось».

Сюю сказку свою я, Григорий Минтянинъ крестомъ закрепляю.

Афанасъ Волошинъ къ допросу Григорія Минтянина во всемъ цѣле тамчись не признался.

Панъ *Іванъ Пѣратинский*, сотникъ полковий Гадяцкий, обявилъ, же отъ пана полковника своего чулъ тіе слова: «Будучи на Москвѣ, прекладалемъ я сіятелнѣйшому графу Гаврилу Івановичу Головкину в донесение царскому величеству, что на затягъ войска, еще в своей землѣ будучи, много задолжилемся, позичаючи в монастирахъ, то по тисячи, то по пятъ сотъ червонихъ,—якого долгу не мѣю теперъ чимъ уистити; на що мнѣ отвѣтовалъ сіятелнѣйшый графъ: «Мѣешъ собѣ врученний полкъ Гадяцкий—с того собѣ наживай».

К сей сказце подписую руку. Іванъ Шѣратинский, сотникъ Гадяцкий.

І ми, нижеподписанніе інквикитори, будучи в дому его милости пана полковника Гадяцкого в день аггела государева, чули отъ его милости в сказцѣ пана сотника и пана асаула полкового тую всю виражепную рѣчъ.

Якіе в розиску вижейвираженніе совѣстними допросами інквѣрованние, в народѣ пропесенніе на зверхнѣйшую властъ и о инпихъ особахъ плутнѣ и уничиженія, по високомъ з Санктпѣтербурха присланномъ указу, симъ розискомъ исправили, при закрѣпленію подписовъ рукъ нашихъ и печатей, до долшого властелинского разсмотренія. Писанъ в замку Гадяцкомъ, року и дпіа вижейвираженного.

Михайло Турковский, Господаръ Замку Гадяцкого. М. П. *Григорий Кграбянка, Судия полку Гадяцкого.* М. П. *Романъ Бороховичъ.* М. П. *Стефанъ Максимовичъ, Канцеляристъ войсковий.* М. П. (Съ подлинника).

Житье—бытье лубенскаго крестьянина[1].

(*Окончаніе* [1]).

Для лучшей характеристики семьи прилагаются слѣдующія мѣстныя семейныя пѣсни, расположенныя въ такомъ порядкѣ: колебанія молодежи при выборѣ пары, сожалѣнія молодой о дѣвичьей волѣ, столкновеніе ея съ роднею мужа, свиданіе съ матерью и жалобы ей. Преобладаніе жены, разгулъ ея и измѣна. Нелюбовь и невѣрность мужа, ревность, разлука, смерть и убійство.

1.

Якъ бы мени батько, та ридная маты,
То я бъ оженывся, хочъ я й небагатый.
Якъ бы мени стребло [2]) та все тіи гроши,
То я й оженывся, хочъ я й нехороший.
Тай самъ я не знаю яку жинку браты?
Визьму я убогу—ничимъ зодягаты,
А визьму багату—буде докоряты.
Визьму я хорошу—будуть улюбляться;
Визьму я погану—стыдно й показаться.

(Записана въ 1896 г. отъ кр. х. Яновщины Уляны Бондаренковой, 30 л.).

---

[1]) См, Кіев. Ст. 1904 г. № 4.
[2]) Вмѣсто срибло.

2.

Ой якъ бы я молодая биду знала,
Не йшла бъ замижъ молодою тай гуляла.
Росчесала бъ русу косу по волосу
Познавала бъ лышенько по голосу.
Чы я тоби мій мыленькый не казала,
Чы я твого щырого серця не втишала.
Ой не ходы мій мыленькый до воротъ.
Тай не слухай мій мыленькый поговоръ.
Бо я ціи поговоры давно знаю.
Якъ покочу серебряный перстень по кровати,
Хочъ котыся серебряный перстень, а хочъ не котыся.
Хочъ женыся мій мыленькый, а хочъ не женыся.

(Записана въ 1890 г. отъ кр. х. Терновщины Устины Початкиной, 17 л.).

3.

Якъ бы жъ я була знала
Таке свое безталання,
Не пишла бъ я замижъ
На такее горювання.
Якъ бы жъ я була знала
Таку свою несчасну долю,
Сыдила бъ я у батька
Дивчыною молодою.
Якъ я жъ у батенька була,
Такъ якъ роженька цвила,
А теперъ же я стала
Якъ рыбочка вьяла,
Уси нужды знаты стала.

(Записана въ 1891 г. отъ кр. м. Снѣтина Анны Прихидькиной, 25 л.).

У Чуб., № 145, стр. 543, т. 5, вар. отдаленный.

4.

Плыве човенъ воды повенъ
Проты воды тыхо,—
Не иды дивко за удивця,
Буде тоби лыхо.
Що й удовець не молодець
Винъ жартивъ не знае,
Що винъ твое биле лыце
Зъ своимъ поривняе.
Ривняй, ривняй, сучый сыну,
Колы довелося,
Колы мени молоденькій
На лыхо пишлося.

(Записана въ 1891 г. отъ кр. м. Снѣтина Прасковьи Гетьмановой).

5.

Упавъ снижокъ на обнижокъ
Тай ставъ водыцею.
Лучче було дивчыною,
Чимъ молодыцею.
Що жинкою, та дивкою
Кажуть люде ривно.
Чорты ёго батька вбылы!
Гуляты не вильно.
Що у батенька крути горы—
Гуляты доволи,
А у свекорка усе ривно—
Гуляты невильно.
Що у батенька заганяты,
Питы погуляты,
А въ свекорка вытопыты
Дай спаты лягаты.

(Записана въ 1889 г. отъ кр. д. Рудки Авдотіи Сокиркиной, 18 л.).

6.

А мій батенько слипъ,
Завьязавъ мени свитъ,
Въ мене маты зоря
Рано замижъ оддала
На чужу сторону
У велыку симью.
А велыка симья
Тай обидать сида,
А мене молоду
Посылають по воду.
Я по воду иду,
Якъ голубка гуду;
А зъ водою иду спотыкаюся,
Дрибненькымы слизонькамы умываюся,
Шытымъ билымъ рукавцемъ утыраюся,
Пидъ виконце прыйшла прыслухаюся.
Щось у хати стугоныть,
Маты сына учыть:
«Ой, ты сыночку мій!
Ты дытыно моя!
Чомъ ты жинкы не бьешъ,
Нащо жалуешъ?
— Нащо, маты, жинку быть?
Треба зъ нею викъ изжыть.
И не быйте іи, и не лайте іи,
Вона ище молоденька
Научайте іи,
Якъ не треба іи—одсылайте іи.

(Записана въ 1890 г. отъ кр. с. Ольшанки Тетяны Гайдаевой).

Вар.: у Чубинскаго. V. № 305, 701 и Ш, №№ 66, 156 (веснянка); у Гринченка, Этногр. мат. Ш, № 586, 304, 305; у Конощенка, Укр. писни. Одес. 1900 г., № 58, 78.

7.

Та не куй, зузуле, въ диброви,
не збуды мене молодои!

Бо избудять мене раньше тебе
Та пошлють же мене дальше тебе:
Уставай, невистко, неробитныце,
До нашого роду непрывитныце
И въ нашому дому некукибныце!
Невисточка встала, послухала,
Взяла видеречка, постукала,
Тай упять головку укутала.
Що свекорко каже: воды пишла,
А свекруха каже: спаты лягла;
Що свекорко каже: избудымо,
А свекруха каже: изгубымо.
А диверко каже: грихъ намъ буде,
А зовыця каже: друга буде.
Що диверко каже: не такая,
А зовыця каже: молодая!
Що диверко каже: не до мысли,
А зовыця каже: у намысти.
Диверко каже: не до любовы,
А зовыця каже: чорніи брови!

(Записана въ 1889 г. отъ кр. м. Снѣтина Уляны Выборной).

8.

Ой не куй, зузуле, тай у диброви,
Бо не збудышъ мене, молодои!
Та и збудять мене раньше тебе,
У мене свекорко не батенько,
А свекруха та не матинка.
У мене диверкы не братикы,
У мене зовыци не сестрыци;
Не пускають мене на вечорныци.
Загадують мени дило робыты:
На крутую гору каминь котыты,
А съ крутои горы [1] воду носыты.
На гарячый каминь воду лыты

(Отъ коз. с. Духовой Ступкиной).

---

[1]) Съ тыхого Дуная.

9.

Не куй, зозуле, надъ водою,
Не збуды невистки молодои,
Бо есть у неи старшіи видъ тебе—
Збудять іи раньше тебе.
Ходыть свекруха по городу,
Будыть свою невисточку:
Уставай, невисточко, коханочко,
Прынесы воды на вмываннячко (2),
Прынесы рушнычокъ на втыраннячко.
Ой невистка устала, послухала
Взяла голивоньку укутала.
Уставай, невистко, неробитныце!
Та до моёго дила не кукибныце (2),
Та до мого серця не прыхильныце.

(Изъ рукописнаго сборника Н. М. К—чъ, записано въ д. Зарогѣ).

10.

Наши вивци на крутій гирци,
Спыть наша невистка у комирци;
А коровы вже въ диброви,
Спыть наша невистка въ комори;
А свыни въ долыни,
Спыть наша невистка на перыни.
Пишовъ диверко невисткы будыть:
Уставай, невистко, неробитныця,
До нашого роду непрывитныця!
Невистка встала, послухала,
У видеречка постукала,
Ряденцемъ головку укутала.

(Въ 1890 г. отъ кр. с. Вильшанки Оксаны Даценковой, 18 л.). Вар. у Чубин. Тр. III, № 50, 145, веснянка.

11.

Вставай невистко! подій коровы.
Подій ти коровы, що одъ батька нагнала,

Повыгонь овечкы, шо маты надавала.
Уже жъ ти коровы тай у диброви,
Молода невистка спыть у комори.
Тай уже-жъ ти вивци на крутій гирци,
Молода невистка спыть у комирци.
— Тай ой годи-жъ маты тоби симъ докоряты.
Я твого сына не сыловала браты,
Я зъ твоимъ сыномъ по саду не ходыла,
Я твого сына вирненько не любыла.

(Въ 1901 г. отъ кр. д. Шекъ Федосьи Матвіенковой).

12.

Ой на гори бурякы,
А въ долыни свекла,
Колы бъ мени Господы
Отъ батька до свекра.
Колы бъ мени Господы
Свекрухы диждать,
Заставыла бъ стару суку
Халяндра скакать.
Скакай, скакай, стара суко,
На курячій нижци,
А щобъ знала якъ годыты
Молодій невистци.
Ой якъ бы ты́, стара суко,
Не разъ угодыла,
Та я бъ тоби постиль билу
Що дня перебыла.
Качалочку въ головочку,
А рубель у бокы,
Соломкою прытрусыла,
Кочергою вкрыла.
Лежы, лежы, стара суко,
Бодай ты не встала,
Щобъ моеи головонькы
Тай не клопотала!

(Въ 1891 г. отъ кр. х. Николаевки, Маріи Романъ, 18 л.).

Вмѣсто 9—12 строкъ въ д. Яновщинѣ, поютъ:

Скакай, скакай, стара суко,
На колючимъ мисти,
А щобъ знала якъ годыты
Молодій невистци.

(Отъ Василисы Конычкы, 17 л).

У Чуб. (№ 318, стр. 724) приведена только первая половина этой пѣсни.

13.

Свекорко лыхый тай побывъ, побывъ,
Тай пишовъ межъ мыръ,
Тай хвалытся, выхваляется,
Що добре, добре чуже дытя быть,
А ни лается, ни змагается.
Куды ни пошлю, тай справляется,
А мылый стоить, оправдается.
Добре, таточку, чуже дытя быть,
Що ни лается, ни змагается,
До билыхъ ручокъ прыклоняется.

(Отъ кр. Анны Прыхидьковой, 25 л., м. Снѣтина,—въ 1891 г.).
У Чуб., т. 5, № 303, Б, стр. 699, гораздо подробнѣе и иначе.

14.

Ой буду я недилонькы ждаты
Та пиду до роду гуляты.
Ай у мене ридъ багатый
Та буде часто частуваты,
А я буду повну выпываты,
Та буду свого роду прохаты:
Ой роду, мій родочку!
Пускай мене рано до домочку,
Бо въ мене тры биды въ хати:
Перва бида—дытына малая,
А друга бида—свекруха лыхая,
А третя бида—мылый ревнывый.

Ой пидійду я стыха пидъ виконце
Та послухаю, що свекруха робыть.
Свекруха вечеряты варыть,
А свекорко дубыночку парыть;
Парыть дубыну та на мою билу спыну,
А мылый дытыну колыше,
А колышучы, важенько дыше.
Ой ну люли, дытыно малая,
Нехай гуля маты молодая,
Ай ну люли дытыно въ колысци,
Нехай гуля маты въ намисти,
Нехай гуля тай нагуляется,
Съ своимъ родомъ та навыдается,
А въ роду весилля мынется,
То тоди все спомянется,
А колы бъ була се словечко знала,
То було бъ зъ родомъ довше гуляла.

(Въ 1891 г. отъ кр. м. Снѣтина Домникіи Ивахненковой, 60 л.).

Первая половина пѣсни такая же въ Этногр. матер. Гринченка г. III, № 385, 303.

15.

Пыйте люде горилочку,
А я буду воду,
Горе мени на чужыни,
Та безъ свого роду.
Що мій ридъ пье та гуляе
Тай мене згадае,
Десь нашои несчасныци
Шо й до насъ немае.
А чы вона платье пере,
А чы хату маже,
Шо не прыйде, не прыйиде
Никимъ не накаже.

(Отъ Мотрены Матюшиной).

Вар. Чуб. т. 5, № 234, стр. 628.

16.

У недилю рано сыне море грало.
Вырядыла маты дочку
Въ чужу стороночку (2),
Межъ чужіи люде.
— Ой хто-жъ тебе, дытя мое,
Тамъ жалиты буде?
— Жалитымуть, ненько моя,
Все чужіи люды.
Робытыму й годытыму,—
Добре й мени буде.
— Колы жъ тебе, дытя мое,
Въ гости сподиваться?
— Сподивайтесь, ненько моя,
Тоди мене въ гости,
Якъ наросте й у свитлыци
Травка на помости.
Росла, росла травка
Та стала хылыться,
Ждала, ждала маты дочкы
Та стала журыться.
Росла, росла травка
Тай у кудри вьется,
Що матуся за дочкою,
Якъ орлыця бьется.
Росла, росла травка,
Стала посыхаты,
Ждала, ждала маты дочкы,
Стала помираты.

(Въ 1900 г. отъ кр. д. Шекъ Еф. Купріевой).

17.

Ой, матинко, вышенько!
Яке мени лышенько.
Ой матинко, туполе!
Яке мени тутъ горе.

Пиду въ поле блукаты,
Отця-ненькы шукаты.
Пишла въ поле—не найшла,
Заплакала тай пишла.
Найшла въ поли былыну[1]),
Матусыну могылу.
До могылы прыпала,
Отця, неньку згадала.
Сыра земле, розступысь,
Ты, матинко, пидведысь!
Ой куды ты[2]), доню, йшла,
Шо ты мене тутъ знайшла?
Чы хмаркою, чы дощемъ,
Чы тыхою водою?
Жывы, доню, зъ бидою,
Жывы, доню, якъ жывешъ,
Вже жъ ты мене не зведешъ,
Матинкою не назвешъ.
Иды, доню, не гайся,
Изъ свекоркомъ не лайся.
Иды, доню, не барысь,
Зъ свекрухою не бранысь,
Бо свекруха старенька,
Якъ матинка ридненька.

(Въ 1892 г. отъ коз. с. Тимковъ, Прасковьи Кирилленковой).

18.

Хожу, блужу, блукаю,
Матусенькы шукаю.
Ой шукала, не найшла,
Заплакала тай пишла.
Найшла въ поли долыну,
Матусыну могылу.

---

[1]) Ялыну.
[2]) Ой, зъ кымъ же ты...

До могылы прыпала
Матусеньку згадала:
Устань, нене, до мене,
Горе жыты безъ тебе!
— Ой, не встану, не пиду,
Головонькы не зведу;
Насыпано землыци
На каріи очыци.
Жывы, доню, якъ Богъ давъ,
Колы мене Богъ прынявъ.

(Въ 1891 г. оть кр. х. Николаевки Ст. Векленковой, 35 л.).

19.

Ой гаю, мій гаю,
Густый, непроглядный.
Чомъ на тебе, гаю,
Щей витру немае?
И витру немае
И гилья не колыше,
Що братъ до сестрыци
Часты лысты пыше.
Сестро моя сестро,
Сестро дорогая,
Чы прывыкла, сестро,
На чужыни сама?
Чы прывыкла, а чы не прывыкла,
Треба прывыкаты,
На чужій стороньци
Нигде ненькы взяты,—
Ни купыты, а ни заслужыты.
Треба рубля даты
Маляривъ наняты.
Малярыкы гожи
Тай забралы гроши,
Не такъ мою неньку
Тай намалювалы.
Змалювалы очи,

Змалювалы бровы,
А не змалювалы
Тыхои розмовы.
Говорю до ненькы,
Ненька не говорыть.
— Ненько жъ моя, ненько!
Пора говорыты.
Порадь мене, ненько,
Якъ у свити жыты,
Чы мени ходыты,
Чы мени блукаты?
Чы обняты головоньку
Въ мори потопаты?

(Записана въ 1890 г. отъ крестьянки с. Литвяковъ Даріи Шерстюковой, 20 л.).

Вар. Чуб. т. 5, № 59, стр. 474.

20.

Ой, давно вже, давно я въ ненькы була,
Та не такъ же давно уже тры года.
Уже жъ моя стежка терномъ заросла;
Ой, терномъ же терномъ щей шепшыною,
Де я походыла щей дивчыною.
Ой, терномъ же терномъ, матерынкою,
Де я походыла изъ матинкою.
А якъ исхочу, теренъ потопчу,
Червону калыну въ пучкы повьяжу,
До своеи ненькы въ гости полыну,
Тай сяду я впаду у ненькы въ саду,
У ненькы въ садочку край выноградy,
Чы не выйде рано по воду.
Выйшла моя ненька ранійше усихъ,
Набрала видерце повнише усихъ;
Говорыла речи до своихъ сусидъ:
Сусиды, голубочкы, слухайте мене:
Шось у моимъ саду пташка куе?

Тожъ не пташечка, тожъ комашечка,
Тожъ моя дочка Евдошечка-горювальнычка!

(Отъ кр. х. Николаевки, Зиновіи Дорошенковой).

21.

Жыла въ батька не годъ, не два,
Не згадала добра,
Ни добра, ни роскоши,
Ни прежнёго горя.
Якъ пиду я у садочокъ,
Зирву я цвиточокъ,
Зирву цвитокъ, зивью винокъ,
Тай пущу на воду.
Плывы, плывы зъ рожи квйтка,
Ажъ до мого роду.
Плывла, плывла зъ рожи квитка
Тай стала кружыться,
Ждала, ждала маты дочкы,
Тай стала журыться.
— Ой чого ты, дочко моя,
Така стара стала?
Чы ты сынивъ поженыла,
Чы дочокъ потдавала?
— А я сынивъ не женыла,
Дочокъ нә 'ддавала,
Изсушыла, изйялыла
Невирна дружына,
Кажуть люде, ще й говорять:
Сырота линыва.

(Въ 1896 г. отъ кр. х. Николаевки Зиновіи Дорошенковой, 16 л.).

22.

Уродыла мене маты
На святу недилю,
Удилыла гирку долю—
Ничого не вдію.

Доленьку такую—
Посылае жыто жаты
На нывку чужую,
Межъ чужіи люде.
Иды жъ доню, робы доню,—
Добре тоби буде.
Ой роблю жъ я, моя маты,
Робота не мыла,
Кажуть люде на сыроту:—
Сырота линыва.
И роблю жъ я, моя маты,
Робота низащо,
Кажуть люде на сыроту,—
Сырота ледащо.
Чы ты жъ мене, маты,
У рути купала,
Купаючы проклынала,
Щобъ доли не мала?
Купала жъ я доню
Въ червоній калыни,
Дарувала счастя, долю
Я своій дытыни.
Купала жъ я доню
Въ кучерявій мьяти,
Дарувала счастя, долю
Своему дытяти.

(Записана въ 1891 г. отъ крест. м. Снѣтина Анны Прихидькиной, 25 л.).

23.

Чы я въ тебе моя маты,
Робыть не хотила,
Що ты мене туды 'ддала
Куды не хотила?
Чы я въ тебе, моя маты,
Пшеныци не жала,
Що ты жъ мене туды 'ддала

Куды не бажала?
Тай не 'ддала жъ мене маты,
Не 'ддала, втопыла,
Такъ якъ тую коноплыну
Въ води намочыла.
Ой завьяжы мени маты
Чорнымъ платкомъ очи,
Веды жъ мене до риченькы
Темненькои ночи,
Тай утопы головоньку,
Щобъ и не зрынала,
Та щобъ же я молодая
Горенька не знала... [1])

(Въ 1891 г. отъ кр. Анны Прихидькиной, 25 л.).

24.

Чоловиче мій, дружыно моя!
Завивъ ты мене, де роду нема.
Де роду нема, чужа чужына.
Никуды питы поговорыты,
Тоскы, печали роздилыты.
— Жинко моя, йе въ тебе кума;
Пиды до кумы, тай поговоры,
Тоскы, печали куми вдилы.—
— Ходыла, говорыла,
Тоскы, печали й не роздилыла.
Соловеечку, ты малесенькый,
Та не щебечы садомъ летячы,
Та не отрусы раннёи росы.
Нехай отрусыть матинка моя
До мене йдучы, мене одвидаючы,
Якъ я жыву, якъ я й горюю,
А люде кажуть, що я паную,

[1]) Далѣе пѣсня искажена, почему приводится въ отрывкѣ

Диточкы мои, горенько мени
Зъ вамы жывучы и хлибъ купуючы.

(Отъ кр. м. Снѣгина Домникіи Ивахненковой, 60 л.,—въ 1891 г.).

У Чуб. т. 5. № 230, стр. 626, имѣетъ сходство вторая половина съ настоящей пѣснью.—

25.

Росцвилась червона калына надъ крыныцею,
Горе мени, моя матинко, жить съ пьяныцею,
Шо пьяныця не робитныця: де день, тамъ и ничку пье,
Ой якъ прыйде зъ шынку до-дому, мене молодую бье.
Одчыню [1]) я нову́ю кватырку, моя матинка йде,
Пытается малыхъ дитокъ: чы дома пьяныця йе?
— Потыхеньку, та помаленьку, моя матинко йды,
Спыть пьяныця у рубленій комори, гляды ёго не збуды.
— Та нехай же спыть горькая пьяныця, шобъ здоровъ не вставъ,
Шобъ твоеи биднои головкы тай не клопотавъ.
— Не проклынай, моя маты, тоби зъ нымъ не жыть,
Якъ умре мій горькая пьяныця, пиду зъ диткамы служыть.
Ой, есть маты блызькіи сусиды, шо горилкы не пьють,
А до мого горького пьяныци всёго доброго йдуть.

(Въ 95 г. отъ коз. м. Оржицы, Ефросиніи Селтеровичъ).

Вар. въ с. Литвякахъ проклятія матери такъ:

Не лай, не лай, моя матинко, а пьяныченька мого,
Йе въ пьяныци маленькіи диты, горе мени безъ ёго.
Та пье пьяныця, та пье ледащо, бо въ ёго защо йе,
А другый бы раднійшый пыть, такъ низащо купыть.

(Въ 95 г. отъ коз. с. Литвяковъ, Марины Мартыщенковой).

Въ м. Лукомьѣ такъ:

Ой не быйте жъ ёго, не лайте ёго,
Есть у ёго диточкы маленьки, горе жыты безъ ёго

(Въ 95 г. отъ коз. м. Лукомья Секлеты Норовой)

Вар. у Чуб. т. 5, № 227, стр. 624.

---

[1]) Одсуну.

26.

— Чоловиче, що ты робышъ,
Що ты що дня пьяный ходышъ?
Та все гулькы, та прогулькы,
Въ тебе къ смерти нема думкы.
— А я смерти не боюся,
Я одъ смерти одкуплюся (2),
Я гостямы обсажуся,
Визьму кварту, другу жарту,
Чарку въ рукы тай до столу.
Багачъ чарку налывае,
А смерть двери одчыняе,
Багачъ другу налывае,
Смерть до столу прыступае.
Оступиться, добри люде,
Що той багачъ казать буде?
— Смерте жъ моя, ридна маты,
Не пора мени вмираты.
Мои лита молодіи
Въ мене диточкы маліи.
Бижы жъ душа ажъ до неба.
Бо тамъ давно тебе треба.
Пишла душа ажъ до неба,
А тамъ души вже не треба.
Рада бъ душа завернуться,
Такъ никуды розмынуться.

(Записана въ 1891 г. отъ коз. с. Литвяковъ Лукины Денисенковой Стрильцевой 18 л.).

У Чуб. т. 5, № 244, стр. 1093, гораздо кратче, второй половины пѣсни—разговора со смертію—совсѣмъ нѣтъ. Ближе вар. у Гринченка, Этногр. мат. Ш. № 294, 143.

27.

Чужіи жинкы конопелькы беруть,
А моя чепурушка и не дума.
Вона треться, вона мнется,

Вона дума, що мынется.
Ой щобъ тебе доле, та бодай тебе доле,
Якъ ты мене уродыла на безсчасную долю,
На велыкее горе чепурушку я взявъ.

Затѣмъ вмѣсто слова „конопелькы беруть" въ первой строчкѣ послѣдовательно замѣняютъ: конопелькы мочять, типають, прядуть, снують, мотають, тчуть, билять, шьють.

(Записана въ 1890 г. отъ крестьянки с. Ольшанки Прасковьи Даценковой, 15 л.).

28.

Ой, на гори корыто, корыто,
Повне воды налыто, налыто.
Ой, тамъ воронъ воду пывъ;
Винъ не выпывъ--сколотывъ.
Парень дивци говорывъ:
Не йды, дивко, за вдивця,
Та за мене, молодця.
Ты вдовцеви не вгодышъ,
Борщу, кашы не зварышъ.
Я вдивцеви угожу,
Билу постиль постилю.
Шо въ голови каминня,
А й у бокы ременння,
А й у ногы кропывы.
Каминь буде шумиты,
Ремінь буде репиты,
А крапыва жалыты.
Якъ прыйшовъ же чоловикъ,
Якъ прыйшовъ же та мій мужъ:
Вары, жинко, борщъ.
Я й по синяхъ сторчъ, сторчъ,
Я й по хати сторчъ, сторчъ,
Будто я варю борщъ,
А я борщу не варыла,
Чоловика одурыла
Далеби вдурыла (2).
Якъ прыйшовъ же чоловикъ,

Якъ прыйшовъ же та мій мужъ:
Вары, жинко, кашу.
Я й по синяхъ, плясю, плясю,
Я й по хати плясю, плясю,
Будто я варю кашу.
А я каши не варыла
Чоловика обдурыла
Далеби обдурыла (2).
Якъ прыйшовъ же чоловикъ,
Якъ прыйшовъ же та мій мужъ:
Вары, жинко, ракы.
Я й по хати ракы, ракы
И по синяхъ ракы, ракы,
Будто я варю ракы,
А я ракивъ не варыла
Чоловика обдурыла,
Далеби обдурыла (2).

(Въ 93 г. отъ коз. с. Волчка, Матрены Романченковой).

29.

Я по хати чукы, чукы,
Я по синяхъ чукы, чукы,
Я жъ думала варю щукы.
А я щукы не варыла,
Чоловика одурыла,
Да́леби одурыла
Ей-же Богу одурыла.
Я по хати ракомъ, ракомъ,
Я й по синяхъ ракомъ, ракомъ;
Я жъ думала варю ракы,
А я ракивъ не варыла
Чоловика одурыла. (Припѣвъ тотъ-же).
Я по хати торохъ, торохъ,
Я й по синяхъ торохъ, торохъ,
Я думала варю горохъ.
Я гороху не варыла
Чоловика одурыла. (Припѣвъ).

(Записана въ 1890 г. отъ кр. м. Снѣтина Агафіи Шевченковой, 50 съ лишнимъ лѣтъ).

30.

Молодіи молодыци! чы таки въ васъ чоловикы, якъ у мене?
А й у мене мужычыще,
Не пускае на юлыцю, на игры́ще.
А я ёму наробыла,
Въ полывяному горшку борщу наварыла,
А ще къ тому тай прыспала,
Сама пишла на юлыцю погуляла.
Я не довго барылася,
Якъ свитова зирочка схватылася.
Иде мылый и стричае:
Де-жъ ты була, пробувала?
— У кошари худобонькы доглядала,
Що сирая телушечка отелылась,
А билая ягнушечка окотылась,
Пійшовъ мылый доглядаты,
А жъ не мае ни теляты, ни ягняты.

(Въ 92 г. отъ кр. с. Литвяковъ Евдокіи Николаенковой. 30 л).

31.

Якъ пойихавъ мій мыленькый у поле ораты,
А я, млада, младёхонька у корчму гуляты.
Якъ прыйихавъ мій мыленькый изъ поля зъ орання,
А я, млада, младёхонька зъ корчмы гуляння.
— Мыла жъ моя, мыла, не скажу ничого,
Ой дай мени попойисты, чы немае чого?
Ой йе въ мене капуста-та симъ день кыпила,
А не будешъ іи йисты, вона засмердила.
А хочъ будешъ іи йисты, такъ разомъ зо мною,
Якъ поскачешъ гайдука тай передо мною.
Дурный мужычыще узявся въ бочыще:
Гыля, гыля, жона моя! Якый дурачыще.
— Ой, не знаешъ, куме, що куми робыты.

Ой, запряжы у борону та запряжы въ рало;
Гыля, гыля, жона моя, не йижъ хлиба даромъ.

(Въ 92 г. отъ кр. м. Снѣтина Ник. Ивахненка).

Вар. у Гринченка. Этнограф. матер., № 623, 327, и у Чуб., V, 293, 685.

32.

Сусидонькы-голубочкы,
Зійдемося до купочкы,
Напыймося горилочкы.
Напылась я, ажъ не встою,
Такъ боюся йты до-дому,
Такъ боюся чоловика,
Щобъ не вмалывъ мени вика.
Хыба жъ пиду до Дунаю,
Та зъ Дунаемъ розмовляю:
— Ой Дунаю-жъ, Дунаечку!
Прыймы мою головочку,
А вы щукы йижте рукы,
А вы сомы йижте ногы.
Жовте тило обмыется,
Прыйде мылый подывытся,
Пишовъ мылый до Дунаю,
Та зъ Дунаемъ розмовляе:
— Ой Дунае, Дунаечко!
Верны жъ мою хазяечку,
Я четверо дитокъ маю,
А пьятее сповываю,
А пьятее въ повыточку
Заклопоче головочку.

(Записана въ 1891 г. отъ кр. м. Снѣтина Анны Прихидькиной, 25 лѣтъ).

33.

Я на тебе, мій мыленькый,
Гомоню, гомоню,
И робыты саженько

Не велю, не велю.
Тилько мени насій, наоры
И мучыци намелы.
Воды мени прынесы,
Дижу мени замисы,
Дровъ мени нарубай,
Горилочкы роздыбай.
Тоди сядешъ на покути,
Та й нижечкы пидобгай.
А я буду частувать,
Ще по повній выпывать
За здоровье мое,
Що ты жалуешъ мене.

(Записана въ 1890 г. отъ кр. хут. Тернавщыны, Софіи Писаренковой, лѣтъ 50).

34.

Иды, иды, старесенькый,
У лугъ по калыну,
Якъ не пидешъ по калыну—
Далеби покыну!
Пишовъ старый, бородатый
Калыну ламаты,
А я свого бондарыка
Упустыла въ хату.
Сыдыть бондарь за столомъ
Вареныкы лупыть,
Молодая молодыця
Били рукы ломыть.
Сыдыть бондарь за столомъ
Рюмкы выпывае,
Молодая молодыця
Слёзы утырае;
Иды, иды, моя дочко,
Батька выглядаты,
Якъ итыме съ калыною,
Дасы мени знаты.

Пишла дочка, забарылась,
Батька узивала:
Гуляй, гуляй, моя маты,
Ще батька немае.
Одсуну я кватырочку
Калына буріе,
Охъ, мій мылый бондарыку
Де я тебе дину?
Иды, иды, старесенькый,
Меду колупаты,
А я свого бондарыка
Выпустыла зъ хаты.
Иды, иды, бондарыку,
Темнымы лугамы,
Хто зустрине, роспытае,—
Ходывъ за воламы.

(Въ 96 г. отъ коз. м. Лукомья, Матрены Норовой, 18 л.).
Вар. Конощенко. Укр. писни. Одесса. 1900 г. № 1, стр, 3—5.

35.

Ой побыла лыхая годына,
Що у мене не вирна дружына,
Що самъ иде у тикъ молотыты,
Мене бере соломы носыты.
Винъ молотыть, я перебираю,
Биле лычко слёзамы вмываю.
Що самъ иде у поле ораты,
Мене бере воливъ поганяты.
Я погоню, винъ за плугомъ ходыть,
Петривный [1]) день, а винъ не говорыть.
Ой буду я волыкы гоныты,
Чы не буде мылый говорыты.
Ой гей, волы, ажъ до водопою,
Заговорыть мій мылый зо мною.
Изъ-за горы витрець повивае,

[1]) Довгый.

А мыленькый мылои пытае:
-- Де ты, мыла, де ты барылася,
Чы по своимъ жыттю журылася?
— Ой якъ мени, мылый, не журыться,
Що я роблю, мое й не годытся,
А ще зъ мене ледащо сміется.

(Въ 1891 г. отъ кр. Ульяны Бондаренковой л. 30-ти, х. Яновщины, Матьяшовской вол.).

36.

Ой пиду я по надъ лугомъ,
А тамъ мылый оре плугомъ.
Оре мылый, тай гукае,
Сири волы поганяе.
Якъ понесу ёму йисты,
Чы не звелыть мени систы.
Мій мылый найивсь, напывсь,
Коло кружка покотывсь.
Ще й на рылью похылывсь.
— Ой що, мылый, ты думаешъ,
Що до мене не говорышъ?
— Я думаю, та гадаю,—
Не хорошу жинку маю.
— Якый тоби дидько выненъ,
Що хорошый, чорнобрывый,
А я руда вродылася,
Чорнявому судылася?
Хо̂ть не тоби, та другому,
Та все таки чорнявому.
Не вылизлы тоби очи,
Сватавъ мене о пивночи,
Було бъ тоби сватать у день,
Роспытавшысь старыхъ людей,
А въ насъ люде не татары
Воны бъ тоби розсказалы.

(Записана въ 1891 г. отъ кр. х. Яновщины Уляны Бондаренковой, 30 л.).

Настоящая пѣсня схожа срединой съ вар. у Чуб. (т. 5, № 205, стр. 604).

37.

Сама хату поставыла,
Сама й высыпала,
Сама Грыця полюбыла,
Сама й высватала.
Пидпалыла въ печи дрова,
Сама по воду пишла.
Добигаю до Дунаю,
Сколотылася вода,
А я стала, прыстояла,
Покы встоялась вода.
Замахнула, чеберкнула,
Та набрала, та й пишла.
Дохожу я до двора.
Стоить кумъ и кума (2)
И ще й кумова жона,
Насмихается зъ меня:
Ой чія жъ то, кумо, хата
Вытопляется сама?
Стоить борщъ у печи
Ударывся у ключи,
А курыця по синечкахъ
Кудкудахтаючы.
Кукурику, кудкуда
Пишла замижъ не туда.
Пишла разъ не гараздъ,
Не пидманешъ въ другый разъ.
Далысь мени на знакы
Чоловичи кулакы.
Кулакамы по бокамъ,
Долонямы по щокамъ.

(Отъ коз. с. Хорошковъ Варвары Супруновой, 21 г.,—въ 1891 г).
Вар. у Гринченка. Этногр. Мат., III, № 655, 357.

38.

Горе, горе, горюваннячко мое,
Потеряла я здоровьячко свое,

За ледачымъ чоловикомъ жывучы,
Ледачому чоловику годячы.
Якъ пиду я до сусидонькы огню,
Чы не найду мыленького у слиду.
Сусидонька мени огню не дала,
Взяла мене за ворота повела.
— Иды, иды, сусидонька, безъ огню,
Та не ловы чоловика у слиду.
Якъ оглянусь, ажъ мій мыленькый иде
Чужу мылу та за рученьку веде,
А на мене та й нагаечку несе,
Ще до мене й гирьки слова гадае:
— Постій, постій, моя мыленька, мене,
Бо перечувъ худу славу на тебе,
Що ночують бурлаченькы у тебе.
— Трасця мылый вороженькамъ у жывитъ,
Що й у мене стороженька край воритъ.
— Стороженька, моя мыла, уснула,
Ты, молода, на улыцю махнула.

(Записана въ 1891 г. отъ коз. с. Литвяковъ Марты Мартыщенковой, 40 л.).

39.

Ой, горе, горе, що далека украина,
А ще гирше якъ невирная дружына.
Вона мене изсушыла, изъялыла,
Вона мене зъ билыхъ нижокъ извалыла.
Ой сяду я край виконця прясты
Та пущу я волоконце въ виконце
Та подывлюсь, чы не сходыть сонце.
Я жъ думала, що то сонце сходыть,
Ажъ то мылый по рыночку ходыть,
Въ правій руци коныченька водыть,
Въ ливій руци чорну шляпу носыть,
Чужу мылу за рученьку водыть,
Чужу мылу цилуе й мылуе,
А на свою мылу нагайку готуе.

Чужу мылу цилувавъ бы, мылувавъ,
Свою мылу росшатавъ бы, розметавъ,
А росшатавшы, ще й въ чорныченькы отдавъ.

(Отъ кр. м. Снѣтина Агафіи Шевченковой, 60 л., въ 1890 г.).

У Чуб. (т. 5, № 220, стр. 616) первая половина пѣсни схожа съ настоящей.

40.

Ой, горе, горе, що чужая украина,
А ще гирше, якъ невирная дружына.
Ой, якъ сяду я край виконечка прясты,
Та пущу я волоконце у виконце,
Та подывлюсь, чы не сходыть сонце.
Я жъ думала, що сонечко сходыть,
Ажъ то мій мылый та по рыночку ходыть;
Чужій мылій черевычкы надивае,
А на мене усе скоса поглядае.
Чужа мыла и любиша, и мылиша,
Чужа мыла и на лыченьку билійша;
Чужу мылу и цилуе, и мылуе,
А на мене все нагаечку готуе.
Я думала, що нагаечка съ паперу,
Колы вона изъ проклятого ременю;
Я думала, що нагаечка шутка,
Якъ ударывъ, то розсилася шкурка.

(Сообщила О. Е. З—вичъ).

Отдаленный вар. у Терещенка. Бытъ рус. нар. С.-Петербургъ 1848 г. Ч. II, 538, 539.

41.

Оравъ мылый тры дни, ще й тры годыны,
Тай выоравъ мій мыленькій на тры квасолыны.
Пославъ мене мій мыленькій квасоли садыты,
А самъ пишовъ у шыночокъ горилочку пыты.
Посадыла я квасолю, тай иду до дому,
Заглянула у шыночокъ—пье мылый зъ кумою.
— Чы вже-жъ тоби, кумо моя, нема дома дила,

Що ты зъ моимъ чоловикомъ въ шыночку засила?
— Хочъ е кумо мени дило, то я й поробыла,
А я твого чоловика давно полюбыла.
Годи тоби, моя мыла, сего говорыты,
Та иды жъ ты, моя мыла, вечерять варыты.
Якъ прыйшла до-дому, пидпалыла дрова,
Сюды, туды повернулась—вечеря готова.
У недилю рано ще й сонце не сходыть,
А мій мылый изъ кумою вечерять прыходыть.
— Жинко-жъ, моя, любко, продымай же мисце,
Щобъ було де намъ зъ кумою вечеряты систы
Ой щобъ же ты, кумо моя, сего не диждала,
Щобъ я тоби въ своій хати мисце продымала.
Насыпала борщу, каши, щей поклала ложкы,
Одвернулась до порога заплакала трошкы.
Вары мени, моя мыла, пшенычны галушкы
Тай постелы намъ зъ кумою биліи подушкы.
Ой щобъ же ты, кума моя, сего не диждала,
Щобъ я тоби въ своій хати билу постиль слала.
Тай послала билу постиль, положыла спаты,
Сама пишла въ полыцію дала панамъ знаты.
Паны мои, генералы, волить мою волю
Та розведить чоловика зъ ридною кумою!
Паны мои, генералы, воленьку волылы,
Взялы мого чоловика въ кайданы забылы.
У недилю ранесенько у вси дзвоны дзвонять,
Уже-жъ мого чоловика у кайданахъ водять.
Нехай дзвонять, нехай дзвонять—щей будуть дзвоныты
Нехай водять, нехай водять—щей будуть водыты.
— Жинка моя, любко, волы мою волю
Роскуй мене изъ кайданивъ—буду жыть съ тобою.
Жинка-жъ моя любка воленьку волыла
Роскувала изъ кайданивъ, головку втопыла.

(Записана въ 1899 г. отъ кр. м. Снѣтина Уляны Выборной, 25 л.).

Вар. у Гринченка Этногр. мат., III, № 648, 350—352.

42.

Запойилы соловейкы съ пивночи въ ночи,
— Куды ты, мій мыленькый, выражаешся въ ночи?
— Выряжаюсь, моя мыла, у велыку дорогу.
— Переночуй, мій мыленькый, хочъ ничку зо мною.
— Ой радъ бы я, моя мыла, ще й чотыри ночувать,
Такъ боюся, моя мыла, щобъ походу не втерять.
— Ой не бійся, мій мыленькый, бо я рано устаю,
А я тебе, мій мыленькый, щей ранише збужу.
Ой уставай, мій мыленькый, уже годи тоби спать,
Уже твои кони вороніи посидлани стоять.
Уже твои слугы молодіи понаряжені сыдять,
Та йидь же ты, мій мыленькый, товарышивъ доганять,
А я пиду молодая на тыхый Дунай гулять,
И съ тыхого Дунаечка сири гусы выганять.
Гиля, гиля, сири гусы, ажъ на быстру рику
Завьязала свитъ головоньци—не розвьяжу й довику.
Уже-жъ тіи сири гусы проты воды поплывлы,
Уже мене молодую у чужый край повезлы.
Якъ же тимъ сиримъ гусямъ проты воды плывучы,
Ой такъ мени, молодій, на чужыни жывучы.

(Въ 1891 г. отъ кр. х. Николаевки, Степаниды Бадзиной).

43.

Изъ за горы хмарка наступае,
Съ тіи хмары дощыкъ накрапае,
Мылый мылу покынуты мае.
— Отъ почимъ ты, мыла, замичаешъ,
Що я тебе покынуты маю?
— По томъ я, мылый, замичаю,
Що ты рано встаешъ, а пизно лягаешъ,
Зеленого сина коню пидкыдаешъ
И жовтенького вивса пидсыпаешъ.
Яромъ, мій мыленькій, яромъ,
Переросла дориженька чаромъ.

— А й у мене коныченько чалый
Перескочыть поганыи чары.
— Нызомъ мій мыленькій, нызомъ,
Переросла дориженька хмызомъ.
— А й у мене коныкъ вороненькій,
Перескочыть хмызокъ зелененькій.
Ой ревнула корова въ порога,
Оставайся, мылая, здорова.
Ой ревнула корова съ телятком'ъ,
Оставайся мылая съ дытятком'ъ.
Ой ревнула корова рябая,
Оставайся мыла молодая.
Ой ревнула корова, съ череды йдучы,
Оставайся мыла горюючы.

(Отъ кр. м. Снѣтина Марины Василенковой, 60 л.).

44.

Оженывсь удовець, оженывсь молодець,
Та взявъ соби жинку не хазяечку—
Ни до любовы, ни до розмовы,
Ни до хыстонькы, ни до мыслонькы.
Якъ пойихавъ старычокъ на ярмарочокъ
Та купывъ мылый корабель новый;
Заплатывъ мылый рубъ съ полтыною,
Посадывъ мылу изъ дытыною.
Зопхнувъ же іи зъ бережечка
Та не давъ же ій веселечка,
Ни веселечка, свого сердечка.
Корабель плыве, ажъ вода реве,
А мыла сыдыть, якъ свича горыть,
А дытя плаче, якъ воринъ кряче,
А мылый стоить якъ папиръ билый.
Та пишовъ же винъ та до домочку,
Та обнявъ свою та головочку (2)
Та вернысь мыла та до домочку,
Що никому спекты, ни зварыты,
Ни напрясты, ни помыты,

Ни до мене говорыты.
— Не вернусь, муже, бо побывъ дуже,
Та побывъ рублемъ щей качалкою,
Называвъ не хазяйкою,
Що ты бравъ мене за хазяечку,
Пощытавъ мене та за наймычку.

(Записана въ 1890 г., отъ кр. д. Шекъ Катерины Гичиной 22 л).
Варіанты у Гринченка. Этногр. Мат. III., № 638, 335—339.

45.

Наступыла чорна хмара и темная ничъ,
Полетила голубонька одъ голуба причъ.
Ой не схотивъ голубонько дитокъ годуваты
Та полетивъ голубкы шукаты.
Та полетивъ голубонько полямы
Та зустринувся изъ буйнымы витрамы.
— Ой вы витры буйнесеньки, ой де вы бувалы,
Чы не бачылы голубоньки помижъ голубамы:
Сама сыза, сызокрыла, лычко якъ калына?
— Сыдыть твоя голубонька межъ трёма орламы.
Умывается дрибнымы слёзамы,
Утыра лычко шытымы рукавамы.
Ударывся голубонько объ нижкы крыльцямы:
— Диткы мои манисеньки, пропавъ же я зъ вамы!
— Ой, таточку-жъ нашъ, таточку не журыся намы!
Издіймемось на крылечка тай полетымъ изъ вамы.
Которіи бильшенькіи знялысь, полетилы,
А маленьки зосталыся та й посыротилы.
Нема цвиту билійшого якъ надъ макивочку,
Нема роду риднійшого та якъ матиночка.

(Въ 1891 г. отъ кр. м. Снѣтина Марины Василенковой, 50 л.).
Вар. у Гринченка. Этногр. Матер. III, № 661, 361 и у Чуб. т. V, № 362, 790, № 63, 24, № 354, 173.

46.

Ой устану я раненько,
Тай умыюся биленько,

Тай сяду я край виконця
Проты ясного сонця
Выглядаты чорноморця.
Чорноморець иде, иде
И семеро коней веде,
На восьмому, вороному,—
Я думала що до дому.
А винъ йиде до Дунаю
До быстрого краю.
Ставъ винъ кони напуваты,
Стала вода прыбуваты (2)—
Черноморець потопаты.
— Рятуй мене, моя мыла,
Колы вирно любыла.
— Якъ бы човенъ та весельце,
Рятувала бъ тебе, серце.
Плывы, мылый, за водою,—
Зосталася я вдовою.
Плывы мылый купочкамы,—
Зосталася съ диточкамы.

(Записана въ 1891 г. отъ кр. д. Шекъ Катерины Гичиной, 22 л.).

Оба варіанта у Чуб. (т. 5, № 370, стр. 796 и № 405—834) отдаленные,—также и вар. на стр. 285, № 563.

47.

Изъ-за горы витеръ віе, повивае,
Дощыкъ иде, накрапае;
Роса росу росыть,
Сестра брата просыть:
Оддай мене, брате, въ чужую деревню,
Въ чужую деревню, велыку семью.
Де багато дила, туды бъ я летила
Да я бъ тее дило усе поробыла,
Свéкрови, свекруси диломъ угодыла
Щей до тебе, брате, у гости ходыла.
Жде братикъ недилю, жде братикъ другую.
На третю недилю ставъ коня сидлаты

Ставъ коня сидлаты, до сестры вызжаты.
А сестра не пышна, за ворота [1]) выйшла
Здоровъ, здоровъ, брате, вже я нездорова,
Вже сёма недиля якъ я заболила,
Четверта недиля якъ хлиба не йила [2]).
Ой сидлай же, брате, коня вороного
Та йидь же, ты брате, до торгу нового
Та купуй же, брате, тры свичи восковыхъ.
Перву зажыгае—сестрыця вмирае,
Другу зажыгае—братъ сестру вбирае,
Третю зажыгае—братъ сестру ховае:
— Оце тоби, сестро, чужая деревня,
Чужая деревня, велыка симья.
Велыка симья, щей багато дила
Що ты того дила тай не поробыла,
Свéкрови й свекруси тай не угодыла,
До братика въ гости та й не прыходыла.

(Записана въ 1890 г. отъ кр. хут. Тернавщ. Устиньи Початкиной, 17 л.).

Вар. у Чуб. (т. 5, № 353, стр. 764) отдаленъ отъ настоящей пѣсни.

48.

Та що вчора изъ вечора,
Щей пивни не пилы [3]),
Прыйшовъ пысарь до вдивонькы,
Ще й люды не чулы.
— Удивонько голубонько,
Одчыняй хату й сины,
А щобъ же насъ вороженькы
Обохъ не засилы.
— Не одчыню, Пысаренку,
Скарай [4]) свою жинку

---

[1]) Проты брата.
[2]) Четверта настала, якъ зъ постели встала.
[3]) У недилю ранесенько щей куры не силы.
[4]) Убый.

Возьмы косы у рученьку,
Головку межъ нижкы,
Тай бый жинку, Пысаренко,
Зъ вечера до ранку.
Якъ пишовъ же Пысаренко
Своей жинкы быты,
Стала вона молодая
Пысаря просыты:
— Не бый мене, Пысаренку,
Ще я молодая,
Аще къ тому, Пысаренку [1])
Дытына малая.
— Я къ дытыни няньку найму
Тебе, суко [2]), убью,
А за себе молодого
Удивоньку визьму.
Та якъ Почавъ Пысаренко
Свою жинку быты,
Та пишовъ же Пысаренко
Билыхъ ручокъ мыты,
А самъ пишовъ до сусиды
Сусиды просыты:
— Сусидонькы-голубонькы,
Накажите тещи,
Нехай прыйде ридна маты
Дочкы убираты.
Якъ пидійшла ридна маты,
Стала край виконця,—
Лежыть іи ридна дочка
Лычкомъ проты сонця [3]).
Якъ пидійшла ридна маты
Стыха пидъ дверечка,—
Лежыть іи ридна дочка

[1]) Гирше всего.
[2]) Шельмо.
[3]) Не вымовыть словця.

Немовыть словечка.
— Ой чимъ же ты, моя доню,
Кого завгорчыла,
Що ты свое пидвирьячко
Кровью скривавыла?
— Ой никому, моя маты,
Я не завгорчыла,
Тикы черезъ ту каналью
Смерть заполучыла!
Та вже-жъ тую молодую
Несуть хороныты,
Та вже-жъ того Пысаренка
Ведуть рострелыты.
Уже-жъ по тій молодои
Уси дзвоны дзвонять,
Уже-жъ того Пысаренка
У зализи водять.
— Прощай, прощай моя жинка
И ты, нова хата!
Колы-бъ же ты удивонька
Була роспроклята!

(Запис. въ 1890 г. отъ Татьяны Гайдаевой 20 л., с. Ольшанки).

Вар. Гринченко. Этн. Мат. III., № 651, 353.—У Чуб. въ 3 т., № 63, стр. 153, есть похожая веснянка.

Настоящимъ очеркомъ почти совершенно оканчивается описаніе лубенскаго уѣзда, печатавшееся подъ разными названіями преимущественно въ «Кіевской Старинѣ», а изрѣдка и въ другихъ изданіяхъ, въ послѣднія пятнадцать лѣтъ. Во время этого описанія лубенскій уѣздъ представлялся моему вниманію какъ своею общностью—одинаковостью обыкновеній обрядовъ и т. д., такъ и своеобразіемъ каждой мѣстности въ географическомъ, историческомъ и другихъ отношеніяхъ, почему и описаніе по свойству предмета и самой силѣ вещей распалось на общее и особенное. Въ общей части описанія предположено было мною: 1-е, собрать и записать возможно большее количество данныхъ народной

жизни: повѣрій, обыкновеній, разсказовъ, сказокъ, пѣсенъ, поговорокъ, рѣчей и т. д. изъ устъ народа; 2-е, провѣрить часть данныхъ, поддававшуюся наблюденію посѣщеніемъ крестинъ, свадьбъ, проводовъ новобранцевъ и похоронъ; 3-е, указать варіанты и сходныя обыкновенія малорусскіе и общечеловѣческіе по русскимъ и иностраннымъ сборникамъ для уясненія сравнительнымъ методомъ, общепринятымъ въ исторіи: культуры, хозяйства, права, искусства, собранныхъ данныхъ; и 4-е, указаніями этнографическихъ, юридическихъ, историческихъ и др. наукъ осмыслить эти данныя, или привесть уже предложенное наукой ихъ истолкованіе. Собранный такимъ образомъ матеріалъ могъ появиться въ свѣтъ двоякимъ путемъ: или сразу, совершенно оконченнымъ, въ полномъ объемѣ, или разновременно, отдѣльными очерками, по мѣрѣ достиженія послѣдними необходимой полноты. Въ первомъ случаѣ весь трудъ яснѣе представился бы уму читателя, а этнографамъ облегчилось бы собираніе справокъ въ одномъ сборникѣ. Но такое одновременное появленіе всего труда въ печати врядъ ли могло осуществиться, потому что слишкомъ большія этнографическія рукописи неохотно печатаются; чаще онѣ или совсѣмъ уничтожаются, какъ сборники Бодянскаго, Ястребова и другихъ, или, въ лучшемъ случаѣ, валяются въ архивѣ какого-нибудь ученаго учрежденія. Притомъ каждый собиратель долженъ отчетливо помнить, что море народнаго творчества неисчерпаемо, а жизнь коротка, «и дни текутъ какъ дымъ». По этимъ соображеніямъ различныя части собраннаго мною матеріала появились въ печати разновременно, отдѣльными очерками, почему необходимо теперь обозначить планъ, помѣщенный въ основаніе труда. Для упорядоченія собраннаго матерьяла выработана была мною органическая система, помощью которой всѣ данныя сосредоточиваются вокругъ самаго очевиднаго явленія жизни—роста человѣческаго организма: его зарожденія, созрѣванія, воспроизведенія имъ рода, увяданія и смерти,—такимъ образомъ:

1-е, Въ «Родинахъ» («Нар. обр. и пѣсни. луб. у., полт. губ. въ Сборн. Харьк. истор. фил. общ. 1897 г., X, 4—28) опи-

саны условія и обстановка, при которыхъ появляется на свѣтъ Божій мѣстное крестьянское дитя и присоединяется къ обществу,—со включеніемъ въ родинный обрядъ: народной молитвы, крестинной пѣсни, 4 заговоровъ и 4 народныхъ разсказовъ.

2. Затѣмъ, въ «Раннемъ дѣтствѣ» (Ib. 29—49) излагается гигіена дѣтскаго возраста съ 4 заговорами и 77 колыбельными пѣснями (за исключеніемъ мелкихъ варіантовъ).

3. Съ подростаніемъ ребятишекъ начинается ихъ сообщество и «Дѣтскія игры» (Ib. 49—59), которыхъ описано 27 съ 17 главными припѣвами.

4. Сближеніе увеличивается вмѣстѣ съ возрастомъ на «Улицахъ и досвиткахъ» и зарождается любовь, выражаемая въ различныхъ «Пѣсняхъ молодежи» (Ib. 59—121, и въ Кіев. Стар. въ Док., извѣст. и зам. 1895 г. XI, 43—45 «Истор. пѣс.» и 1900 г., V, 82—86 «Вар. пѣс. о дѣв. воинѣ»), изъ которыхъ веснянки (счетомъ 104) изображаютъ главнымъ образомъ еще только предчувствіе любви и возможность ея въ будущемъ, а не самое чувство. Слѣдующую ступень сближенія молодежи и развитіе романической любви воспѣваютъ петривки (всего 44 съ болѣе важными варіантами); насмѣшливому изображенію любви и ея реальной сторонѣ посвящены вечерничныя пѣсни: трендички или триндолки (101 съ варіантами), затѣмъ собраны и любовныя пѣсни въ тѣсномъ смыслѣ слова, всего 30 съ большими варіантами.

5. Съ возмужалостью парней соединено отбываніе ими воинской повинности. Обрядъ проводовъ новобранца, съ 4 причитаніями и 23 рекрутскими пѣснями, изложенъ въ «Прощаніи рекрута и рекрутскихъ пѣсняхъ въ луб. у., полт. губ.», напечатанномъ въ Кіев. Стар. 1897 г. № VII и VIII, 80—95, безъ подписи [1]).

6. Общее созрѣваніе и соединенное съ нимъ половое влеченіе приводитъ молодежь къ браку, въ основаніи котораго лежитъ

---

[1]) Въ слѣдующей IX-й книжкѣ (Док., изв. и зам. 73) оговорено, что статья принадлежитъ мнѣ.

важнѣйшій инстинктъ—прокреація, слѣдовательно постоянное изъ поколѣнія въ поколѣніе развитіе и совершенствованіе человѣческаго рода. Въ виду такого первостепеннаго значенія брака, а также и яркости самаго весильнаго ритуала, послѣднему посвящено нѣсколько очерковъ: въ указанномъ сборникѣ «Народ. обр. и пѣс.» Свадебн. обр. луб. у. (121—164), въ Кіев. Стар. 1890 г., «Свад. пѣс. въ луб. у., полт. губ.» (Прилож. VII, 130—152, VIII, 153—184 и IX, 185—192); въ ней же въ 1894 г., въ XII кн., Документ. изв. и зам. «Деревенская оргія» [1]), и въ ней же въ 1903 г., кн. XI, примѣч. на стр. 215, 216; также въ одесскомъ журналѣ «По морю и сушѣ» 1895 г., № 18, 2--3, «На свадьбѣ у багача». Всего собрано свадебныхъ пѣсенъ 470.

7. Затѣмъ бракъ приводитъ къ образованію семьи, которой и посвященъ настоящій очеркъ «Житья-бытья лубенскаго крестьянина», съ подзаголовкомъ «Семья», описывающій положеніе каждаго члена семьи въ послѣдней и взаимныя ихъ отношенія, со включеніемъ 59 семейныхъ пѣсенъ, 2 разсказовъ, народной молитвы и въ примѣчаніяхъ различныхъ мелкихъ народныхъ произведеній: поговорокъ, пророчествъ, пріемовъ вѣжливости, брани и проклятій.

8. Образованіе семьи вызываетъ матеріальныя потребности новаго организма: защиту отъ климата и питаніе, также и средства удовлетворенія имъ,—отсюда появленіе ряда отдѣльныхъ очерковъ хозяйственной этнографіи, объединенныхъ общимъ заглавіемъ «Житье-бытье лубенскаго крестьянина», печатавшихся въ Кіевской Старинѣ 1902 и 1903 годовъ, начиная съ «Жилья» (т. VI, 110—135), въ которомъ изложены народныя обыкновенія при основаніи усадьбы и устройство ея, со включеніемъ 10 народныхъ разсказовъ.

9. Слѣдующій очеркъ посвященъ народному питанію (Пища. Кн. VI, 392—434). Къ какому отдѣлу слѣдуетъ присчитать и особую статью: «Рождествен. святки въ сѣверн. части лубенскаго у.», помѣщенную въ фельетонахъ «Полт. губ. вѣдомостей» 1893 г.,

---

[1]) Оба послѣдніе очерка подписаны иниціалами В. М.

(№№: 42, 1—3, 43, 2—3, и 44, 2—3). Въ обоихъ этихъ очеркахъ описывается какъ будничный, такъ и праздничный столъ; способы и пріемы изготовленія пищи и другія святочныя обыкновенія, а также приводятся 26 застольныхъ триндолокъ, 33 колядки [1]) и щедривки и 5 народныхъ разсказовъ.

10. Къ способамъ предохраненія отъ климата принадлежитъ: «Одежда» (кн. X, 62—91); къ этому очерку присоединяется: «Малорусскіе народные повѣр. и разсказы о пятницѣ» (кн. V, 268—281). Въ этихъ очеркахъ излагаются какъ формы бѣлья, одежды и обуви, такъ и суевѣрія, соединенныя съ ихъ ношеніемъ, подтверждаемыя разсказами.

11. Источниками удовлетворенія этихъ и другихъ менѣе существенныхъ человѣческихъ потребностей служитъ народное земледѣліе съ огородничествомъ и пчеловодствомъ [2]), чему посвященъ очеркъ «Вокругъ жилья» (въ Кіевск. Стар. 1903 г., II, 181—217 и III, 349—377) и отдѣльный очеркъ: «Рабочія пѣсни луб. у.» (Ib. 1895 г., X, Док. изв. и зам. 10—22); въ первомъ очеркѣ помѣщено 17 заговоровъ и въ обоихъ—35 рабочихъ пѣсенъ и 1 общаго характера [3]).

12. Другимъ важнымъ источникомъ существованія является скотоводство и птицеводство, изложенныя въ очеркѣ «Худоба» (Ib. VII—VIII, 1—62) съ показаніемъ выбора, содержанія и лѣченія «худобы и дробыны», съ 54 заговорами и 4 разсказами [4]).

---

[1]) Колядки эти не сходны съ волынскимя колядками въ прелестномъ сборникѣ г-жи Олены Пчилки, печатавшемся въ Кіевской Station Старинѣ 1903 года.

[2]) Въ «Сб. малор. закл.» Ефименка (Мос. 1874) оказались схожія заклинанія пчелъ (53—59 стр.).

[3]) Къ пѣснямъ смѣшаннаго характера принадлежатъ записанныя мною: 1) О Голотѣ въ Кіев. Стар. 1900 г., Док. изв. 88, 89, и 2) О растерзаніи дѣвицы волками въ литер. прилож. къ журн. «По морю и сушѣ», 1895 г., № 1, 51.

[4]) Сходные пріемы въ обращеніи къ скоту и птицѣ у г. Ефименка на стр. 36, 37, 39, 48, 50 и 51.

13. За періодомъ зрѣлости слѣдуетъ упадокъ силъ и увяданіе организма, случающееся иногда и въ предшествующее созрѣванію время. Такое патологическое состояніе крестьянина излагается въ «Народной медицинѣ» въ Кіевской Старинѣ 1900 г. (I, 46—61, II, 192—206, III, 373—395, V, 160—173, VI, 310—332 и VII—VIII, 51—65) съ описаніемъ 58 болѣзней, 38 разсказами и 120 заговорами [1]).

14. Какъ смерть заканчиваетъ жизнь, такъ заключительнымъ очеркомъ всего труда является «Погребальный обрядъ лубенскаго уѣзда», напечатанный въ Народ. обряд. и пѣсн.» (стр. 164—223) съ 1-й пѣсней и 94 погребальными причитаніями [2]).

В. Милорадовичъ.

---

[1]) Ib. сходныя заклинанія на стр. 3—33 (о зубной боли, урокахъ, укушеніи змѣй). Подвѣй едва ли правильно признанъ параличемъ (31). Система сборника не строго выработана, напр. болѣзни скота (перелоги) помѣщены среди болѣзней людей.

[2]) Въ краткой рецензіи моей на валлонскій и сицилійскій фольклорные сборники: E. Monseur. «Le Folkl. wal.» и A. Trombatore. «Folkl. catanese» приводится между прочимъ мѣстный способъ отысканія утопленника (См. Кіев. Стар. 1898 г. VII—VIII. Док. изв. 3—5).

Невесели сильськи малюнкы.

(Оповидання батюшкы).

Мытро Гаплыченко.

I.

Якъ тильки осмерклось и зъявылась на осиннёму похмурому неби перша зирка, баба Устя почала збиратысь на «медыцынську прахтыку», бо у сели Плахтяньци не було никого, хто-бъ змигъ порятуваты слабого чоловика и мавъ-бы на це патентъ. Ликамы запомогала баба Устя, та ще килько такыхъ-же якъ и вона.

Баба Устя була дуже швыдка, проворна и здатна на усяку роботу. Вона про себе самую говорыла такъ: «Я и сюды, я и туды. Постановить зо мною на выборъ молодычку, пры якому хочете дили, и тоди побачымо, чы докаже вона правду проты мене, дарма що я уже пидтопталася».

Мабуть черезъ таку свою здатнисть до всякои роботы, вона прыстала пидъ старость и до ликарства, вважаючы ликарську справу за найлегшу.

Де що вона перейняла видъ сусидокъ, а бильше видъ якои-сь бабы; а тій баби переказавъ заговоры проты де-якыхъ хворобъ батько, а батькови бабыному передавъ колысь заговоры старенькый парафіальный батюшка, що вычытувавъ ихъ дидови зъ товстои сынёи кныгы, ажъ докы дидъ не задержавъ ихъ, хоча и зъ помылкамы, у своій власній памьяти.

Нихто на сели не знавъ заговоривъ такыхъ старосвицькыхъ, якъ баба Устя, и вона цымъ дуже пышалась: це наддавало особлыву вагу іи ликарськымъ заходамъ.

Сёгодня іи звано ще зранку до Мытра Гаплыченка. Туды вона й попрямувала теперъ просто вулыцею, бо не було ій чого ховатысь и видъ когось крытысь. Вона що знала и робыла, то зналапа добре дило: рятувала людей видъ биды, а зъ такымъ диломъ не було чого крытысь видъ когось тамъ.

— Нехай ти крыются, що думають зле, та роблять людямъ на лыхо.

У Гаплыченка ждалы Устю, якъ Бога; заслабъ самъ господарь, заслабъ дуже на усе нутро и боли терпивъ невымовни. Ще здалека зачувшы стукитъ Устиныхъ чобитъ, пидбытыхъ головастымы цьвяхамы, Мытрова жинка Настя радо выбигла ій назустричъ и прывитно видчыныла упередъ неи двери, й хатни й синешни

— Це вы, титочко, а мы ждалы, ждалы, та я вже й не сподивалась васъ побачыты,—хтила бигты по васъ удруге.

— Я й то поспишалась, та ранійше не можно було прыйты: поцяпала коривчыну, а друге и зирокъ выглядала потрибныхъ, бо не у всяки часы можно выступаты зъ господы, хоча бъ и на Боже дило.

Мытро лежавъ на полу и тяжко стогнавъ. Це бувъ ще молодый, чорнявый чоловикъ, зъ невелычкою чорною боридкою, давно неголеною, тоненькымы, наче парубоцькымы, вусамы. Высокый задуманый лобъ и гарни кари очи робылы ёго вродлывымъ, схожымъ до паныча.

— Не умирай!—по заученому сказала баба Устя, пидступывшы до слабого и глянувшы на ёго суворо.— У васъ диткы маленьки, треба ще жыты,—вже звычайнымъ тономъ скинчыла вона...

— Рятуйте, титко, бо пропаду чысто!

— Ой рятуйте, голубочко!—пидхопыла й жинка и почала вытыраты заплакани очи.

— Богъ дасть, якось воно буде!..—одказала спокійно, незбентежено титка Устя й почала роздывлятысь слабого.

— Не знаю видъ чого вамъ такъ сталося, а упавъ у васъ золотныкъ—отъ що!—встановыла вона діагнозъ, облапавшы обома рукамы жывота Мытрового.

— У грудяхъ мене коле! Кашель страшенный!

— Богъ дасть пидчуняете! Усе жъ треба на мою думку «кынуть» вамъ горшка.

— Якъ знаете, титко, рятуйте, а рятуйте, бо не выдержу.

— Будемо ставыть горшка, бо не чуть де золотныкъ ходыть; треба ёго пидняты,—упавъ винъ. Ось слухайте сами..

Вона узяла ёго гарячу, питну руку и поклала ёму середъ жывота на пупъ.

— Що чуете? бьется!

— Ни, ничого не чуть!

— Я жъ то бо вамъ и кажу, що упавъ, бо винъ повыненъ трипатыся, якъ и серце.

Згодылыся кынуть горшка. Господарка пишла до коморы шукаты нового горшка, а титка Устя тымъ часомъ наскипала невелычкыхъ, тоненькыхъ палычокъ, завбильшкы зъ олывець.

Унесла Настя велыкого горшка, баба зирвала зъ хлиба скорынку, залышывшы на ній на палець мякишкы, виддилыла ножемъ кусень, якъ у долоню завбильшкы, постыркала туды палычкы, а потимъ поклала слабому скорынку на самый жывитъ, запалыла сирныкомъ палычкы и усю цю справу накрыла горшкомъ.

«Золотнычку, божый чоловичку, я тебе прошу, благаю и на мисце посылаю», прымовляла пошепкы, часто хрыстячысь, ворожка. Настя заходылась биля столу ставыты закуску и пляшку монопolькы. Трое малыхъ дитей дывылысь мовчкы зъ печи на титчыни заходы, позвишувавшы головы и гріючы жывоты на гарячимъ черени. У хати стало тыхо. Стышывся и слабый, ждучы полегкости. Ёго высоке чоло було вохке видъ поту, негусте волосся позлипалось и мокрымы пасмамы звылось на чоли, гарячечни очи дывылысь неспокійно.

Видъ разу ёму зробылось тепло: то палычкы нагривалы у горшку воздухъ. Ось винъ почувъ, що нагритый воздухъ потягъ жывота до-горы, зразу легко, потимъ дужче; винъ чувъ, якъ скорынка пиднимается до-горы разомъ зъ жыботомъ. Ось уже жывота нехопыло, почало тягты шкуру зъ грудей, а дали й на голови заворушылось волосся; тягло у горшокъ усёго Мытра—и спыну, и груды, и шкуру зъ головы. Разомъ зъ тымъ дуже пидняло ёго на колючкы у грудяхъ. Винъ тяжко застогнавъ и почавъ боронытысь видъ горшка рукамы. Горщокъ неначе прыкыпивъ и натягавъ у себе що разъ бильше и бильше тила. Разомъ зъ тымъ палычкы переводылысь на жаръ, жарыны падалы на жыве, роспарене голе тило. Биль невымовный у грудяхъ, у жывоти, и болюкы видъ жару на опеченыхъ мисцяхъ перемоглы ёго терплячисть. Винъ закрычавъ несамовыто:

— Берить горшка, быйте ёго, бо пропаду. Ой лышенько, рятуйте»!..

Бабы кынулысь до ёго. Устя схопыла качалку и, прыдержуючы горшка зъ одного боку рукою, лупнула качалкою по другимъ. Горщокъ розбывся, й по хати пройшовъ важкый духъ видъ смалятыны и дымъ видъ скипокъ. Усе накрыте мисце було чорне видъ копоти и пухле.

Баба Устя не сила за стилъ. Сёгодня ій була невдача. Мытра жъ усёго корчыло, крутыло и зводыло на колькы.

II.

Писля ликивъ бабы Усти Мытро несподивано перейшовъ на мои рукы. Дило було такъ. Одного дня я пишовъ пизнимъ вечеромъ до Мытра купыты яблукъ, бо винъ державъ того лита панськый садъ и торгувавъ яблукамы и дещыцею у своій власній крамнычци. Крамнычка вже була заперта. Я надійшовъ черезъ двиръ до хаты—постукаты у викно и такымъ робомъ выклыкаты хазяина до крамныци. Ще не доходячы килько крокивъ до хаты, я почувъ, що въ ній хтось стогне, а зазырнувшы у викно, побачывъ, що Мытро сылкуется скынуты велыкого чобота, а якъ це для нёго велыка напруга, то винъ крывытся, виддыха́ якусь

тамъ хвылыну, хапается за груды, ойкае, а потимъ изнову перехыляется до чобота.

— А що це тоби?—озвався я зъ надвору.

— Ой, батюшко, зайдить у хату!

— Я увійшовъ.

— Що це ты—нездужаешъ?

— Такъ, що й Господы!

— Застудывся, чы що?

— Хто ёго знае, на колькы бере дуже. Ни дыхаты, ни йисты не можно...

— А ты жъ личывся чымъ, чы ни?

— Ни, ничымъ. Тильки баба Устя учора горшка становыла, та ще гирше мени стало.

— Такъ!

Мытро и завше не бувъ здоровый. Жывый, меткый до всякои праци,—и ганчарь, и хлиборобъ, и крамарь,—винъ кыдався на вси бокы, абы якъ загорювать копійку, бо земли своеи у ёго було дуже мало.

Винъ вже давно надсадывъ черезъ свою необережнисть соби груды. Я знавъ, що у нёго затяжни сухоты, и черезъ те не багато роспытувавъ. И наша перша знаёмисть почалась такъ: я разъ выйшовъ на подвирья, свое такы власне, и бачу, що биля мого колодязя якыйсь чоловикъ пораеться зъ видромъ. Я надійшовъ блыжче,—то Мытро мочывъ голову водою, пывъ іи, а черезъ якусь хвылыну кыдавъ видро и воду и нахылявся до земли, бо изъ горла бигла кровъ, залываючы ёму выдъ и перехоплюючы духъ. Винъ одхаркувався, одплёвувався и знову плескавъ на себе долонямы воду. Це було весною. Писля того винъ трошкы пидчунявъ. Я ёму раявъ не братысь за тяжку працю, й Мытро послухавъ мене. Не робывъ у литку мужыцького дила, а щобъ не переводыты марно гарячого, робочого часу, винъ узявъ, у спилку зъ другымъ чоловикомъ, панськый садъ. Отъ же, кинець кинцемъ, я зоставсь ще й выноватымъ за свою пораду.

— Усе, батюшечко, через садъ мени сталось,—и на що винъ мени здався? Заробылы тамъ болячку: по 30 карбованцивъ намъ прыпало, а себе перевивъ.

— Чымъ же тоби садъ зашкодывъ?

— Та по правди вамъ сказавшы, порахувалысь мы, подилылы ти барышы, та давай пыть могорычъ. Выпылы мы добре, а тутъ дощыкъ пишовъ; я не поберигся та й заснувъ у мокрій трави,—отъ и пропадаю зъ того часу.

Я пославъ до своеи господы за ликамы де-якымы, а самъ росташувався на якый часъ, тымъ бильше, що пры мени Мытро трохы повеселишавъ.

— Чомъ же ты не прыславъ до мене?

— Я ёму й казала, а винъ:—може баба Устя поможе,—вона жъ де-кому помогае.

— Отъ же тоби й помогла! Теперъ мусымо личыться видъ хворобы, та ще й до того видъ Устиныхъ ликивъ. Тоби треба було, яко мога, заспокоиты груды, а ты прытягъ усю кровъ соби до легкушп.

Пидъ погруддямы у ёго стоявъ и не росходывся велыкый опухъ видъ горшка, въ грудяхъ хрыпило и булькотало, температура через гарячку наблыжалась до сорока градусивъ. Мы довго балакалы, жинка вытерла ёму груды и спыну несолонымъ саломъ зъ шпыгынаремъ (скопытаромъ), и винъ змигъ прылягты, хочъ и зъ обережнистю, на подушкы.

Мы сталы на тому, що винъ, не вважаючы на пылыпивку, буде йисты скоромъ, завтра прывезе ликаря и до бабивъ не буде звертатысь за запомогою.

III.

Прыйихавъ ликарь и не звеселывъ насъ.

— Якъ бы, каже, плеврытъ, то ще бъ половына лыха, а тутъ мы маемо дуже гостру ёго форму, бильшъ того, що гнылосный. Дамъ я тоби ликарства; бережысь, а пидправышся трошкы, пойидь до города и добывайся мисця въ клыныци, бо безъ операціи тутъ наврядъ чы буде полегкисть.

Зразу Мытро заохотывся йихаты, а потимъ, колы ёму стало легше, колы гарячка зменшылась, стало менше поту и збувся колючокъ, то, звычаемъ усихъ сухотныхъ, винъ почувъ себе цилкомъ здоровымъ и вже йихаты до миста—годи.

— Я на усе здоровъ. Тильки жолудокъ у мене, я чую, зробывся манисенькымъ, такъ завбильшкы зъ кулачокъ. Мабуть винъ усохся,—не можу я задовольнытысь йижею... Якъ-бы можно мени було найистысь, я бъ почувъ усю свою колышню сылу. Та ще отъ у правому боци, неначе килокъ стромыть.

Якъ я не доводывъ, що йихаты до клыныкы треба, Мытро не згожувався, а до того ще ёго обстоювала жинка.

— Ще тамъ помрешъ, а я тутъ якъ буду зъ дрибнымы дитьмы.

Годи ёму було щось казаты. Я тильки пыльнувавъ за тымъ, щобъ винъ ликаревои діэты додержувавъ, и сподивався, що згодомъ Мытро й самъ зрозуміе вагу ликаревои порады. Отъ же выпадокъ довивъ иншого.

Вже трохы пидчунявшы, Мытро пишовъ до власнои крамнычкы и ставъ жинци до помочи. На лыхо трапывся якыйсь чужосторонній чоловикъ. Купывъ той чоловикъ хунтовои булкы, и ёму здалося, що Мытро не доважывъ хунта. Почалась сварка. Мытро, и такъ знервованый видъ хворобы, роспалывся, и вси наши ликы пишлы марно. Ввечери прыбигла до мене Настя, росповидала про свою прыгоду несчаслыву и прохала запрычастыты чоловика, бо знову звалывся.

Мытро лежавъ на примостци, важко дыхавъ и почувавъ себе безъ миры погано. Диты тулылысь по куткахъ, а жинка на пивголоса рыдала. Смерть уже віяла своимъ чорнымъ крыломъ надъ безсчасною симьею. Надіи на поправку не зосталось жаднои, та и смерти не можно було швыдко сподиватысь.

Я, скильки мигъ, розважавъ слабого, и мои заходы не пропалы надаремне.

— Чого це вы полякалысь? ще Богъ дасть пидчуняешъ. Ты думаешъ—якъ злигъ, такъ уже й край. Пидожды лышень! навить, и сповидать тебе не буду.

Мытро знавъ, що за смерть чыюсь безъ сповиди я «повыненъ закону» и маю прыйняты велыку покуту,—черезъ те понявъ мени виры, що винъ не дуже слабый, и видразу повеселійшавъ.

Годи плакать и жинка.

— Теперъ уже я бачу, що треба йихаты до города.

-- А вжежъ, що такъ. Я жъ тоби й ранійше казавъ.

— Ось крыхточку пидчуняю, та й небезпреминно пойиду...

IV.

Другого дня була у Мытра знахорка зъ другого села и, поворожывшы, довела ёму, що хвороба не къ смерти. А хвороба, видповидно тому пророкуванню и справди пишла у протягъ. Ёму ставало то легше, то тяжче, въ залежности видъ того, якъ винъ трымався діэты.

Абы выпадала мени вильна хвылына, я заходывъ до Мытра, и мы що-разу довго балакалы. Матеріалистъ зъ ёго бувъ завзятый. Думкы слабого крутылыся здебильшого на практычнихъ справахъ мынулого жыття. Усе, що ёго цикавыло, буле тутъ, осьде—на земли, навить ще блыжче,—у Плахтянци, а по-за цымъ винъ не знавъ и не хтивъ знаты ничого.

Малоземельный, четвертый сынъ у батька, винъ замолоду поставывъ соби мету—выйты у перши ряды селянъ. Зъціеи прычыны Мытро брався за всяку можлыву працю: винъ бувъ и хлиборобъ, и ганчаръ, и, навить, грабаръ. За десять рокивъ невтомнои, невгамованои праци винъ збывся на окремну хорошу хату й на дви сотни карбованцивъ, зъ якымы й почавъ крамарюваты. Теперъ у нёго тры сотни власныхъ грошей; воны обертаются тры-чотыри разы на рикъ, и Мытро мае за ныхъ зыску «рубъ за рубъ». Теперъ у нёго самоваръ, рушныця... Саме тильки жыть, а тутъ на́ тоби—таке лыхо! Возьмы умры, покынь усе, що ты загорювавъ—и для кого?

— Батюшко, отъ моя воля: колы вона пиде замужъ,—винъ показавъ на жинку,—не дать ій ничого, повыймаы зъ скрыни одежу усю, яку я ій посправлявъ. Я такъ и своему батькови кажу.

Така неправда дуже ображала бидну жинку, и зъ цёго у ныхъ часомъ повставалы непоразуминня и сваркы.

V.

Иноди Мытро залышавъ діэту; ёму бажалось галушокъ, або давнепросоленои рыбы; тоди бида коилась: шлунокъ, не мигъ подужаты ворожои для нёго йижи, почыналась гарячка и доходыла до надто высокыхъ градусивъ.

Якось передъ вечеромъ зайшовъ я до слабого; Настя готувала на вечерю вареныкы зъ макомъ и грушамы. Мытро лежавъ на печи,—ёму було дуже погано. Винъ тяжко дыхавъ, разъ-поразу кашлявъ и харкавъ куды попало: на стины й навить на подушкы. Биля нёго стояла мыска зъ чыстымъ пискомъ, куды винъ повыненъ бувъ плюваты.

Бачучы усе те, чуючы важкый, нибы солодкуватый, духъ видъ гнылыхъ легкушъ, трудно було зоставатысь у хати надовго. Я почавъ доводыты ёму про неохайнисть та іи наслидкы. Винъ не звернувъ жаднои увагы на мои слова.

— Ой, батюшко, нудно мени; визьмить ножа та штрыкнить мени у бока, я «чуствую», що йе тамъ якась «гадость»—мо' вона вытече, то мени й полегшае.

Не можно було сказаты—«а я жъ тебе посылавъ до клынікы»,—бо то-бъ уже була безпотрибна жорстокисть: чоловикъ уже умиравъ и навчаты ёго пизно. Можно було тильки журытысь, що ёго не учено ничому змалку.

Я незабаромъ попрощався, и то мусыло буты наше останне прощання.

Не вважаючы на те, що шлунокъ ёму бувъ, якъ винъ самъ казавъ, зъ кулачокъ завбильшкы, винъ зйивъ вареныкивъ зъ макомъ ажъ симъ. Писля такои вечери, винъ стерявъ памьять, почавъ балакаты зъ гарячкы и померъ, не вернувшысь до памьяты.

Я довго вдывлявся въ молоде лыце небижчыка,—воно було супокійне на вдывовыжу.

Тильки дви поперечни глыбоки зморшкы на высокому, думному чоли нагадувалы ёго мынуле турботне жыття и невгамовну натуру.

—

Останнёго Мытрового бажання ёго жинка покы що незламно додержуе: вона дала гарбуза вже двомъ парубкамъ, яки домагалысь іи рукы, а за однымъ заходомъ и іи крамнычкы...

---

2. Паціентка.

На прыкинци лыстопаду неждано-негадано, писля теплои и яснои годыны, знялася фукга. Подувъ витеръ зъ пивночи, нагнавъ холоду, прынисъ цилу хмару снигу, перемишавъ ёго зъ пискомъ, и настала у насъ зима, безъ саннои дорогы.

Выглядъ звычайного селянського жыття видразу зминывся. Товаръ не пишовъ у лисъ, пастушкы зосталыся дома; босонога дитвора тулылась блыжче до гарячои печи и не ховала видъ батькивъ думокъ и бажань про чоботы й теплу одижъ, якои більшости зъ ныхъ бракувало.

Пидъ вечиръ одного зъ найлютійшихъ днивъ, колы гострый витеръ крутывъ и шарпавъ усе, що ёму ставало на перепони, до моеи господы прыйшло двое невелычкыхъ перемерзлыхъ селянськихъ дитокъ: хлопчыкъ и дивчына. Диты булы мени знаёми.

Хлопчыкъ Спырыдонъ уже другу зиму ходывъ до школы, а Марусю, дивчыну рокивъ на чотыри—пьять, я часто бачывъ у іи риднiй хати, бо навидувавъ іи батька, якый слабувавъ на груды.

Наразъ я подумавъ, що слабому стало гирше и диты прыйшлы сповистыты мене. Отъ же роспытавшысь, я довидався, що Маруся прыйшла сама за порадою, зъ прыводу своеи власнои биды, а братъ—абы бороныты іи видъ собакъ.

— Помажте мени болюкы!—выразно попрохала мене Маруся.

— Добре, помажемо! Йды до грубы, грійся, холодно тоби? Змерзла?..

Дивчынка простягла до веселого вогню заклякли рученята и грилась. Спырыдонъ зостався въ кухни.

Середъ моеи, зовсимъ не роскишно обставленои хаты, все-таки дивчына була негармонычною плямою; у ридній хати, де булы брудъ и біднота, вбожество дытыны не было у вичи такымы выразнымы рысамы. На ній, правда, булы зовсимъ новеньки чобиткы, але ти чобиткы,—я знавъ, бо вона мени хвалылась новыною,—коштувалы трояка. Черезъ ихъ дешевыну́, чоботарь не знайшовъ можлывымъ облыцюваты чымсь краи халявóкъ, а тильки обризавъ ихъ ножыцямы. Першого-жъ дня, щобъ выпробуваты чобиткы та нымы покрасуватысь, Маруся пишла до хрещенои матери и до крови поризала соби тымы халявамы тило пидъ жыжкамы. И про це я знавъ раніше. Маруся стояла коло грубы, довирлыво простягшы обыдви манисеньки ручкы до веселого вогныка, и грила ихъ.

Черезъ яку хвылыну вона тяжко передыхала, наче стара людына, що бачыла вже на вику не одну копу лыха, нибы наперёдъ чула, яке лыхо та тяжки обставыны чыгають на неи черезъ увесь протягъ жыття. Окримъ чобитъ, уся одижъ на ній була стара и пошарпана; голивка запнута старенькою, сытцевою хустынкою; бумазейна юпчынка була постёгана, замисць ваты, на клоччи и мала пидбывку зъ товстои самодильнои полотныны. Дытына не була ничымъ пидперезана, навить и мотузочка не було. Одынъ тильки гудзыкъ мавъ видповидну петельку биля комира, та ще одна петелька высила ныжче, але вона не мала ніякои вартости, бо не хапало до неи гудзыка. На юпчыни, навить не пыльно прыдывляючысь, можна помитыты дирку, бо вона завбильшкы зъ долоню. Було ище кильконадцять дирокъ, бильшъ або меншъ помитныхъ.

Треба було обдывытысь манисеньку журлыву пацієнтку. Я нагукавъ жинки, бо то у мене спеціалистъ на дытячи й жиночи хворобы. Знялы зъ дивчыны хусточку и юпку. Биле, якъ лёнъ, волосся переплуталось, закублылось и кучерявылось немытымы й нечесанымы пасмамы. Дивчя, почувшы волю рученятамъ, тую жъ мыть запустыло усю пятерню правои рукы у волосся й почало

шкрябаты голивку, а потимъ шыйку и скризь, куды сягала манисенька ручка.

На дивчыни була брудна-пребрудна сорочечка, котра не пралась такъ мабуть зъ мисяць, и спидничка зъ нагрудныкомъ, розшматована на переди до самого спиднёго рубця. Спиднычка та, подекуды забруднена масными плямамы, шыбала у нисъ усякымы пахощамы, звычайнымы биля малои, недоглеженои дытыны.

Повненьке лычко було задумане, невеселе й блиде.

— Де-жъ у тебе болюкы?

— Скризь.

Николы немыте дытяче тило було скризь обсіяне невелычкымы рожевымы плямкамы, завбильшкы зъ горохвыну. Де яки зъ цихъ плямокъ—уже почервонилы, а инші достыглы, набралыся чорного колёру: здавалось, неначе хто невелычкымы кружалочкамы наризавъ мушку и облипывъ имы циле тило дивчыны видъ самой шыи й до колинъ. Дытына була безсыла, бо видъ сухотнёго батька.

Погрудня клитка була у неи не більша, якъ на долоню, а звидтиля почынався й высивъ надутый, велыкый жывитъ, розбехканый картоплямы й огиркамы.

Дытячи оченятка дывылысь смутно й якось безъ чуття.

Хвороба була досыть знаёма; дещыця зъ ликивъ пидъ рукамы, але найгиршъ мени було те, що та дытына не була дытыною якогось тамъ старця: ни, то була звычайна селянська дытына,—дытына селянына-хлибороба зъ середнимы достаткамы!...

---

3. Не диждала.

I.

Короли держалы крамнычку. Торгувавъ у тій крамнычци иноди самъ Якивъ Король, а найчастише—ёго жинка Горпына.

Торгувалы воны всячыною: мирялы квартамы смо́лу и гасъ, грудочкы сахару и «кунфеты» продавалы поштучно, а иноди лучалось и восьмушкамы.

За для парубоцтва держалы «мализъ» и булку «хунтовку», а для дитворы—бублыкы.

Отъ сало—потрибне у всякій господи, то часомъ трапляло́сь продаты и на хунтъ; сирныкы́ жъ найбильше миняли на яйця.

Булы такожъ на потребу дивоцтва голкы, наперсткы и товста червона та чорна заполочъ.

Къ писнымъ днямъ пидвозылась рыба: просилъ червоный, зъ тяжкымъ духомъ, и оселедци дрибни и буйниши, а къ Велыкодню—пшенышна мука.

Було доволи усякого краму, якого потребу́е простый, убогый селянськый людъ.

День у день Горпына на ногахъ зъ раннёго ранку ажъ до пизнёго вечора.

Треба скризь поспишаты: товаръ прыпорать, дитямъ страву зварыть, хочъ яку небудь, та и купця не впустыть, бо недалечко йе друга крамнычка, а люде, якъ вивци—не розбирають, яка у крамаря совисть, а йдуть туды, де крамнычка видчынена. Певне, неможлыва ричъ Горпыни цилый день крамарюваты, особлыво литомъ, колы роботы набавляется, черезъ те, що треба поспиты на поле та не попустыть, щобъ и горо́дъ зарисъ бурьяномъ та травою.

Та тоди усимъ селянамъ йе роботы безубытно: и купци, и продавци працюють поручъ у одному мисци, а вже надъ вечиръ збираются биля крамнычокъ, або щобъ купыты чого, або й такъ побазикаты про свои справы пекучи и власни дила.

— Нема ніякого зыску зъ тіеи крамнычкы!—говорыть бувало розбалакавшысь зъ сусидами Горпына.—На людяхъ пропадае чымало «грошшя», «права» щось коштують; урядныкови треба дать карбованцивъ пьять на рикъ, абы не чиплявся, та не дозыравсь до усёго, не боронывъ держаты гасъ пидъ деревны́мъ дахомъ. Яка тамъ «полза!» Ото и всёго, що для своеи власнои симьи ничого не купуешъ: иды у крамнычку й беры, що хочъ безъ вагы—мыръ ту зйижу покрые... А для симьи треба було титци Горпыни и справди де-чого багацько, бо симья була чымала.

Видъ тіеи симьи николы не переводывся у Королевій хати важкый, теплый духъ. Видтакъ, по полиськыхъ хатахъ пахнуть грыбкы, колы сушатся у печи, та добре розипріють.

У одній, правда чымалій, хати мистылася сама Горпына зь чоловикомъ и семеро маленькыхъ короленятъ: одна дивка, одна дивчына, та пьятеро хлопцивъ, одынъ менше другого. Найстаршый зъ хлопцивъ ще не скинчывъ школы, а найменшый, якъ бабы кажуть, звыняйте въ цимъ слови, ще цыцьку ссе.

— Бильшенько у мене ихъ було, та не давъ имъ Богъ вику, це тильки семеро зосталось.

Роботы—скильки спрягнешъ, а до помочи хыба що старша дивчына, що ій вже мынула шиснадцята весна, а хлопци—то сама ще зйижа.

II.

И чомъ вы, мамо, не убираетесь краще? Онъ мене хлопци и дивчата на глузы пидіймають за те, що вы биля себе таки неохайни!

Горпына здывовано глянула на доню.

— Чы то жъ часъ мени, донечко, прыбиратысь та чепурыться: тутъ диты, тамъ у крамныци гасъ, смола. Выдумляють катъ-зна що твои безуси хлопци та безглузди дивчата!

Гришнымъ тиломъ не свитышъ, голова за-для закону ңакрыта—оце тоби и уборъ жиночый-мужыцькый!

— Нехай уже, доню моя,—перегодывшы скинчыла вона,—якъ оддаватыму тебе замижъ, оттоди я уберусь гарненько, а ты мени честь пиднесешъ, якъ вестымуть мене по-пидъ рукы, мовъ паню пышну, та и гулять буду, и пыть буду, цилый тыждень,—отъ якъ!

— А то жъ тамъ—выдумляйте!—видказала доня, та на тимъ и скинчылась недовга розмова. Маты прыймалась знову за працю, а доня за шытво, та на вечиркы.

Спынылась Горпына надъ роботою писля розмовы зъ дочкою, оглянулась навкругы и на себе и побачыла направду, що дочка не помылялась: скризь по хати була гыдота та брудъ, и сама

вона, Горпына, жинка задрипана, замусолена и неохайна. Кынула вона думкою напередъ часу и зрозумила и свою власну правдоньку, що не доведется ій передыхнуты та «поскребтысь», ажъ до донилого весилля, колы вона мусытыме це зробыты, вже черезъ саму властыве сылу звычаивъ давнихъ.

На цій думци вона заспокоилась, вертаючысь до щоденнои праци.

А праця за кожнымъ рокомъ облягала Горпыну бильше й бильше, моци-жъ и сылы ставало у неи все менше и менше. Ось, пры останку, уплодыла вона хлопчыка, и стало ій нездорово—не «выходылась» и не одлежалась вона видъ звычайнои жиночои слабосты. Понапруджувалысь, понадымалысь у неи на ногахъ жылы велыкіи, сыніи.

— Ось гляньте, мо' що пораете!—И титка Горпына, абы хто хтивъ дывытысь, тую жъ мыть показувала товсти, якъ виревкы́, жылы.

Отъ же, не вважаючы на свою слабисть, титка Горпына повезла у-осены до болота мочыть свои «конопелькы».

Конопелькы намочыла та пры тому застудыла й ногы. Почалы ти ногы пухнуты, а дали поробылысь на ныхъ болячкы.

Позамотувала вона болючи ногы нечыстымы ганчиркамы, перевьязала ихъ туго и все-такы працювала.

Багато де-чого ій раялы, а на прыкинци якась дотепна свашка велила пустыты до тыхъ болячокъ пьявокъ.

— Вытягнуть, мовлялы, тоби порчену кровъ, сестрыце, та тымъ и выгоишся.

Це було дуже прыкладно. Горпына постановыла соби до «нижечкы» двадцять пьявокъ и де-якыхъ у сами уразкы.

— Ой, якъ же мени було боляче! Та я вже на те видважылась; нехай, думаю, выссуть мени хворобу. Отъ же прокляти твари—то жъ гадючкы—не выссалы усіей порченои кровы́, а писля одніеи пьявкы,—насылу іи одирвалы,—зисталась на болячци не-

величка уразка, такы зовсимъ невеличка,—не прыдывысь добре, то й не побачышъ. И почавъ зъ тіеи уразкы текты гній. Тече та й тече, а я й байдуже: перележала днивъ скильки, та й ну знову тупцять помаленьку биля господы.

III.

Одного дня передъ вечеромъ выйшла титка Горпына на городъ и накопала зъ мишокъ картопли; вернулась до хаты, дала дитямъ вечерять, поклала ихъ спаты, а тоди вже «подовсала» до крамныци, щобъ даты помичъ чоловикови, та й перемогтысь хотила, бо дуже ногы ныли—«такъ наче на пропале».

Прыйшла до крамныци; «мужыкы» сыдять, курять, понасмичувалы на доливку—натупалы. Узяла вона виныка й хотила трохы пидместы крамнычку, чуе—щось тепло стало, ажъ пече пидъ ганчиркою на нози. Кынулась вона до ногы, ажъ уже цила онуча стала видъ крови червоною й вохкою, а крови такъ багацько, що вже капае на доливку.

Розвернула вона ганчирку—такъ кровъ и брызнула, ажъ на людей и саме изъ тіеи уразкы, що зисталась писля пьявкы.

Такъ и бье кровъ, ажъ на пивъ аршына у-гору, немовъ бы то изъ фонтану.

— А братикы, а соколыкы—рятуйте! що це воно таке?

Пишла потыхесеньку до хаты, прыдержуючысь рукою за стину. Чоловикъ на швыдку руку прычынывъ двери у крамнычци и мыттю кынувся до крыныци по воду.

Черезъ хвылыну-дви увесь Мыронивъ кутокъ, де жылы Королі, знавъ Горпынину прыгоду. Хтось, навить, сповистывъ урядъ и погукавъ громадського старосту.

— Оце, пане старосто, крови зъ неи стильки найшло!—показувала титка Улыта старости довгу кровяну стежку, що йшла видъ крамныци до самои хаты й дали.

У хати зибралось народу чымало. Уси дывылысь на Горпыну зъ якымсь тупымъ острахомъ и мовчалы, а вона лежала доли на простеленій подушци, схылывшы на бикъ голову, зне-

сылена, мало що пры памьяти. Зъ давно немытои, пухлои й жылавои ногы кровъ ишла безупынно.

— А що жъ, братци, робыть?—чухаючы у потылыци, першымъ озвався староста.

— Давай, бра', мукы!—выступывъ зъ гурту Куделя.—Пояса давайте!—Винъ схопывъ пояса и перевьязавъ нымъ ногу вышче течійкы.

— Давай муку́!

Далы ёму кившъ борошна жытнёго, й винъ почавъ забываты нымъ дирку, зъ якои юшыла кровъ.

За хвылынъ пьять его праци кровъ стала йты тыхше, слабійше, а потимъ и зовсимъ спынылась.

Горпына лежала, стерявшы памьять, а надъ нею голосылы диты.

— Щобъ не я, доси бъ дійшла!—хвалывся Куделя.

— Певне, дійшла бъ! де ты бачывъ—стильки крови стеряла!

Люде по-одынцю рушылы зъ хаты. Часъ бувъ пизній.

— Якъ що тее, то клыкнете мене знову, а вы не отходя стережить іи!—наставлявъ Куделя.

— Добре, добре! Мы усю ничъ не лягатымемъ спаты, будемо іи доглядать,—згодывся Якивъ. Винъ ходывъ кругомъ неи, сухорлявый, маленькый, перепятый жалемъ до жинкы и горемъ; ставъ навколишкы, прыдывлявся до іи билого смертельно лыця и слухавъ, чы вона дыше. Вона була ще жыва.

Бильша дивчынка тежъ ходыла биля слабои, ламала соби рукы й голосыла, прымовляючы: «мамо, мамо!»—а иноди нахылялась до матери, трусыла іи за голову, абы розбудыты. Ничого того не чула й не бачыла маты. Уже ранкомъ вона трохы одчуняла, видкрыла очи и стала гомоныты. Доня зрадила.

— Що вамъ, мамо? може пыть?

— Дай, доню, водычкы!

Подала доня кухлыкъ зъ водою. Маты ковтнула разивъ зо-два, але насылу пидвела голову.

— Мабуть не дижду я тебе, доню, замижъ выряжаты! Гляды дитокъ...

— Мамо!...

— Пече мене дуже... моци ниде не чую... Глянь, що тамъ зъ моею ногою коится...

— Ге... ее...—заплакала дивчына, глянувшы на ногу,— чорніе!...

—

Титка Горпына не диждала, щобъ велы іи по-пидъ рукы на донином у весилли, та ще й зъ музыкамы. Не дисталось ій и разу одночыты на цимъ свити видъ нужды, горя и безупынної праци.

Неслы іи труну сири, потомлени, невесели люде, а семеро дитей на вси лады голосылы, чуючы безповоротню втрату....

---

4. Темнота безпросвитня.

Мокрый, сирый и холодный марець давъ себе у знакы. На сели почалы хворить диты на свынку, чы то, по тутешнёму, на обкладкы.

За два-тры тыжни по черзи переслабувалы уси наши школяри и школяркы. Слабисть, здебильшого дытяча, тильки подекуды зачипала чоловикивъ и жинокъ: заслабла—такъ сказаты зъ професіи—вчытелька, та ще зборщыкъ, котрый що Божого дня рыпався по найубожшыхъ хатахъ, абы постягаты торишни не доплаткы.

Ликарь веливъ мазать обкладкы йодомъ, а надали раявъ компрессы у тяжчыхъ выпадкахъ хворобы.

Якось простуючы до школы, я стривъ зборщыкову жинку: вона несла видъ учытелькы пляшечку зъ йодомъ.

— Хлопець заслабъ?—спытавъ я, поздоровкавшысь.

— Ни, самъ заслабъ!

— Що-жъ у нёго?

— Переднише обкладкы булы, а теперъ и нисъ опухъ и выдъ подекуды, та кровъ изъ носа йде сыльно.

— Ходимъ, побачымо!

— Зробить ласку! сегодня й старшына прыйиздывъ зъ пысаремъ общотъ.робыть,—ни зъ чимъ и пойихалы; раялы везты до дохтора...

— Ну, то що-жъ?

— Де ты его повезешъ! захопыла дуже хвороба,—може за дорогу померты.

Иты було далеченько, и мы розгомонилысь.

— Хотя-бъ ище годочкивъ десятокъ пожывъ,—диткы мали.

— Та хиба-жъ винъ уже такый слабый, що и про смерть треба думаты?

Эге, а вамъ якъ здается? Винъ и завше гнылый, мовлялы; тильки батькомъ господарство й держытся, а теперъ и той ладъ згынувъ.

— Що-жъ вы не шукалы помочи?

— Де вамъ, батюшка, не шукалы? Шукалы що й Господы!.. Третёго дня ночувавъ у насъ коновалъ, та це той такъ его пидличывъ.

— Чы то-жъ можно звиряты на коновала у людськихъ хворобахъ?

— А що-жъ робытымешъ? Я й такъ пытала его: а чы-жъ вы можете? А якъ-же! Я, каже, экзаментъ выдержавъ, усе одно, що дохторъ.

— Де-жъ ты запопала того коновала?

— Такъ захожый, чыстывъ у насъ кабанчыкивъ, а потимъ— «давай я й мужа тоби вылечу». За сорокъ копіекъ цилый бутыль покынувъ ликарства: «ты, каже, не думай, що я тоби дамъ чогось вредного,—смотри, я й самъ выпью передъ твоима очыма». И, правда, налывъ цилу чарку и выпывъ.

— Эхъ, горе зъ вамы!—Оце усёго и промовывъ я.

— Не пособылось ничого. Обкладкы зійшлы, а зъ уха тече, та й зъ носомъ лыхо.

Зъ носомъ и справди було дуже погано. Звычайно винъ бувъ тонкый и довгый, а теперъ стремивъ неначе велыка груша,

до того ще по сыне-барвному полю повыскакувалы жовти пухыри, якъ бувае отъ опеченого. Зъ носа и зъ вуха йшовъ брудъ.

Опухъ одъ свынкы давно вже мынувся, а разомъ мынула потреба и въ йоди. Отъ же жинка хотила помазать тымъ йодомъ пухыри на носи.

Не знаю, що-бъ уже тоди скоилось, а такъ пойихавъ старый за дохторомъ. Знаючы обрядкы и тверду уперту натуру старого, я наказувавъ заплатыты дохтору троячку и просыть, щобъ йихавъ найскорише. «Втикъ не втикъ, а побигты можно,—подумавъ старый,—давай поторгуюсь, а може дохторъ скыне карбованьця». Отъ-же ликарь образывся и сказавъ, що винъ не пойиде ни за яки гроши—ни за пьять, ни, навить, за десять.

Черезъ день прывозылы хвершала, той не прыйнявъ грошей зовсимъ: «я, каже, получаю жалування». Зборщыкъ вычунявъ, але зостався навикъ зъ покаличенымъ носомъ и волосся ёму на голови вылизло до щенту. Изъ уха и теперъ тече брудъ.

Выпадокъ зъ йодомъ, що хтила имъ пошпарыты опухле тило своему чоловикови зборщыкова жинка, нагадуе про те, якъ небезпешно доручаты темному людови навить таки найпростійши ликы, якъ напрыкладъ йодъ.

Окримъ усякыхъ непорозуминь, мени зостався у памьяты ще такый выпадокъ.

Одынъ разъ прынесла до мене селянська молодычка слабую дытыну, у якои зъ уха йшовъ брудъ. Знаючы, якъ небезпешно личыть ухо не то мени, а навить и ликареви неспеціалысту, я мигъ тильки поспрынцёвать ёго, заклавъ ухо ватою, раявъ звернутысь до ликаря, прохавъ не робыть ніякыхъ залывань, напрыкладъ олывы, и давъ ваты, щобъ переминяты у вуси щоденно. Пройшло днивъ килька: «мо' воно й такъ, Богъ дасть, пройде безъ дохтора», а вату молодыця поклала на полыци. Диты, пустуючы, скынулы ту вату на доливку, а поросята додалы ій краю: утопталы іи въ болото. Баба жъ добре памьятала, що вухо повынно буты затулянымъ,—не все одно чымъ? На очи попалась стара кожушанка. Урвала баба вовны и затулыла вухо.

На лыхо у тій вовни мистылысь паразыты, а позаякъ вовны баба не миняла ажъ докы не прынесла дытыны до мене, бо вона дуже вже крычала, то зъ ухомъ сталося такъ, що я, замисть розсказуваты, повыненъ поставыть точку.

5. Приська.

Добрымъ словомъ треба спогадаты нашу акушерку, яка працюе на «пункти», бо вона не одну жинку вызволыла видъ немынучои смерти.

Перешкожае іи корыстній праци те, що вона одна, а слабыхъ жинокъ тысячи; до того ще треба додаты послугы такъ званій интеллигенціи.

Уси ци умовы, зведени до купы, зводять іи працю середъ народу до ничого. Отъ же, колы обставыны селянського жыття переинакшатся на линше, іи праця стане найпереднійша и наикорыстнійша.

Якось мене позвалы до слабои сусидкы Приськы. Вона тильки що повернулася зъ пункта. Фельшерыця въ неи знайшла «воспаленіе яичника», раяла напередъ усёго ничымъ не бентежытысь, не звертать увагы на прыкрости и ничымъ не турбоватыся; дала якыхсь ликивъ и велила класты на боляче мисце прыпаркы.

Эге, така жинка Приська, щобъ спокійно вылежаты и ничымъ, мовлялы, не турбоватысь, хочъ хвылыну!

Вона була господарка працёвыта и невсыпуща.

Не вважаючы на мое прохання, и на хвылыну не хотила спочыты Приська и полежать спокійно. Боли, та ще писля неблызькои дороги, вона терпила невымовни. Отъ же разъ-по-разу схоплювалась зъ лижка, росповидаючы мени свою прыгоду, абы доладнійше щось розсказаты, або показать якись ликы.

Я веливъ заразъ же невистци затопыть пичъ и прыставыть до огню чавуна зъ водою на прыпаркы, бо сама Приська довго бъ не зибралась ихъ робыты, а може овси залышыла бъ.

Безъ жаднои охоты, невистка назбирала ломаччя й затопыла пичъ, да и часъ бувъ саме робочый—жныва. Не вважаючы на це, мы такы дождалысь окропу. Бракувало полотняного шмаття, по-

трибного для прыпаркы. Рушныкъ знайшовся усёго на-всёго одынъ, та й той брудный, випъ стававъ кожному семьяныпови у прыгоди, а симья складалась изъ чотырёхъ чоловика, окримъ дитворы.

Про други рушныкы невистка сказала, що «воны перутся», а пошукать власныхъ у своій скрыни не хотила. У старои мабуть и, справди, не було пхъ. Хто ходывъ за слабымы, на таку хворобу, яка була у Прыськы, той знае, яку полегкисть дають прыпаркы и якъ воны заспокоюють боли.

За пивъ годыны, не бильше, мукы слабои втыхомырылысь. Я прохавъ класты прыпаркы и на дали, бо полегкисть була очевыдячкы, и яко мога вылежуватысь, та й пишовъ до господы у непевній надіи, що усе буде гараздъ.

Хвороба николы не покынула Прыськы, та цёго и не можно було сподиватысь, пры іи необережности и пры тій непосыдячій натури, яку вона мала.

Жныва захопылы мене, якъ и всякого селянына, и я ридко навидувався до Прыськы, та й чого?

Мы розійшлысь зъ нею у поглядахъ, я стоявъ на одному: слухаться фельшерыци, а Прыська кыдалась на вси бокы, шукаючы запомогы, и робыла, «що хто раявъ».

Не буду розсказуваты усёго, що надъ нею выроблялы, але мушу довесты про те, якъ іи доконалы у край.

—

Що року, передъ наборомъ, у-осены до нашого села завитае зъ миста жыдивка Сора. Прыйиздыть вона на драбынчастому вози порожнемъ и не мае ничого, окримъ мишкивъ, порожнихъ торбынокъ та збытои, замусоленои колоды картъ. Днивъ за скильки своеи немудрои праци, вона понасыпае мишкы и торбынкы усякымъ зерномъ и борошномъ по сами завязкы и вже не йиде на вози, а йде за нымъ пишкы, бо нема де прытулытысь за поклажою. Роботы у неи на сели хочъ одбавляй: вона ходыть по хатахъ и ворожыть на карты.

— Чы забрыють лобъ Петрусеви (коханому)?—соромлыво загадуе дивча.

— А якый таланъ спаде моёму сыночкови?—ворожыть стара баба.

Найбильше жъ усёго мае ворожка прыбутку зъ тыхъ молодычокъ, якыхъ чоловикы стоять на черзи до набору. Дарма, що жыдивка бреше: на той рикъ у неи зпову буде робота,—абы, поздоровъ Боже, прыйихала.

Зацикавылась своею долею и Приська; що ій поворожыла Сора, я того не знаю, але, мабуть, щось дуже веселе и цикаве, а на дали обицяла и хворобу Прищыну выгнать, абы та згодылась Сору слухаты. Приська на те прыстала.

— То погано, колы хвороба мистытся у середыни, треба іи наверхъ выгнаты, та тоди вже выдните буде, якъ іи и гоиты.— Такъ казала Сора, та й почала нидъ грудьмы Присци обкладаты якымсь лыстомъ. За днивъ килько зъявывся опухъ, завбильчкы зъ кулакъ.

Теперъ и сама Приська побачыла, що жыдивка не брехала: хвороба була зверху.

Дала ще Сора якоись мазй, щобъ мягчыты той опухъ, и пойихала на инши села, а опухъ помякшавъ, дали триснувъ, а натомисть зробылась за два-тры мисяци така болячка, черезъ яку сталы выдни навить кышкы.

Бидна Приська страждала ище до самого лита и померла у страшенныхъ мукахъ.

Слабувала бильше року.

---

6. Породилли.

Кинчаючы свою працю про селянськи лікы, я не можу не сказаты килька сливъ про породилль, сучасныхъ мученыць земли нашои.

Жинкы, у якыхъ пологы пройшлы звычайнымъ порядкомъ, повынни, по селянському этикету, выхвалятысь, колы можна такъ сказаты, своею терплячостью.

На взирець невисткамъ свекрухы ставлять тыхъ молодыць, яки сами на хрестынахъ своихъ дитей печуть гостямъ млынци и готують иншу страву.

Треба завважыты, що хрестыны ридко колы одбуваются дали другого, або третёго дня писля пологивъ.

Необережнисть до пологивъ у самый часъ ихъ иописля старыть самыхъ дужыхъ и крипкыхъ селянськыхъ жинокъ и змывае красу йихъ, неначе водою.

—

Я памятаю, якъ мене, ще зовсимъ молодого чоловика, позвано у дальній прысилокъ запрычастыть слабую.

Не роспытавшысь, на що вона слабуе, я пойихавъ и, на дыво соби, побачывъ, що слабая, навить не лежыть, а стоить, злигшы спыною на мишкы зъ хлибомъ. Изъ устъ ни пары, а питъ зъ неи такъ и капае дощемъ.

Дви молодыци держать іи по-пидъ рукы. Ничого не розуміючы у тій справи, я почавъ и скинчывъ свое дило. Вже у синяхъ догнала мене бабка.

— Чы не пораете чого, батюшко? и ручка и нижечка йдуть разомъ...

Курсъ, такъ званои, медыцыны я у бурси слухавъ, але що я мигъ пораяты и чымъ допомогты? Я, навить, не зрозумивъ, про щó мене баба пытае.

Не знаю, хто ихъ рятувавъ, а того жъ вечора я хрестывъ слабеньку дытыну.

Колы я розсказувавъ цей выпадокъ ликареви, винъ сказавъ: «то ричъ неможлыва. Це не може буты».

Такъ чы инакъ, а жыва зосталась и породилля, и дытына, хоча, певне, я на свои очи не бачывъ ни «ручкы, ни нижечкы».

Гирше скинчывся другый выпадокъ.

Якъ и въ тому рази, мене позвано запрычастыты слабую жинку на хутори.

Жинку цю я заставъ, прыйихавшы на парафію, молодою удовою.

Писля чоловика у неи дитей не зосталось. По звычаёвому праву, ій можна було сыдить у чоловиковій хати й хазяинуваты на чоловиковимъ грунти, ажъ докы не пиде замижъ.

Грунтъ бувъ чымалый. Отъ же молода, прехороша и працёвыта удова, недовго сумувала у самотыни и проминяла свои прывилеи на убогу хатыну парубка.

Черезъ годъ цей чоловикъ, знервованый и переляканый хворобою жинчыною, стоявъ передо мною,—ще й на зорю не займалось.

— Пожалуйте, батюшко, запрычастыть жинку—вмирае.

— Видъ чого?

— Пологы дуже тяжки, другый день мучытся.

Мы запряглы конячку и пойихалы.

— Ще позавчора дижку мисыла и хлиба напекла, а потимъ якъ схопыло іи, то ніякои рады не можна дать.

Породилля лежала, стерявшы памьять, и сповидать іи годи було.

— За ликаремъ треба.

— Нащо намъ ти ликари!—суворо одповивъ свекоръ.—Мы и безъ ныхъ жывемо. На все воля Божа!

— А все жъ такы!..

Одйизжаючы, я сказавъ чоловикови, що того дня ликарь мае йихаты до насъ мымо ихъ хутора.

Винъ послухавъ и препынывъ ликаря.

Обгледившы слабую, ликарь сказавъ, що вона бильше тыжня носыла въ соби мертву дытыну. Одрятуваты іи вже не можно було. Можно стало тильки укоротыть іи мукы, выйнявшы дытыну, бо черезъ те вона мала скорише померты.

Чоловикъ згодывся. Усе жъ такы ликарь повыненъ бувъ повернутысь до-домивли, забрать свій струментъ, и тоди прыступывъ до праци.

За годыну праци выйнявъ уже давно несвижу, мертву дытыну. Хвора перехрестылась велыкымъ хрестомъ, сказала ликареви: «спасыби, мени легше». Напылась воды и переставылась на той свитъ.

—

Роздывляючысь метрыкы свои парафіальни, що прызначени на запысування небижчыкивъ, я помитывъ, що пьята жинка, певне не рахуючы дуже старыхъ та дитворы, помирае видъ пологивъ, або видъ слабостей, що писля ихъ и видъ ихъ прыходять. Цей процентъ можуть зменшыты тильки загальна освита, полипшення добробуту та прыхыльни до людського лыха, працёвыти, тямущи, справди интеллигентни люде, якыхъ черезъ увесь часъ наджыдае село, покынуте на поталу темряви та злыднямъ...

Лысакъ-Тамаренко.

Украиньски зàпыси Порфирія Мартиновича.

—

Кырыло Сайко́.

(Окончаніе [1]).

Два зъ торбою.

Казка.

Якъ булы соби два браты: одынъ багатый, другый—убогый. И въ убогого пьятеро дитей, а въ багатого однымъ одна тилькы дочка, тай годи.

Ну такъ убогого ненавыдивъ багачъ, шо за тры двора обмынавъ убогого двиръ! Такъ ему страшно ходыть, шо въ ёго братъ убогый такый.

Бидный братъ разъ у разъ на току. А жинка въ ёго пьяныця така, шо де бъ шо не схватыла —пропье. И на ій запаска така драна, шо стыдно й зъ печи зсунутысь! Якъ прыйде сирома въ недилю, натомытьця бидолаха за тыждень, та якъ ляже спочывать, то жинка ёго якъ визьме грызты!... Якъ визьме лаять!... „сякый такый сыну! Ты-бъ таки пишовъ на заробиткы та заробывъ бы грошей; та купывъ бы мени запаску! Тай дитямъ бы одежыну купывъ и соби-бъ!“ „Та постой-же, сяка-така̀ дочка! Уже домолотю, тай пиду!...“ Заробывъ винъ соби трыдцять мишкивъ хлиба и каже хазяйнови: „уже-жъ, пожалуста!

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1904, № 5.

Я пиду на заробиткы, а ты моій жиньци по мишечку або що на тыждень везы; а більшъ не давай, бо пропье!"

Узявъ винъ соби харчыну за пазуху, бычъ на плечи, тай пишовъ. Тоди билетивъ не треба було. Иде винъ тай иде; иде тай иде. Сонечко заходыть. Стоить хатка на курячій нижци. У тій хатци Богъ та святый Петро. Ставныкъ горыть и кныгу чытають. „Здрастуйте", каже, „добри люде! Пустить у хату переночувать." —„Э-э! Въ насъ, чоловиче, холодно. Не выдержышъ!" „Та все-жъ такы затышнише якъ на двори." „Тай лягай, чоловиче". „Та я хочъ пидъ прыпичкомъ".

От витеръ якъ повіе,
То хатка тилькы рыпъ-рыпъ! рыпъ-рыпъ.
А морозъ якъ прыдаве,
То вона тилькы скрыпъ-скрыпъ! скрыпъ-скрыпъ!
Чоловикъ тилькы пидъ прыпичкомъ: дз-дз-дз-дз. [1]
Зубъ на зубъ не наскочыть.

И такъ цилу ничъ провивъ. Богъ дыхнувъ на ёго духомъ теплымъ; той чоловикъ согривсь и заснувъ до свита. Встае вранци; вмываетьця; Богу молытьця. Богъ уси мысли ёго знае, шо въ ёго въ голови. Прощаетьця и дякуе за ночлигъ. Петро й пытаетьця: „куды тебе, чоловиче, Богъ несе?" „Шо-жъ", каже, „на заробиткы. У мене пьятеро дитокъ", говорыть, „а йисты ничого; треба заробыть". Петро й каже: „Господы Мылостывый! Шо-бъ оцёму чоловикови дать, шо-бъ винъ не страждавъ?!" „Издіймы, Петръ, волосяну торбу; а въ тій торби два". Изнявъ Петръ ту торбу; Богъ и каже: „дай ему два зъ торбою. Якъ прыйде винъ до дому, та скаже: два зъ торбы,—то тамъ ёму буде чого треба". Винъ узявъ ту торбыну, иде. И дійшовъ до долыны. Увійшовъ у долыну; выйшовъ на могылу. „Два зъ торбы!" Ти два зъ торбы якъ выскочять! Якъ застелять парчею стилъ! Якъ постачять пыткы и найидки зъ торбы: шо въ свити е, те и на столи е! Винъ найивсь, напывсь. „Два въ торбу." Згорнулося. Взявъ ту торбу; зашморгнувъ, завъязавъ и несе. Ну Богъ такъ давъ, шо всій слободи, де винъ жыве, показалося, будьто винъ пьять годъ ходывъ: и братови и жиньци—усимъ. А винъ на другый день прыйшовъ.

---

[1]) Разсказчикъ выговаривалъ на подобіе того, какъ сильно продрогшій человѣкъ стучитъ челюстями и зубами.

Прыйшовъ до-дому; колы дывытьця, ажъ племинныця, багачева дочка, пряде въ ёго хати—на попряхы прыйшла. Винъ повисывъ торбу коло образивъ, а самъ лигъ спочывать на полу. Жинка схопылася зъ полу: ажъ рямтя тремтыть!.. Накынула юпочку, пишла до кумы. —«Кумочко, голубочко! Позычъ паляныцю, мій чоловикъ прыйшовъ».— «Та й на-жъ, кумо». Побигла до шынкаря, взяла чвертку горилкы; прынесла до-дому. «Вставай, мій старый, перекусышъ. А вечерять такы шось изварю». «Положы лышъ, жинко, паляныцю на полыцю, а горилочку поставъ у мыснықъ: та беры лышъ дитокъ, та сажай за стилъ; сидай и ты, дочко». На багачеву каже. Изнявъ торбыну, поставывъ на столи: «два зъ торбы!» Два зъ торбы якъ выскочять, якъ застелять стилъ парчею! Якъ зачалы ставыть пыткы, найидкы! Шо въ свити е,—те й на столи е.

Пьють—не зопьють!
Йидять—не зъидять!
Метуть—не зметуть!
Беруть—не заберуть!

Все й постача торба: видтиль иде якъ зъ колодязя. Ажъ багачева дочка набрала чого дорогшого, чого найлучшого въ пазуху; диты, понабыравши въ пелены, та на пичъ полизлы,—думають, шо вже бильшъ не буде; тилькы ото разъ пойидять, та вже годи. Винъ и пытаетьця: «чы вы вже довольни вси?»—«Вси вже»,—говорять. «Два въ торбу»! Ти два въ торбу згорнулы все й склалы. Винъ завьязавъ, повисывъ коло образивъ. Вхопыла племинныця гребень; прыбигла до дому; хвалытьця: «Тато! А дядько прыйшовъ изъ заробиткивъ, та прынисъ волосяну торбу! Та ось шо въ тій торби е!

Йижъ—не зъисы!
Пый—не зопъешъ!
Беры—не зберешъ!
Меты—не зметешъ!—

Повенъ стилъ усёго!» «А, найды, лышъ», каже, «жинко, булку; пиду я брата 'двидаю, бо вже я въ ёго годъ двадьцять якъ бувъ и въ хати!» Прыходыть багачъ. А той лежыть на полу. «Здоровъ, брате!» А той пидводыть голову: «а-а! здоровъ, брате». «Чы ты ще жывый?»— «Та ще, брате! Богъ давъ,—жыву ще. Сидай лышъ», каже, «братику,

за стилъ». Той сивъ. Бере братъ паляныцю зъ полыци, бере нижъ и тарилку и риже паляныцю. Бере пляшку й чарку, частуе брата. «Спасыби тоби, братику, шо ты мене одвидавъ!»—«Та я-жъ такъ, братику, кажу: пиду вже та одвидаю, ты такъ довго ходывъ». «Пый-же лышъ, брате, чарку».—«Та пый же соби». Выпывъ убогый, выпывъ и багачъ. «Та давай-же, брате, й Хрысти на пичъ». «Та Богъ зъ нею! вона, брате, така, шо якъ выпье, то й въ шынокъ заразъ побижыть». «Оце, такъ, брате! Не даешъ. Давай лышъ я почастую, то й Хрысти не мыну». Выпылы по чарци й Хрыстю почастувалы. Выпылы по дви, й Хрысти дви далы. «Чы ты знаешъ шо, брате?! Якъ я твое горе бачу, то хочу я тоби помогты. Давай минятьця такъ: шо въ твоій хати,—хай мини; а шо въ моій, то хай твое. То такъ: у мене срибло й злато,—то вже твое воно буде! Хай такы ты трохы побагатіешъ, а я вже на твоему мисти, хай трохы понуждаюся!»—«Та мабуть, брате, не треба минятьця! Якъ не багатилы мы тутъ, то мабуть и тамъ не будемъ!... А ты, Хрысте, якъ скажешъ?»—«И-и, ду-р-ный, сякый такый сыну!.. Тамъ таки шубы!.. Тамъ таки платьтя!.. Злыдьнивъ боисься отдать?!»—«Та про мене-жъ!.. Чы й миняться, то й миняться. Беры-жъ дитей, удигай, тай будемъ переходыть». Багачъ договоряетьця, шо-бъ не брать зъ собою ничого,—тилькы повдягаться. Взялы й попереходылы. Багачъ тилькы взявъ коня зъ возомъ, та сидло на воза положывъ, та сто карбованцивъ грошей узявъ, а ключы одъ скрынь отдавъ брату: «Якъ хочъ,—такъ и распоряжайся сребромъ, златомъ!» Заразъ якъ прыйихавъ,—навозывъ глыны багачъ: «а захожуйтесь, та чепурить хату». А самъ пыше лысты по князяхъ, по панахъ. «Прошу на вгощеньня! Первый столъ безъ ничого». Воны якъ позъиздылыся!! Повенъ двиръ!! Отъ винъ заразъ первый столъ панамъ отбувъ. Отправылы обидъ якъ слидуе буть; порозсидалысь кругомъ столу. Тоди винъ торбу на стилъ и «два зъ торбы!» Ти два зъ торбы якъ выскочять! Якъ застелють парчею стилъ! Якъ выскочять пыткы й найидкы! Гости пьють-йидять, шо найлучше, шо найдорогше, то то вже въ ихъ! И дывуеться всякый тій торби: шо де воно зъ неи береться таке?! Шо йидять не зйидять и пьють не зопьють! Отбувъ усихъ панивъ и князивъ за другымъ разомъ. Дали воны вже самы прыиздять и грошы платять за таке вгощеньня! Шо схоче багачъ, те ёму й платять! И нема того дня, шо-бъ кого не було зъ гостей! И багачъ зъ того страшенни гроши загриба. И ставъ у-десятеро багатчишій того багатства, шо було! И вже гроши безъ рощоту сыпле,—набыва скрыни!

А бидный, который выминявъ торбу на багатство, упьять ставъ биднымъ. Хазяйка все рознесла. То зъ кумамы, то зъ сестрамы попропывала... Осталася сама тилько хата... И впьять грызе вона чоловика... «Ты-бъ такы пишовъ, такъ якъ и тоди—та заробывъ-бы... то й впьять-бы розжылысь. А то я крутькомъ крутю-крутю, та твоихъ дитей и не прокормлю ніякъ!»... «Та вже нехай твоему сей та той батькови!.. Уже завтра визьму тай пиду».

На другый день, уставшы раненько, узявъ харчыну за пазуху, пишовъ. Иде тай иде, иде тай иде, иде тай иде,—впьять дывыться, стоить хатка на курячій нижци. Війшовъ у ту хатку: тамъ впьять Богъ и святый Петро сыдять, ставныкъ горыть: кныгу чытають. «Здрастуйте, люде добри! Пустить у хатку переночуваты!» – Э-э, въ насъ, чоловиче, холодно!—Не выдержышъ». «Та все-жъ затышнише якъ на двори».—«Тай лягай, чоловиче».—«Та я хочъ пидъ прыпичкомъ».

От̓ витеръ якъ повіє,
То хатка тилькы: рыпъ-рыпъ! рыпъ-рыпъ! рыпъ-рыпъ!
А морозъ якъ прыдаве,
То хатка тилькы: скрыпъ-скрыпъ! скрыпъ-скрыпъ!
А той чоловикъ пидъ прыпечкомъ тилькы: дз-дз-дз!...
Зубъ на зубъ не наскочыть.

И такъ цилу ничъ провивъ. Богъ духнувъ духомъ теплымъ, той чоловикъ согривсь и заснувъ до свита. Встае вранци, вмываеться и Богу молыться. Богъ знае яки въ ёго мысли въ голови! Прощаеться; дякуе за ночлигъ. Петро й пытаеться: «куды тебе, чоловиче, Богъ несе?» Каже: «на заробиткы; у мене пьятеро дитей, а йисты ничого, треба заробыть». Петро й каже: «Господы Мылостывый! Чы не той це чоловикъ, шо мы ему два зъ торбою далы?»—«Той», каже Господь. «Шо-жъ мы ему, Господы Мылостывый, теперъ дамо?!» Каже: «визьмы, Петре, оту золоту торбу; даймо ему вже тры зъ торбою; одного прыбавыть треба». Изнялы й далы чоловикови: «на-жъ тоби, чоловиче, тры зъ торбою. Прыйдешъ до дому, тамъ тоби буде чого треба». Пишовъ той чоловикъ. Увійшовъ у долыну; поставывъ ту торбыну; самъ зійшовъ на могылу. Подывывсь, чы нема никого, шо-бъ хто зусьпивъ?

Якъ увійшовъ упьять у долыну: «тры зъ торбы!» Якъ выскочылы тры зъ торбы зъ малахайкамы!! Якъ зачалы ёго чыстыть! Якъ зачалы ёго чухрать! Такъ якъ у трыципы! Забылы ему, сиромаси, бокы; не може́ть винъ сказать якъ тамъ, шо-бъ ихъ у торбу завернуть!.. Якъ оддыхнувъ трохы,—сказавъ: „тры въ торбу!“ Ти тры въ торбу й сховалысь. Винъ тоди взявъ мотузку, тягне ту торбу якъ скажену собаку; не хоче й на плечи брать!—такъ далы бобкы! Дійшовъ до ворить. Коло ворить узявъ на плечи. Увиходе въ хату. Племинныця впьять пряде въ ихъ. Винъ увійшовъ, повисывъ коло образивъ торбу, а самъ лигъ на полу спочывать. Жинка схопылась зъ печи; побигла до кумы: впьять паляныцку позычыла. Пишла до шынкаря: „голубчыку! всыпъ пивъ кварты, бо мій чоловикъ прыйшовъ“. Взяла пивъ кварты вже. Прынесла вона до-дому горилочку; прынесла й паляныцю. „Вставай, мій старесенькій! Выпьешъ чарочку горилкы та перекусышъ, бо ты наморывсь; а я зварю чогось“.—Положы, стара, паляныцю на полыцю, а горилочку поставь въ мысныкъ, а я 'ддыхну“.

Племинныця побигла до-дому: „тату“, говорыть, „дядько прынисъ золоту торбу! А въ тій торби тры, каже дядько“. „Э-эй“, каже. „стара! Найды лышъ булку; пиду лышъ я брата одвидаю и теперъ“. „Та я тоби й наготовлю, та пидожды такы: хай чоловикъ отдыхне, та тоди и пидешъ“.

Убогый братъ тымъ часомъ спыть, а ёго стара заходылась: выбрала попилъ и понесла на берегъ—высыпаты ёго въ воду. Винъ схватывсь, торбу узявъ, одчепывъ одъ образивъ: повисывъ у хыжи, самъ лигъ и закрывсь рукою, будьто спыть. Прыбигла стара, гулькъ!—нема торбы! Пытаеться дитей: „Диты! де торба, шо высила коло образивъ?“—„Вынисъ батько въ хыжу“. Вона потыхесеньку покынула решето, те шо попилъ выносыла, побигла въ хыжу. Одчыныла двери: гулькъ!--высыть торба. Вона схватыла ту торбу, поставыла посередъ хыжы: „отеперъ я попоимъ! Ану-те-жъ тры зъ торбы!“ Якъ выскочылы тры зъ торбы! Якъ зачалы іи въ тры малахаи пирчыть!

Часто,
Та густо!

Вона въ крыкъ: „Рятуйте!“ А чоловикъ потыхесеньку зъ полу, та въ сины, та взявъ попрыхылявъ двери, тай защепнувъ. То крычала, а то вже тилькы: „охъ!... охъ!... охъ!“ Той одщепнувъ; одхылывъ двери, та тилькы: „тры въ торбу!“ Вона тоди: „охъ!... охъ!... охъ!... охъ!.. А

слава Тоби Господы!.. Хоть свить побачыла! Хто тамъ е на свити? Рятуйте мене!“ „А-а, вража дочко! А шо, стара! На що тоби зачипать чого не слидуе?“ „Охъ! Возьмы мене старесенькій, та хочъ пидведы на пичъ“. „Да вставай канальля!—та йды! Лизь на пичъ, та якъ прыйде братъ, то шо-бъ ты не мишалася вже бильше не въ свое дило, якъ прыйде братъ миняться!“ Пишовъ узявъ торбыну, повисывъ коло образивъ,—самъ лигъ на полу оддыхать, закрывъ очи рукою. Прыходе братъ. „Здоровъ, брате! Чы ты ще жывый?!“—„Та благодарыть Бога!“ Исхватывся: бере за руку брата, сажае его за стилъ. Бере паляныцю зъ полыци, риже на тарилку. Бере пляшку й чарку,—ставляе на стилъ: „выпыймо, братику, хочъ по одній. Спасыби тоби, братику, шо ты мене хочъ провидавъ!“ „А якъ-же! Ты, брате, пьять годъ ходывъ: треба 'двидать“. „Пый-же, брате, чарку“. „Пый-же, брате, соби“. Выпылы по 'дній. „Дай-же, брате, й Хрысти“. „А-а, братъ! Не треба, бо вона, якъ выпье одну, то пиде въ шынокъ и по другу“. „Та не скупій-бо, брате!“ „А-а, брать, вона не здорова“. „Та вона, якъ выпье, то поправыться“. „Та почастуй-же ты, брате! ше и одъ твоихъ рукъ выпьемъ“.

Та я вже, брате, якъ буду частуваты,
То й Хрыстю не буду мынаты“.

Выпылы. „А вставай, Хрысте, выпый хочъ одну“. „А-а, диверку—голубчыку! Якъ-бы такы далы мини хочъ одну“. Выпыла одну. „Пый-же, Хрысте, другу“. Поставывъ пляшку на стилъ. „Чы ты знаешъ шо, брате? Давай, братъ, миняться вньять. Я тоби даю вньять свое багатство, а въ твое вбожество перейду й я, погорюю ше трохы. Мабуть тоби такы, брате, хортуна не служыть“. „А-а, брате! Я-бъ не совитувавъ тоби миняться!“—„Та ни! такы давай, брате“. „Та не совитувавъ-бы, брате. Уже мени хортуна й такъ не служить, то й не служытыме“. „Та давай-же, брате, по третій; чого ты такы такый?“ „Та выпыймо-жъ, брате“. Выпылы по третій. Далы й Хрысти третю. „А шо-жъ, брате, поминяемось? Давай миняться, брате!“—„Хто ёго зна, брате, шо ёго й казаты“. „Ну ты, Хрысте, якъ скажешъ?“ „То вже, диверку, не мое дило, а ёго; я не заробляю,—не могу ничого й сказать; якъ знае, такъ нехай и робыть“.—„Такъ шо-жъ, брате, поминяемось?“ „Та, колы-бъ ты не жалкувавъ, брате“. „Та ни, брате, то вже моя охота!“ „Та й про мене-жъ брате. А вставай, стара, помаленьку, та вдигай диточокъ... та й будемъ иты“. „Ну тилькы, брате

съ тымъ, шо-бъ ничого не брать съ хаты кроми одежи; а я, брате, тилькы вдягнусь, та визьму коныка, та сидло, та визъ, та сто карбованцивъ грошей, а то все тоби срибло й злато зостаеться! Й ключи тоби отдамъ!" „Добре". Прыйихавшы до вбогого въ хату, навозывъ глыны: „А прычепурить сюю хату". Самъ сивъ пысать бумагы. Заславъ лысты по князяхъ, по грапахъ! „Первый столъ! Одкрываеться пыръ на цили суткы безплатно!" Зъйиздяться паны, грапы; зазывае ихъ въ комнату. Прыготовылы столъ, панамъ первый столъ. Паны одправылы обидъ, посидалы за стилъ. Здыйма братъ одъ образивъ торбу золоту.

Убогый каже: „пиду й я подывлюсь, якъ обидатымуть". Прыйшовъ и ставъ коло дверей коло хатьнихъ.

Багатый братъ поставывъ торбу на столи; крыкнувъ: „Тры зъ торбы!" Ти тры зъ торбы якъ выскочять! Якъ зачалы у тры малахаи чыстыть!.. Убогый взявъ попрыхылявъ двери й защепнувъ Якъ зачалы вопы молотыть у тры малахаи!! Уже тимъ гостямъ гирко й нудно одъ такого обиду! Лазять по-пидъ столамы!.. Ниде й не спасуться!... Дали: хто влучывъ у викно! А хто въ друге! А хто въ трете! Тилькы й спасеньня якъ за викно впавъ!

Хто впавъ, той и въихавъ! –
Хто втикъ, той и такъ убижавъ!

Багачъ и соби въ викно! Та въ степъ, обнявшы голову! Госьти заревлы вси зъ двора! И которы за дворомъ булы, то й ти въихалы. Убогый одхылывъ дверы потыхесеньку й сказавъ: „тры въ торбу!" Повисывъ коло образивъ. Пишовъ брата шукать у поле. Найшовъ брата плачущого. „Э-эй, брате! Шо ты мини наробывъ?!.." „А-а, брате! То твоя воля була!"

Я тоби казавъ:
Шобъ ты на мене посьли не враждувавъ!
Эй, иды-жъ ты", каже, „брате!
Я тоби даю шисьть station воливъ хлиба пахаты, -
Годи вже тоби, брате, роскошуваты,
А вже треба и тоби горюваты!"
Той пахае.
И жывуть.
И хлибъ жують.

Пиддержуе багача гришмы бидный;
Не поныжае багача.
Проживае
И кусокъ хлиба достаточный мае.

Росказувавъ Кырыло Васылевычъ Сайко́. Мистечко Вереміевка 1878 року.

Павелъ Тукалевскій.

(Священникъ).

Якъ запорозьци йиздылы у Петербургъ до царыци.

Якъ пидговорылы министры Екатерыну царыцю: «шо наши вирноподдани обижаются: «шо зъ насъ», каже, и рекрутъ беруть, и по́дать и все. а за що-жъ запорозьцивъ мылують? Уровныть ихъ якъ и прочыхъ подданыхъ. Царыця говорыть: «такъ якъ-же я зъ нымы поступлю теперъ, шобъ переминыть порядокъ?» Составылы общій совитъ. Ришылы, шобъ вызвать главныхъ запорозьцивъ шисть чоловика и шобъ тутъ зъ нымы вмисти переговорыть. Послалы штахвету: «Явыться шисьтёмъ чоловикамъ на таке-то число», а чого—не сказано. Запорозьци зналы чого.

Главный отаманъ запорозькый сказавъ: «Хлопци! А шо будемъ теперъ робыть? Уже-жъ вы знаете, чого вона клыче». А вже имъ шпіоны донеслы.—«Ну, вже й оддячымо, пане отамане. Воны зъ насъ хотять посміяться, а мы зъ ныхъ посміемось». «Ну, такъ скажить-же, хлопци, шобъ заразъ була шкапа и зъ лушнямы визъ, та сядемъ та й поидемъ. Та глядить-же хлопци! Не помылиться!» «Ни, пане отамане, мы шось и имъ изробымо». Рушылысь.

Прыйихалы у Петербургъ. Уже дойизджають до двора до царыцыного. Колы выходыть министръ. Заразъ отаманъ: «Хлопци! Чы вы знаете шо це йде?» Догадалысь шо казать. Заразъ одынъ: «Э, э, пидожды! Пидожды, я шось роспытаю. Скажы, пожалуста, де тутъ царыця жыве?» Министръ подывывсь на ихъ,—сказавъ самъ соби: «Это люди несчасни. Воны самошедши. Вѣрно ихъ везуть у Богоугодне заведеніе». Тоди одынъ заразъ до отамана: «А шо, чы отвитывъ? Оттакъ», каже, «замовчать уси, якъ мы будемъ балакать». Тоди прямо: «а поганяй, каже, въ двиръ». Прыйихалы. Росприглы шкапу, пустылы по двори пастысь, а сами пишлы у хатку, шо въ двори стояла—геть у киньци двора.

Черезъ часъ доложылы царыци, шо «шось прыйихало хто ёго зна зъ якогось народу незвисного». Иностраньци, або-що, посчыталы воны. Катерына прыказала одному министру: «пойды, узнай, шо за народъ и зачимъ прыйихавъ?» Запорозьци и побачылы, шо вже иде. Заразъ отаманъ: «а нуте, хлопци, глядить-же». Тай годи. Тилько сказавъ: «хлопци», воны вже знають, шо треба робыть. Министръ увійшовъ у хату,—сказавъ: «Здорови булы! Што за народъ?» Воны, не кажуть ни слова, заразъ одынъ пазуху розгорта. «А пидожды, николы... а-а-а, шельмыни воши, тай воши! отъ воши! Гм., недавно й прыйихалы, а скилькы вошей набралысь». «Та што вы за народъ?» А посли бачыть, шо нема отвита ніякого, тилькы воши бьють, пишовъ до царыци сказавъ: «это самошедши. Не знаю хто ихъ допустывъ упхать сюды». «Шо-жъ пущай переночують. Завтра утромъ прыказать, шобъ сейчасъ-же одвезлы ихъ у Богоугодне заведеніе».

Черезъ часъ послала царыця главного министра, шобъ роспытаться настояще, хто ихъ везе и куды и какъ оны забрелы у дворъ царской. «Хлопци, глядить-же». Министръ увійшовъ у хату такымъ хвономъ и сердытый. Пытае: «што за люды? Откудова едете?» Заразъ одынъ выходыть, за штаны взявся: «а скажы, пожалуста, куды въ васъ на двиръ питы. Швыдче, швыдче, бо не вдержусь». Министръ скапхвузывсь, плюнувъ, тай пишовъ съ хаты. «Этъ, каже, што

это за люды». Прыйшовъ до царыци. «Ваше императорское велычество! Сейчасъ ихъ выгнать у потылыцю». Царыця каже: «та пущай уже до утра».

На другый день отаманъ каже: «хлопци, повмывайтеся-жъ добре, повдягайтеся». Пославъ одного спытать у яке время явыться запорозьцямъ?» Царыця пыта: «да когда-жъ оны прыѣхалы?» Винъ ничого не каже, а просыть: «когда явыться къ вамъ?» «Хорошо, явиться ко мнѣ часовъ въ двенадцать». Созвала тоди все министерство и всихъ главныхъ чыновныкивъ. Вси зійшлысь. Царыця каже: «Запорозьци прыихалы. Дамо имъ судъ». Поговорылы между собою, шобъ уровныть ихъ усихъ якъ и прочыхъ. Тоди послалы камердирена до запорозьцивъ, шобъ явыться.

Отъ отаманъ: «а нуте, хлопци, одягайтесь увъ одежу у середьню (значыть не въ бидну не въ багату) та ходимъ, шо намъ скаже. Та глядить-же, хлопци». Ввійшлы въ залу, поклонылыся. Отаманъ пыта: «Ваше императорское велычество, чого вы насъ изволылы требовать?» Царыця каже: «обождить, современемъ скажу».

Велила подавать обидъ. Подалы обидъ. Министерство особо посадылы, а запорозьцямъ коло дверей стилъ поставылы. Все министерство за обидомъ почало ихъ судыть на всихъ языкахъ. Думають, шо воны ничого не понимають. Колы подають рыбу. Министрамъ подалы здорову рыбу, а запорозьцямъ малу. Заразъ отаманъ тилькы моргнувъ: «хлопци!»

Тутъ заразъ одынъ якъ заплаче, якъ захлыпа. Царыця пыта: «шо таке? хто кого обидывъ?» Винъ зъ плачемъ «угу-у-у-у, маты наша царыця, мене нихто не обидывъ, а я здумавъ свого батька. Мій батько втопъ. Та нихто его й не піймавъ. Вже мы й неводомъ затягалы, та тилькы ловыться мала рыба. Мы й пытаемъ малои рыбы: «чы не бачылы мого батька?» Мала рыба каже: «пытайтесь бильшои, мы не знаемъ», а бильшои рыбы не попадалось намъ. «А-а, каже, молодьци! ну», каже, звыныть! Подать имъ рыбу бильшу». Пиднеслы имъ рыбу вже велыку. Годи плакать. Вси втишылысь. Кинчывсь обидъ. Вси повставалы, сталы дякувать царыцю за обидъ, а запорозьци вcraлы, пишлы въ синьци,

та повбыралысь у шо-найкращу запорозьську одежу. Покы воны вбыралысь, то министры вже й пересудылы ихъ: «Отъ яки воны свыни. Пообидалы, не моглы сказать и спасыби».

Колы запорозьци выходять у самыхъ шо-найкращыхъ одежахъ: на ихъ золото и серебро. Війшлы въ хату, отаманъ сказавъ царыци: «позвольте намъ, маты наша, за обидъ васъ поблагодарыты».—«Извольте». Тоди отаманъ кывъ рукою на первого. Выйшовъ одынъ. Якъ дерне благодарну ричъ по латыньскому языку,— министры тилькы слухають. Кончывъ ричъ, поклонывсь, ставъ на своему мисьтци. Выходыть другый. Якъ уриже по греческому языку. Выходыть третій. Якъ учыстыть по нимецькій ричъ. Министры: «оце такъ!» Выходыть четвертый. По итальяньскому. Пьятый— по хранцузському. Министры тилькы ужасаются: «що це воно робыться? Оттаки то воны запорозьци?!» Шестый отаманъ: «позвольте, маты, я на россійському языку», каже, «поблагодарю». Якъ дернувъ по-руській! Якъ уриже и пащоть министривъ. Кончывъ ричъ. «Теперъ, маты наша, скажить, чого вы насъ требуете?» Царыця була довольна ихъ благодарною ричью, сказала: «ну, посыдьте, ще чогось напьемось».

Посли чаю уже сказала имъ: «я требувала васъ, шобъ уровнять, якъ и прочыхъ подданныхъ». «Позвольте-жъ васъ, маты, спросыть: съ какого случаю прыйшлось вамъ это?» Царыця замовчала-замовчала... Зглянулась на всихъ министривъ, не знае шо и казать. Министры моргають, показують выдъ, шо, значыть, не треба того робыть, шо надумалы. Та каже до запорозьцивъ: «Я тилькы того васъ требувала, шобъ зъ вамы повидиться». Тоди воны: «спасыби вамъ, наша маты, шо вы скучылы за намы». Погостювалы у царыци, министры до себе заклыкалы и въ ихъ погостювалы, тай поихалы соби.

1878 г. мѣстечко Веремiевка Золотоношскаго уѣзда Полтавской губерніи. Разсказывалъ семидесятилѣтній священникъ отецъ Павелъ Тукалевскій.

Созонъ Лукашъ.

Мара.

Разъ отаманъ пославъ козака чы зъ лыстомъ якымсь, чы що, ажъ до другого куриня. Отъ винъ сивъ на коня, тай пойихавъ. Йиде, йиде степомъ и вже стало низно. Колы шось у степу наче, мріе оддалекы, наче бованіе. Винъ узявъ и пойихавъ туды. Колы прыйихавъ, ажъ дви вербы стоить середъ степу по обоимъ бокамъ дорогы. Мижъ вербамы колыска и сыдыть у колысьци дытына, хлопчыкъ такъ якъ-бы литъ сёмы, голе и кучеряве, и колыхается и прыговорюе: „ко-о-лыхъ, ко-о-лыхъ!“ Винъ спынывъ коня: „шо ты таке? Чые ты?“ А воно ёму отвича: „а твое яке дило?“ Та усе соби колышеться та тильки: „ко-о-лыхъ! ко-о-лыхъ!“—„Та чые ты есть?“—„А тоби яке дило? Ко-о-лыхъ“—«Ачъ бисове щеня! Якъ ты не будешъ отвичать мени, такъ я зъ рушныци на тебе буду стрилять».—«Отъ злякався я тебе дуже!.. Та й стриляй!» Та одно гойдается та усе «ко-о-лыхъ! ко-о-лыхъ!» Тоди козакъ каже: «э-э, такъ постій же!» .Винъ набывъ рушныцю кулею, завивъ рушныцю кулею, излизъ изъ коня, та прыцилывся та тильки „бба-хъ!“ А воно, та дытына, кида ёму назадъ, у полы ту кулю: „На тоби ту кулю“. Та одно соби тилько: „ко-лыхъ!“—Шо за вража маты?! Винъ у друге зарядывъ рушныцю и въ друге выстрелывъ. Воно ёму вньять кынуло назадъ кулю. Тоди на ёму чубъ такъ и пиднявся до горы... А шапка на ёму такъ и пойихала!.. Винъ тоди давай тикать: а воно женется за нымъ; винъ тика, а воно женется. Винъ скилько сылы тика, а воно за нымъ женется по слидамъ, та тилько ляпъ, ляпъ, ляпъ, ляпъ босымы ногамы по земли. А винъ тика.

а воно бижыть, та все степомъ бижыть. Колы дывытся,—далеко, далеко въ степу, такъ наче свитло (вогонь) свитытся у хати въ викно. Винъ и побигъ до тіеи хаткы. Колы прыбига блыжче—ажъ стоить хата, сама соби въ степу и свитло свитыться въ тій хати и нема коло тіеи хаты ни тыночка кругомъ двору, ни хливця, ни кошарочкы, ни повиточкы, ничого не було,—сама тилько хата. Винъ убигъ у ту хату,—колы дывытся—у хати труна стоить закрыта, свитло горыть и никогисенько нема въ хати! . Винъ и ставъ коло печи. Колы це та труна открывается и встае зъ неи мертвякъ. Колы це вбига въ ту хату той хлопецъ, що гнався за козакомъ, тай каже тому мертвяку: «отакъ и отакъ: я гойдався на верби, а оцей козакъ», показуе пальцемъ на козака, прыйихавъ до вербы конемъ,—давай зо мной спорыться, лаяться, а посли й ставъ стрилять на мене кулею зъ рушныци. А вписля я погнався за нымъ, а винъ ставъ тикать, убигъ у цю хату. Опе винъ самый. «Отъ той мертвякъ, що выйшовъ зъ труны, якъ отсунувъ виконце, та якъ крыкне: «эй, уси мертвякы! а йдить сюды! Сходьтесь уси мертвякы сюды!“ Якъ зачалы сходыться мертвякы въ хату! та повнисинька хата понаходыла ихъ, такъ що й протовпытысь не можно! Мертвякъ той каже имъ: «сидайте!» Воны посидалы: яки посидалы на лави, а яки стоять, бо й миста нема усимъ на лави систы, ище тыхъ, що стоять, такъ бильше впьятеро, нижъ тыхъ, що сыдять. Та таки мертвякы, що сами шкелеты зъ ихъ, сами тилько костякы, та такъ ажъ стукотять кисткамы, якъ якый зъ ихъ поворухнется, або якъ-небудь торкнется объ другого.

Отъ тоди той мертвякъ, хазяинъ тіеи хаты, пидійшовъ до одного мертвяка, та взявъ ёго прыдавывъ пальцямы за нисъ, такъ якъ то за кранъ, а въ того мертвяка зъ тій диркы, де нисъ, якъ побижыть налывка, тильки дзюррр... а той хазяинъ (мертвякъ) пидставывъ обыдви прыгорщы, що-бъ бигла налывка. Винъ пидійшовъ до того козака, та й каже ёму: „колы хочешъ, щобъ ты жывый одъ насъ выйшовъ, такъ выпый одъ кожного зъ насъ по такій прыгорщи налывкы; а якъ не выпьешъ, такъ мы тебе тутъ по шматочку рознесемо, не останется зъ тебе й ничогисенько»,—тай пидставывъ прыгорщъ зъ налывкою пидъ пыку до рота козакови, щобъ пывъ. Отъ той, ничого робыть, утекты никуды, бо розирвуть, нахылывся до тый прыгорщи, тай ставъ пыть. Выпывъ усю налывку. Тоди той хазяинъ (мертвякъ) пидійшовъ до другого мертвяка, смыкнувъ ёго за нисъ и пидставывъ прыгорщу: побигла налывка, зъ носа дзюрчала; якъ набигло повну прыгорщъ,—

тоди винъ пидійшовъ до козака, пидставывъ прыгорщъ: „пый“. Той нахылывсь и ставъ пыть; якъ выпывъ, такъ у ёго ажъ каганци въ очахъ замыгтилы. То одынъ каганець стоявъ у хати, а це вже стало показуватьcя що десять. Налывка крипка, а не пыть іи не можно, бо розирвуть. Тоди той хазяинъ пидійшовъ до третёго мертвяка, смыкнувъ за нисъ—набигла повна прыгорщъ налывкы. Пидійшовъ до козака: «пый». Нахылывсь, пье; потимъ пидійшовъ до четвертого й до пьятого той мертвякъ: смыкне за нисъ, пидставыть прыгорщъ, набижыть налывкы, пидійде до козака: «пый». Той козакъ пье, а самъ уже й головы своеи не чуе,—такъ мыготыть у въ очахъ, и повна хата наче дыму показуется, такый пьяный зробывсь—и наче кризь дымъ тильки бачыть, що сыдять мертвякы, та пидходе до ёго хазяинъ, та каже: «пый»... А хазяинъ до всихъ мертвякивъ пидходе, та одъ усихъ усе винъ пывъ. У въ очахъ у ёго темно зробылось, якъ ничъ, а винъ усе пье, усе пье одъ ныхъ. У ёго вже й памьяты не стало, ничого не бачыть передъ собою, ничого й не понимае, все пье, усе пье по прыгорщи. А дали й зовсимъ не знае й що зъ нымъ було. Забувся винъ. Забувъ що винъ есть на свити и що зъ нымъ робытся. И такъ усю ничъ.

Колы очумався винъ не скоро пислят того, ажъ уже стало розвыднятыся; сонце сходе.

Подывывся винъ кругомъ себе, ажъ винъ на степу, а тій хаты нема, куды винъ забигъ до мертвякивъ,—нема того ничогисенько, а винъ на степу сыдыть на верби, що учора винъ у ночи дойихавъ, шо ото дви вербы по обомъ бокамъ дорогы. И высоко-высоко сыдыть винъ на верби и кинь ёго пасется на степу не далеко одъ тыхъ вербъ—пидъ тымы вербамы. Винъ тоди скынувъ шапку, перехрестывся и сказавъ: «святъ, святъ, святъ, есы, Господы!»

А то була мара. То́ була мара, тай обмарыла его. Винъ цилу ничъ на верби спавъ, а мара ёго обмарыла, що ёму здавалось, що хлопець на верби гойдается и стрилявъ винъ на ёго, и що той погнався за нымъ, що винъ тикавъ, та вбигъ у хату до мертвяка, та пывъ одъ мертвякивъ налывку. Злизъ винъ зъ вербы, пишовъ до коня, сивъ и пойихавъ.

Пойихавъ винъ до куреня: отдавъ той лыстъ одъ отамана и вернувся впьять соби назадъ.

1879 року.

Два браты.

(Казка).

Булы соби два браты: одынъ бувъ дуже багатый, а другый бувъ бидный. Та ще такъ було: що багатый та на багатій женывся, то ще й дужче ставъ багатый, а бидному прыйшлось та на бидній женыться, то ще й дужче ставъ бидный. У багатого що день Божый музыки грають, та веселятся, а въ бидного и свитла нема въ каганци. У багатого-жъ та тильки однымъ одынъ сынъ, а въ бидного ажъ четверо, та всихъ же то нагодувать и напоить; а тымъ ще—одно́ о́дного ма́ле. У багатого и наймыты и наймычкы—усихъ хлибомъ годуе, а бидного брата и молотыть до себе не пуска.

Сыдыть разъ бидный братъ зъ своею жинкою, радятся, де-бъ ёго хлиба заробыть соби. Отъ жинка и каже ёму: „Що-жъ, чоловиче, у тебе братъ багатый; пиды до ёго, та попросысь хоть помолотыть або що; бо вже ось послидній дойидаемъ“. Ну, „то що-жъ, пиду“. Прыходыть до воритъ, а братъ на двори бувъ; якъ побачывъ, що винъ йде, та заразъ до ёго и бижыть. „Чого ты“, каже, „йдешъ до мене? Хиба хочешъ, щобъ изъ мене люде сміялысъ, якъ изъ тебе?“—„За що-жъ воны, брате, будуть сміятысь? За те що я бидный, а ты багатый? Я-жъ твій братъ“. „Та що зъ того, що ты мени братъ? Есть у мене браты не таки, якъ ты, а таки, якъ я“.—„Такъ хочъ воны таки багати, якъ и ты, а я твій братъ бидный, то пусты мене до себе хочъ кусокъ хлиба заробыты“.—„Ни“, каже, „братъ, ніяково мени зъ старцямы знаться“. „Ну, колы тоби стыдно, такъ не называй мене братомъ, а зовы хочъ наймытомъ“. „Ни“, каже, „вси знають, що ты мени братъ“.—„Ну, такъ колы не хочешъ мене нанять, то дай мени мишочекъ хлиба, бо дома диты голодни сыдять. Послидне дойидаемъ“.—„Ни, братъ, не дамъ. Я ще для тебе не надбавъ. А ты пиды заробы, а до мене не ходы“. А самъ ляпнувъ хвирткою, тай пишовъ Остався бидный биля воритъ, подумавъ: «отъ», каже, «Господы Мылостывый, де въ Бога правда?! Ну, Богъ зъ тобою, брате». Насунувъ шапку, тай пишовъ до-дому.

А жинка дома дожыдается. «Пидождить», каже, «диткы; пишовъ батько до дядька, та прынесе борошна, та я напечу папкы, та будете, йисты!» (А сама така раденька). Колы це зыркъ—иде чоловикъ, а слёзы зъ очей якъ горохъ такъ и котятся. «А що, чоловиче, заробывъ?

отеперъ»,—каже, «будемо йисты». А сама такъ и заголосыла... «Що-жъ, жинко, не плачъ. Господь дасть—пиду въ городъ, та тамъ и зароблю».—«А що тоби братъ сказавъ?»—«Та якый винъ мени братъ, колы винъ мене й за брата не щыта».—«Та хочъ бы ты ёму за наймыта ставъ». «Тай за наймыта не бере, бо, каже, уси знають, що я ёго братъ».—«Ну, нехай-же ёго Богъ покара... Пиды въ городъ, чы не поможе тоби Богъ чого заробыть». Зобрала те, що не дойилы вранци, дала дитямъ повечерять. А сами посидалы та дывлятся на ихъ та плачуть, бо самимъ ничого було йисты. Поклала жинка дитокъ спать, сама помолылась Богу, тожъ лягла. А винъ сердега не зна що робыть—чы лягать, чы заразъ иты въ городъ, бо вже якъ прокынутся диты, то самъ якъ хочъ, а имъ давай йисты. „Ну що-жъ, чоловиче, сыдышъ, чомъ не лягаешъ?"—„Та що зъ того що ляжу?—де моя торбына?"—„На вищо тоби?"—„Пиду. А ты прогодуй дитокъ, якъ сама вже знаешъ, покы я прыйду зъ города". Узявъ торбыну й пишовъ.

Прыйшовъ у городъ и нанявся до жыда жыто, чы що, пересыпать. Поробывъ у жыда тыжнивъ зо тры и заробывъ карбованцивъ зъ трыдцять грошей.—„Ну", каже, „слава Тоби Господы, буде на харчъ". Пишовъ на базаръ, купывъ соли, купывъ хлиба, купывъ сала—карбованцивъ зъ пьять стратывъ, „а зъ цимы", каже, „пиду до-дому, щобъ жинка бачыла, що не даромъ робывъ".

Прыходыть у свое село. Йде помижъ братову хату, а въ ёго въ двори гоминъ такый, що ажъ луна по селу йде. Пидийшовъ до воритъ, одчынывъ хвиртку, ажъ тамъ музыкы грають, кумедіи прыставляють. „Оце такъ. А у ридного брата и свитла нема въ хати. Ну, Богъ зъ нымъ; нехай соби тишытся". Прыходыть до своеи хаты, тай стука въ двери.—Жинка схопылась, та до дверей: „хто такый?"—„Твій чоловикъ".—Одчыныла. „Ну, слава-жъ Тоби Господы, що тебе Богъ прынисъ".—Війшовъ винъ у хату—диты сплять: яке на лави, яке на печи, яке въ запичку пидъ рядныною звернулось; якъ почулы, що батько прыйшовъ, такъ вси й схопылысь. Той каже: „тату, дай хлиба", той: „дай тату, сала, дай сала". Розвязавъ торбыну.—Якъ допалысь диты, такъ якъ та сарана, просты Боже: той за сало, той за паляныцю; той на пичъ, той на прыпечку, той на полу сыдять, йидять. „Ну, а це-жъ тоби, жинко, гостынець". Выйма двадцять пьять карбованцивъ, дае. Жинка якъ побачыла, то ажъ затрусылась; бо якъ вона выйшла й замижъ, то въ неи стильки не було. Повкладалы дитей спать и самы поляглы. У-ранци всталы, жинка й каже: „ну, чоло-

виче, слава Тоби Господы, то въ насъ теперъ грошенята есть; пиды-жъ теперъ у городъ, та купы хлиба, купы соли, та купы мени чоботы, або й соби купы, що-бъ зъ насъ хоть люде не такъ сміялысь".— „Добре, пиду". Пишовъ.

Прыходыть у городъ. Иде вулыцею; колы дывытся -- стоить купа людей, и щось гуторять. „А пиду лышъ подывлюсь, що тамъ таке". Доходыть до тіеи купы, пытается чоловика: „що тутъ таке, дядьку?"— „Та це продають волоцюгу".—„Якого волоцюгу?"—„Та чы подушного, чы що, не заплатывъ, та мандрувавъ цилый годъ, такъ ёго піймалы, та въ тюрми зъ годъ продержалы, та це продають—хто внесе за ёго гроши двадцять пьять карбованцивъ, то той до себе й визьме ёго... и винъ уже тому одробыть ти гроши, що за ёго заплатять". „Чомъ-же вы, дядьку, не визьмете?"—„А куды я визьму? хиба можно до себе злодіивъ прыймать? Пиды отъ подывысь, якый стоить!" Просунувсь у купу, стоить здоровый парубокъ посередъ купы и налыгачемъ рукы назадъ звязани, а врядныкы выкрыкують: „хто дасть двадцять пьять карбованцивъ за цёго парубка, то нехай бере ёго до себе,— винъ тому одробыть ёго гроши". Злодій стоить понурывшысь та каже: „возьмить мене, люде добри, хто въ Бога вируе, я тому одроблю ёго гроши". Видняку жалько стало парубка: „а ну, що Богъ дасть— визьму ёго та выкуплю: будемо вдвохъ робыть,— чы не лучшый пиде заробитокъ". Пропхавсь ажъ до урядныкивъ тай пытается: „а на стикы годъ цей парубокъ продается?"—„На одынъ годъ". „А тамъ?" „А тамъ якъ винъ самъ схоче: схоче—служытыме ще, а не схоче— одійде одъ тебе,—тоди винъ уже вольный буде. „Вынявъ, гроши оддавъ: „такъ нате-жъ вамъ за ёго двадцять пьять карбованцивъ". Взялы урядныкы гроши, запысалы, кому злодія здалы (на порукы). Тоди винъ розвязавъ злодію рукы—„ходимъ, небоже". Злодій поклонывсь ёму: „спасыби тоби", каже „дядечку, що тебе Господь надоумывъ мене выкупыть". Пишлы. Веде ёго бидный у свое село, та дорогою йдучи й зажурывсь. Злодій и пытается: „чого ты, дядьку, журышся?"—„Ни", каже, „я не журюсь".—„Ни, дядьку, журышся".—„Чого жъ мени журытыся?"—„А того, що ты мене выкупывъ, та ще й злодюгу".—„Эге, сыну, се правда. А ты знаешъ, небоже, що въ мене тильки й було що двадцять пьять карбованцивъ,—та за послидни я тебе й выкупывъ"... „Ну, дядьку, не журысь". Идуть. Прыйшлы до-дому. Жинка дывытся въ викно—дума соби: „кого це винъ веде зъ собою?" Війшлы въ хату:—„ось", каже, „на тоби, жинко, купывъ".—„Що купывъ?"—„Та ось дывысь, якого

парнюгу"—Та невже-жъ"? А сама въ слёзы. „Що ты наробывъ? Самимъ ничого йисты; диты зъ голоду пухнуть". А парубокъ сивъ на лави тай каже: „не лайтесь, дядыно, не журиться. Спасыби вашому чоловикови, що винъ мене выкупывъ, а я ваши гроши вамъ хутко одроблю. Ще таке, що й хлибъ будете за мною йисты". Посыдивъ трошкы, посыдивъ: „а що, дядыно, чы въ васъ йе що вечерять, чы ни?"—„Та де-жъ воно визьмется? Хибажъ вы не бачыте, що въ насъ и горшкивъ немае, та мы не знаемо у чимъ що й варыть". Посыдивъ той парубокъ, тай выйшовъ зъ хаты. Колы трохы згодомъ стукается въ двери: „дядько, одчыны". Одчынывъ бидный хату. „А нате лышъ, дядьку, оце дитямъ вечерю прынисъ". Колы туды,—ажъ винъ повни прыполы усякои харчи държыть. Якъ почулы диты про вечерю, такъ не далы ёму й на стилъ покласты: „хто за сало, хто за паляныцю, хто на пичъ, а хто въ запичокъ... Уже й дядына трошкы не та стала; одсердылася.—„Спа-сы-би тоби, парубче".—„Ни за що, дядыно, дякувать. Сидайте ось—повечеряемъ укупи". Силы й повечерялы гуртомъ. Богу помолылысь, полягалы спать.

У-ранци всталы. „А що, дядьку, будемъ робыть? Треба щось выдумать, а то такъ безъ дила буцимъ то ніяково".—„Та що-жъ ёго робыть?" „Якъ нема хазяйства, то давайте хочъ лису будемъ плесты коло двору".—„Такъ хворосту нема".—„Ну, такъ завтра буде й хворость"—„Такъ нема-жъ грошей".—„Тай гроши завтра будуть. А хто це, дядьку, зъ вамы рядомъ жыве?"—„Не пытай, небоже".—„А що-жъ таке?"—„Се", каже, „братъ мій жыве". А самъ ажъ здыхнувъ. „Такый багатый, та вамъ пры бидности ничого й не дае?"—„Та винъ ще й хвиртку запыравъ,—не то, щобъ що дававъ".—„Отаки багати браты? Э-э, пидожды-жъ, дядьку; винъ колысь буде давать". Побалакалы соби та й пишлы въ хату. (На двори балакалы). Теперъ уже силы вечеряты не за голый стилъ; уже щось було на столи. Полягалы спать. Якъ уже дядько зъ дядыною обоснулы добре, парубокъ ныщечкомъ уставъ, выйшовъ зъ хаты, прычынывъ за собою двери, пишовъ прямо до пана. Забравсь до ёго у комору, розбывъ скрыню зъ гришмы, набравъ повни сакы червинцивъ, тай пишовъ. Прыйшовшы до-дому, пишовъ на вгородъ,—вырывъ яму, закопавъ саквы зъ гришмы, а трошкы грошей положывъ соби въ кышеню. Пишовъ у хату й лигъ.

У-ранци всталы, поснидалы. Парубокъ посыдивъ, посыдивъ, а дали выйма зъ кышени ажъ цилыхъ сто карбованцивъ: „а нате лышъ, дядьку, оце вамъ за те, що вы мене выкупылы". А дали выйма ще

сто карбованцивъ: „а це тоби, дядыно, щобъ ты не лаялася зъ своимъ чоловикомъ за те, що винъ мене выкупывъ“. Якъ побачыла вона ти гроши, якъ ге́пнется ёму въ ногы: „спасыби-жъ тоби, мій голубчыку!“ Та разъ, та вдруге, ажъ очипокъ ій зъ головы звалывся. А дядько такъ уже не зна що й робыть,—тильки плечыма сова та пидцмакуе. „Ну, дядьку, теперъ пойидемо въ городъ, та купымо чого треба въ хазяйстви“. Пойихалы въ городъ. Купылы шкапу, купылы пару воливъ, купылы корову зъ телямъ, купылы визъ. Прыйихалы до-дому. Сталы хазяйнувать потроху.

Багатый братъ дывуется: „що це“, каже, „въ мого брата де взялысь волы й шкапа й корова?“ А жинка каже: „а злодюга на вищо?“—„Та то злодюга винъ бувъ колысь, а теперъ винъ уже не злодій, бо я чувъ, що винъ выкупленъ“. „А дежъ воны грошей набралы“—„Та про те вже имъ знать. Може въ того злодія ще давни гроши йе?“ А теща каже: „ось пошлить хлопця; нехай винъ пиде до ёго дитей граться: то що диты балакатымуть, то винъ пидслуха, прыйде, та намъ и роскаже“. «Оце добре». Узялы й послалы хлопця. Бидный братъ дума: «що це за знакъ?.. Николы багачъ не пускавъ свою дытыну граться до моихъ дитей, а теперъ пустывъ». Силы обидать, посадылы й хлопця багачевого за стилъ. Погравсь хлопець зъ дитьмы й пишовъ. Прыходыть до-дому, батько й пыта: «а що сыну, що́ ты тамъ чувъ?»—«Ничого, тату, не чувъ. Гралысь. Мене дядько й обидать посадывъ. Борщъ бувъ изъ мнясомъ и каша зъ молокомъ».— „Эге... онъ що!? Це вже значыть годи половы йисты, шо торикъ у мене бравъ, та моловъ зъ жытомъ, та йивъ... Теперъ уже борщъ изъ мнясомъ ше й каша зъ молокомъ!! Шожъ це воно за знакъ? Якъ бы ёго довидаться?“ А теща сыдыть на печи—та каже: „ось якъ довидаться: ты пиды до брата, та скажы ёму, шо прыйдуть до мене судди добро мое опысувать, такъ дозволь, брате, нехай моя скрыня зъ гришми у тебе въ хати постоить, поки я панивъ одбуду. Та визьмы скрыню велыку, ту, шо въ комори, та мене туды замкнить, то вже я все почую, шо воны балакатымуть“.—„Оце добре“. „Тильки якъ-бы чого-небудь туды йисты мени поставыты“.—„Та онъ вареныкы, ти шо не доилы, такъ зъ макитрою й поставымо“. Вынеслы зъ коморы скрыню, улизла туды теща, поставылы ій вареныкы и замкнулы скрыню. „Отеперъ пиду до брата“.

Бидный братъ шось робывъ на двори: дывытся—иде до ёго братъ. «Шо це за знакъ?» каже. А въ самого ажъ слёзы на очахъ.

навернулысь. Прыйшовъ, здоровкается: «здоровъ, брате».—«Здоровъ».— «Боже тоби поможы».—«Спасыби». (Та ше й руку подавъ). «А чого я, братъ, до тебе прыйшовъ?»—«Не знаю». «Будь ласковъ, брате, чы не можна до тебе мою скрыню зъ гришмы перевезты, бо до мене найидуть судди опысувать худобу, то нехай скрыня у тебе постоить, а завтра вранци прыйду й визьму».—«Такъ шожъ, нехай постоить... прывезы». «Тилько, брате, въ хати поставъ скрыню, бо въ синяхъ страшно становыть». «Та поставымъ и въ хати. Везы». Пишовъ багачъ. Прывезлы скрыню й поставылы въ хати на самому покути. Парубка тоди дома не було. Прыходытъ у вечери, дывытся—скрыня на столи стоить: „дядьку, шо це въ васъ за скрыня?"—„Та це братъ прывизъ, оддавъ на сохранъ, бо до ёго судди найихалы худобу опысувать. Тилько ничъ перестоить, а завтра вранци прыйде братъ, тай визьме". „Бреше винъ". Повечерялы й полягалы спать.

Якъ заснулы дядько зъ дядыною, винъ уставъ потыхесенько, узявъ макогинъ, одимкнувъ скрыню, пиднявъ вико, колы баба... Винъ іи якъ ошешелыть макогономъ!.. и не кавкнула... Узявъ вареныкъ зъ макитры, встромывъ ій у ротъ, буцимъ бы то подавылась. Замкнувъ скрыню та й лигъ соби.

Колы це вранци йде багатый братъ зъ наймытамы. „А шо, брате, цила скрыня?"—„Цила". „Ну, спасыби тоби; дай Богъ здоровья. А берить хлопци, ставте на визъ". Поставыли й повезлы. Багачъ иде ззаду, тай пытается. „Мамо, чулы де воны беруть гроши?" Не озывается. „Мабудь заснула". Прывезлы скрыню до дому, поставылы въ хати, одимкнулы; якъ глянувъ багачъ, та ажъ ротъ роззявывъ: „умерла!? Дывысь, жинко, ше й вареныкъ у роти. Мабуть удавылась... Подывысь, вареныкъ у роти. Головонько бидна, шо ёго робыть? Треба йты до попа—нехай иде ховать.—Скажемо, шо скоропостыжно вмерла". Прыйшовъ до попа: „Здорови булы, батюшка".—„Здоровъ, здоровъ". „Идить ховать—маты вмерла".—„Та невже? Якъ це такъ? Я-жъ іи вчора бачывъ; мовъ здорова-жъ була?" „Та вона, батюшка, й сегодня була здорова, та йила вареныкы, та за йижою вмерла; ище й вареныкъ у роти оставсь".—„Такъ може вона вдавылась?"—„Та може жъ и вдавылась. Богъ же іи зна".—„Ну такъ я прыйду й заховаю". Прыйшлы й заховалы тещу.

У-ночи парубокъ уставъ, пишовъ на гробовыще, одрывъ тещу, вынявъ зъ труны, узявъ на оберемокъ, понисъ до багатаго въ двиръ. Одчынывъ комрою, а въ тій комори въ засикахъ пшеныци такъ шо мабудь пудивъ зъ двисьти, така якъ золото. Винъ узявъ ту пшеныцю

розрывъ, розсыпавъ, роскыдавъ по всій комори; тещу посадывъ у засикъ, давъ ій лопату въ рукы, а самъ замкнувъ коморю тай пишовъ. Прыйшовъ до дому, лигъ спать, буцимъ ничого й не зна. Колы це вранци чуе—кгвалтъ по селу. Пытается дядька: „шо тамъ таке?“ „Та тутъ чудасія: багачева теща вночи встала та прыйшла до ёго въ коморю, тай доси сыдыть у засици“—„А ходимъ, дядьку, подывымось.“ Прыходять до багачевого двора, ажъ у его повенъ двиръ народу, и протовпыться трудно. Багачъ ажъ чубъ на соби рве—гука на наймыта: «бижы, Каленыку, до батюшкы, хай иде, шо хоче те и робе!.. Оце пославъ Господь напасть. Бачъ, шо воно значыть якъ не своёю смертю вмре». Прыбигъ Каленыкъ до попа: «здрастуйте, батюшка».—«Здрастуй, здрастуй... А шо скажешъ?» «Идить до насъ та якъ можно швыдче.»—«Шо таке? шо таке?» «Та прыйшла баба Параска зъ того свиту. Вчора заховалы, а вона вночи прыйшла, сила въ комори ажъ у засици, ше й лопату въ рукы взяла, пороскыдала по комори всю пшеныцю».—«Всю пшеныцю? Всю пшеныцю?.. По комори? баба Параска? Давайте швыдче патрахылъ. Семенъ, беры требныкъ... иды поперёдъ мене, та чытай «Да воскреснеть Богъ», та «помылуй мя, Боже». Прыйшлы... Колы якъ разъ у засици... Багатый ажъ до нигъ прыпада попови: «Батюшечка, чы не можно яке заклятыя положыть, шобъ осыковымъ килкомъ прыбыть?»—«Треба, треба, всенеповынно треба. А берить же іи хто, та выносьте зъ коморы». Люде стоять, роты пороззявлялы, нихто й зъ миста не ворухнется. А парубокъ стоить коло дверей. «А дайте», каже, «я визьму». Перехрестывсь на схидъ сонця тричы. обернувсь, узявъ тещу та вже не понисъ у хату, а прямо на гробовыще; положылы въ труну іи, загреблы; батюшка прочытавъ проклятіе, забылы осыковый килокъ на гроби. «Отеперъ», каже, «не встане, бо нечыста сыла зъ неи выйшла». Прыйшлы до двора. Багатый пытается: «а шо, батюшка, чи не можно мени сю пшеныцю на потребу пустыть?»—«Э ни-ни, не можно».—«А дежъ іи дить?» «Де хочъ, туды й динь, хоть закопай, хоть спалы, якъ нихто не визьме». А бидный братъ, шо тутъ-же стоявъ, каже: «давай, брате, я визьму цю пшеныцю; уже шо Богъ дасть, то те й буде». (Его зарани пидучывъ парубокъ). «Визьмы, здилай мылость. Та визьмы й коморю, будь ласкавъ, бо якъ іи теперъ спалыть, то й вся оселя згорыть. Визьмы все заберы, пшеныцю й коморю». Якъ почалы ту пшеныцю носыть—дядько, дядына и парубокъ та цилисинькый день носылы до вечора, такои насыпалы пшеныци, якъ золото. А дали вже й коморю перенеслы. Багачъ каже:

«ну, слава Богу! теперъ збувся». А бидный зъ парубкомъ поставылы коморю, позсыпалы въ засикы пшеныцю. «А що, дядьку, буде зъ тебе?—«Слава Богу буде».

Дождавшысь вечора, пишовъ парубокъ впьять на гробовыще. Вырывъ тещу, взявъ на плечи, понисъ до багача. Одимкнувъ комoрю, а въ тій комори повно одежи: кожухы, кожушанкы, кобенякы, свиткы, смушкы—карбованцивъ на тысячу було въ тій комори добра. Винъ узявъ одимкнувъ комoрю, поскыдавъ зъ жердокъ одежу, познимавъ зъ ключокъ, повывертавъ зъ скрынь, скризь пороскыдавъ, яки взявъ та порозрывавъ. Узявъ найкращу кожушанку, сынимъ сукномъ крыту та ще й сывымъ смушкомъ обложену, ту що багатого жинка винчалась въ ій, убравъ у неи тещу, посадывъ іи въ куточку, замкнувъ комoрю, а самъ пишовъ до дому.

На другый день якыйсь празныкъ бувъ. Жинка багачева вбырается до церкви, тай каже на наймычку: «бижы въ комoрю та внесы мени ту кожушанку, въ якій я винчалась». Та взяла ключъ, тай побигла. Тилько що одимкнула комoрю, та ажъ скрыкнула: «охъ мени лышенько! Шо це за гармидеръ такый!» Колы зыркъ, ажъ у куточку сыдыть теща. Въ биднои наймычкы трохы очи зъ лоба не повыскакувалы. Якъ чкурне... А на двори снигъ велыкый—погубыла въ снигу й черевыкы. Убигла въ хату. «Що тамъ таке?»—«Охъ моя-жъ матинко! Баба Параска сыдыть у комори въ вашій кожушанци».—А багатый лежавъ на лави. Якъ почувъ, такъ ажъ очкуръ у ёго лопнувъ зъ переляку. «Та невже въ комори? Бижы, Каленыку, до попа.» Побигъ Каленыкъ. Прыбига до попа. И слова не вымовыть: «ба-ба, ба-ба, ббатюшка! Па-па-ппа-параска впьять».—«А що? що баба Параска прыйшла?»—«Прыйшла.»—«Семене, Семене, вставай; заразъ мени треб нынъ. Требныкъ... Требныкъ... Кадыльныцю берить... Херувымського ладану положить. Иды заразъ упередъ, чытай «Да воскреснетъ...» та голоснише чытай, щобъ уси чулы...» Прыйшлы до багача. Винъ якъ побачывъ попа, та ажъ чоботы ёму цилуе... «Батюшечка!.. чы не послать бы до хархерея? може въ ёго молытва друга? може въ его проклятіе не таке, якъ у васъ?»—«Ни, постой, постой—цей разъ заховаемъ и вже запечатаемъ не такъ яму и вже два осыковыхъ килка забьемъ: одынъ у головахъ, а другый у ногахъ. Посередыни хрестъ зроблю заступомъ, та херувымського ладану туды засыплю, то вже не встане.»—«Оце було-бъ и тоди такъ зробыть, то вона-бъ и не прыйшла... А берить хто роздягайте іи та понесемъ.» Люде тильки банькы повытрищалы, та роты

пороззявлялы... Нихто не хоче й пидступыть, боится. Шо то воно значыть, якъ не своею смертю вмре! Хто жъ пиде брать гаспыдяку? Парубокъ стоить коло дверей, каже: «давай я роздягну й понесу». Роздигъ и понисъ. Прынисъ до ямы, положывъ у труну, зарывъ, загорнувъ землею, забылы два осыковыхъ килка, одынъ у головахъ—другый у ногахъ, зробылы посередъ гробка хрестъ, насыпалы туды херувымського ладану, пипъ прочытавъ молытву; «оце», каже, «теперъ не выйде».—«Ну, спасыби вамъ, батюшка. А де, батюшка, мени одежу дивать? Чы іи спалыть, чы попродувать? уже жъ іи теперъ не носыть, бо на чортови була надита».—«Такъ, такъ, якъ нихто не визьме, то спалы». А бидный братъ каже: «оддай мени, брате, ту одежу».—«Тай возьмы, будь ласкавъ». Пишовъ бидный братъ зъ жинкою, зъ парубкомъ въ коморю, набралы на оберемокъ одежи, скильки можно було. Пишлы и другый разъ: набралы й у друге по стилькожъ. Пишлы и втрете, набралы и втрете. «Ну, братъ», каже багачъ: «узявъ одежу, беры й коморю, бо якъ мени іи спалыть, то й вся оселя згорыть.» Забралы й коморю перенеслы. «А шо дядьку, теперъ е шо надить тоби й дядыни?»—«Спасыби тоби, небоже».—«А знаешъ шо дядьку? де въ твого брата гроши стоять?»—«Та цуръ ймъ, навищо воны намъ?»—«Та то я тилько такъ пытаю». «У погреби въ ёго скрыня стоить зализнымъ цепомъ до стовпа прыкована. Повна червинцивъ, такъ безъ ликивъ гаспыдивъ сынъ и сыпле туды!» Парубокъ намотавъ на вусъ.

Уставъ у ночи, пишовъ на гробовыще, уньять вырывъ тещу, узявъ іи на оберемокъ, понисъ до багача въ двиръ,—унисъ у погрибъ: одимкнувъ скрыню зъ гришмы, пороскыдавъ гроши скризь по погребу; посадывъ тещу въ скрыню, насыпавъ ій червинцивъ у жменю, прыкрывъ трошкы іи викомъ; засунувъ погрибъ тай пишовъ. Прыйшовъ додому й лигъ.

Колы це багатый уставъ уранци, тай пишовъ до погреба, шобъ грошей узять—ёму треба було на щось багато грошей. Одперъ погрибъ, дывытся—скризь гроши валяются; колы до скрыни, ажъ тамъ теща сыдыть... Ажъ духъ заперся въ ёго—и не скрыкнувъ... Якъ выскочывъ зъ погриба, якъ зарепетуе: «Каленыку, бижы скорише до батюшкы! Якъ можно швыдче!.. скажы, шо вньять прыйшла!..» Той якъ почувъ, та ажъ не стямывсь! Якъ дремене до попа!—Прыбигъ—ажъ пина ему въ роти... «Шо таке? шо таке?» «Вньять прыйшла... Вньять прыйшла?.. Оце такъ!.. оце такъ! Семене! Семене! беры евангелію! пошлы, нехай идуть до церквы, нехай заберуть корогвы... нехай въ уси дзвоны дзво-

нять». А самъ убирается, та зъ ляку наливъ одынъ чобитъ, а одынъ черевыкъ, та ше й на босу ногу... Выйшлы зъ хаты, та вже Каленыкъ за воритьмы вглядивъ, та каже: «Батюшка, шо це въ васъ таке? халяву чы що загубылы?»—«Де? а! якъ разъ! якъ разъ! се черевыкъ... бижы скорише, найды мени чобитъ». Побигъ Каленыкъ у хату шукать чобота; облазывъ скризь, ажъ питъ зъ его льется, та усе ніякъ и не найде, та репетуе на всю хату: «де батюшчынъ чобитъ?» А пипъ стоить на двори, морозъ такый, шо ажъ лыткы почервонилы на морози, а ему й байдуже, винъ тилько дума про Параску, та про те, шо ему буде за те, шо ніякъ не заклене сверхъестественнои сылы... Дійде до мытрополыта, то той рострыже за те, шо не вмивъ заклясты. Прынеслы чобитъ,—насылу найшлы. Убувъ. Якъ дременуть, та до самого двору, не переводя духу. «Да воскреснеть Богъ», батюшка вычытують, а дзвоны ревуть, ажъ земля стогне. Зибралося мыру выдымоневыдымо... А багатый стоить коло воритъ якъ пупъ сыній, посынивъ на морози,—та все дожыдается попа. Прыбигъ пипъ. Бухъ попови въ ногы: «батюшка, чы не дать знать мытрахвалиту? може въ ёго заклятіе не таке, якъ у васъ?» «Э, э! не знаю... не знаю... се вже... се вже... се вже свыше... сверхъестественная сыла... не знаю...» Дывиться, батюшка, вси гроши понивечыла, тутъ мабуть бильше якъ зъ мыліонъ, попаскудыла». «Такъ, такъ; це вже не твои—це чортови гроши». «Такъ будьте ласкави, якъ шо те,—тобъ до мытрахвалита...» А парубокъ стоить, та каже: «а що мени дасте, якъ я іи такъ заховаю, шо й поки свиту сонця, то не вылизе? Не треба буде и до мытрахвалита посылать». Пипъ якъ почувъ, то ажъ банькы вывалывъ... «А чимъ же ты зробышъ? Хиба можешъ?» А багатый бухъ ёму въ ногы: «зробы, будь ласкавъ; шо схочъ, те й беры, тилько зробы шобъ бильшъ не вылизала». «Зроблю. Оддай мени тилько ти гроши, шо чортяка пороскыдала, бильшъ мени ничого й не треба». «Беры, здилай мылость, я ше й радъ буду». «Добре, такъ ходимъ-же». Пишовъ у погрибъ, вытягъ тещу зъ скрыни, узявъ на плечы: «а ходимъ, люде добри, подывытесь, буду ховать; уже писля мене не вылизе». Прыйшлы на гробовыще: положывъ тещу въ труну, накрывъ викомъ, загрибъ землею, обійшовъ тричы гробокъ, переступывъ, плюнувъ на гробокъ: «оце», каже, «николы не вылизе». А багачъ одъ радосты ажъ плаче: «спасыби, дай Богъ здоровья, иды беры гроши ти, шо чортяка пороскыдавъ по погребу; беры, куды хочъ—туды й динь». Пишовъ парубокъ до-дому: «а берить, дядыно, мишокъ, и вы, дядьку, та ходимъ».

Пишлы. Нагреблы тры мишкы, прынеслы, та ще разъ пишлы, та по мишку набралы,—прынеслы. «Теперъ ходимъ, дядьку, визьмемъ и скрыню». Прынеслы й скрыню; зсыпалы въ неи гроши. «Теперъ, дядьку, замыкай; буде зъ тебе?» —«Буде, небоже». «Теперъ давай роцщытаемось зъ вамы».—«Давай, небоже». Хочъ и жалко имъ було парубка, та ничого робыть. «Оце-жъ, дядьку, твои гроши, ти шо въ скрыни, а мои—ходимъ, я тоби покажу». Повивъ его на вгородъ, обрывъ яму, а тамъ повни саквы червинцивъ; «оце, дядьку, мои гроши. Мени бильшъ и не треба. Теперъ ходимъ до дядыны та попрощаемось».

Увійшлы въ хату, помолылысь Богу.—«Нуте, дядыно, прощайте. Я вже одъ васъ пиду. Спасыби тоби, дядыно, шо ты мене прыйняла, а тоби, дядьку, шо ты мене выкупывъ, бо й я такый же бувъ бидный, якъ и ты, та ще й у нарузи бувъ, що мене вси люде цуралысь, якъ харцызякы, а ты, дядьку, зжалывсь, та за свои послидни двадцять пьять карбованцивъ вызволывъ мене зъ наругы; за те я тебе на ввесь викъ щаслывымъ зробывъ. Оце-жъ, дядьку, жывы, та й дитокъ своихъ учы:

Може й имъ доведется пануваты—
То скажы, шо не треба й бидныхъ забуваты.

Бачъ, тебе ридный братъ забувъ, а Богъ тебе не забувъ. Будь же здоровъ, дядьку. Теперъ багатый братъ не запре хвиртку и не скаже: не пускайте, бо то старець иде, а ище й самъ до тебе прыйде въ наймы проситься, ты ёго зъ двора не выганяй. Отакъ же й дитямъ закажы:

Щобъ бидныхъ не цуралысь
И зъ посміяныхъ не сміялысь.

Ну, дядьку, прощай. Я до тебе годивъ черезъ два навидаюсь. Подывлюсь, якъ ты жывешъ». Поцилувалысь и попрощалысь.

Ставъ бидный братъ хазяинуваты. Купывъ воливъ, купывъ коровокъ, купывъ пару коней добрыхъ. Купывъ земелькы, нанявъ наймыта; та якъ пишовъ хлибъ родыть, то за годъ такъ пиднявся, шо на все село багачемъ ставъ.

А багатому брату пишло все вныэъ та вныэъ. Згорило въ ёго два млыны, згорила клуня, погоривъ и хлибъ. Прыйшлось круто—ставъ продавать худобу,—усе чысто. Пишовъ до бидного брата; «купы, брате, худобу». «Продай», каже. Продавъ уси волы, уси кони, попродавъ и вивци... Черезъ два годы дожывся до того, шо осталася тилько одна хата.

Прыйшовъ багатый до бидного брата найматыся: «наймы мене, брате, хочъ у наймы до себе».—«Э, ни, братъ, мени ніяково наймать, бо ты мени ридный братъ; я багатый, а ты бидный; якъ я до тебе

прыходывъ найматься — шо ты мени сказавъ?—ты мене й за брата не пощытавъ? Черезъ те, шо я бидный, а ты багатый. А теперъ Богъ зробывъ мене такымъ, якъ и ты бувъ».—«Ну, братъ, просты мене, шо я такъ робывъ.

Теперъ и дитямъ своимъ закажу, шобъ цёго не робылы.
Шобъ бидного зъ багатымъ за одынъ стилъ садовылы».

«Ну, такъ Богъ же тебе простыть! На тоби грошей, жывы, якъ и жывъ». Такъ ёго й пиддержувавъ. Покы самъ жывъ,—поты й брата пиддержувавъ.

Колы це годивъ черезъ два, на зелену недилю, прыйиздже у село якійсь панъ. Та иде прямо до бидного въ двиръ. «Здоровъ, дядьку». «Здрастуйте, пане».—«А шо пизнаешъ мене?» «Ни, пане, не пизнаю». «Я той самый, шо ты мене за двадьцять пьять карбованцивъ выкупывъ на базари. Дывысь на мене. Якъ-же ты теперъ жывешъ?» «Отакъ, пане, якъ бачыте?» «Ну й жывы зъ Богомъ. А шо твій братъ багатіе?» «Де вже ёму багатиты? плохо ёму.

Прыходывъ до мене у наймы просыться».
«Ага, теперъ уже годи зъ череватымы веселыться!
Теперъ не буде й хвирткою запыраться,
А ще й самъ буде до тебе прохаться».
«Та вже винъ прыходывъ».
Ну, ты ему не одкажы, а дай,
Бо вже теперъ и винъ зна, якъ на свити жыть.
И якъ треба бидныхъ людей любыть».

Тай годи.

Попрощався тай пойихавъ.

1879 р.

Видьмачъ.

Бувъ соби чоловикъ та жинка и въ ихъ бувъ хлопець. Чоловикъ изъ жинкою вмерлы,—остався одынъ хлопець. Вырисъ той хлопець, ставъ уже парубкувать. Одъ батька ёму ніякого хазяйства не досталось, бо батько бувъ бидный. У своимъ сели нема такыхъ, шобъ нанялы; винъ зибравсь и пишовъ у чуже село.

Дорогою йдучи, стривъ чоловика, йихавъ возомъ. Поривнялысь зъ нымъ: «здоровъ, дядьку». «Здоровъ, хлопче. А куды ты йдешъ?» «Та йду якъ не на заробиткы, то въ наймы де наймусь». «Такъ наймысь до мене». «Наймить, дядьку. А яка въ васъ буде робота?» «Та будешъ хазяинувать,—бильшъ ничого, бо въ мене жинкы нема—я

одынъ жыву». «А скилько вы мени дасте въ годъ?». «Дамъ тоби двадцять пьять карбованцивъ у годъ». «Э, дядьку, мало». «Ну й свыту тоби дамъ, якъ одходытымешъ; бо въ мене хазяйкы нема,—якъ колы, то прыйдется тоби й борщу зварыть». «Добре, дядьку, я це вмію». Поедналысь и пойихалы.

Прыйихалы до-дому; той чоловикъ показавъ ему свое хазяйство. Пишлы въ хату: «оце въ мене, хлопче, й хата; оце одна, а це друга черезъ сины. Днемъ можно ходыть, а вночи не заглядай туды». Шо-жь тамъ, дядьку, таке?» «То вже не твое дило, а тилько слухайся, шо я тоби кажу, бо якъ не послухаешся, то велыку напасть соби нажывешъ». «Добре, дядьку, не пиду».

Ставъ винъ жыть. Жыве тыждень, жыве й другый. Та все дывуется: «шо це за знакъ, шо мій дядько забороня заходыть у вечери въ другу хату? Днемъ же й буваю, мовъ тамъ ничого страшного й нема, а вночи не можно буть... Хочъ-бы колы кризь щылыну подывыться, шо тамъ робытся?»

Разъ у вечери лежыть пидъ повиткою и шось не спытся. Тай надумавъ про хату: «а пиду лышъ, шо Богъ дасть, та хочъ у щылынку подывлюся, шо таке тамъ діется». Уставъ, перехрестывсь и пишовъ. Прыйшовъ до виконъ, позатулювани викна зъ середыны— ничого не выдать. А въ хати, чуе, шо гомонять. «Ну, стривай же! Уже колысь побачу, шо тамъ робытся». Пишовъ и лигъ соби.

На другый день у вечери, управывшысь, пишовъ у ту хату, такъ шо дядько й не бачывъ. Вализъ пидъ пичъ, тай лежыть. Колы се чуе— шось по хати вештается. Выткнувсь зъ пидъ печи, зыркъ—ажъ дядько: «а чого ты», каже, «хлопче, тутъ сыдышъ? Иды видциля. Чого ты мене не слухаешъ? Я тоби казавъ, шо не ходы сюды, бо будешъ несчастный, тай мени черезъ тебе лыхо буде. Вылазь же заразъ, тай геть видциля». Вылизъ парубокъ, тай пишовъ мерщій зъ хаты. «Ну вже», каже, «на другу ничъ упьять де заховаюсь, та такы побачу, шо тамъ робытся. Мабуть чы не видьмачъ мій дядько?»

Днивъ черезъ два, диждавшы вечера, забравсь хлопець упьять у хату и зализъ пидъ пичъ. Въ хати никого нема, тилько свитло горыть. Колы це саме въ глупу ничъ, якъ загуде въ верси!.. якъ зачалы вéрхомъ литать!.. сыла сылою, хмара хмарою!.. хто сорокою, хто кгавою, хто шульпикою, хто совою, хто горобцемъ, хто жабою въ дверы скаче, хто гадыною черезъ поригъ лизе, хто ящуромъ, хто черепахою! Яке на полыци всилось, яке на стини, яке на лави, яке на

сволоци, яке на ключци, яке на комени прычепытся. Повнисинька хата!.. тилько дзвириньчять... Колы це журавель скаче въ двери: ногы тонки, пирья скризь пообскубуване... Тилько вскочывъ у хату, та такъ уси зразу й прынышклы. Журавель—беркыць!—перекынувся и ставъ чоловикомъ... Парубокъ зыркъ спидъ печи,—ажъ то дядько, та такъ и похоловъ увесь. Колы це дядько: «а здорови», каже, «булы». А вси тилько цьррр... цьррр... цьррр... такъ и зацокотилы. «А робиться уси жинкамы». Такъ якъ окомъ моргнуть,—уси поперекыдалысь жинкамы.—Повнисинька ихъ хата. Де якыхъ бабъ ажъ изъ свого села пизнавъ. «Бачъ, шо воно тутъ робытся!.. Теперъ я знаю, шо мій дядько видьмачъ». Заразъ дядько кывъ рукою на одну бабу: «а йды лышъ сюды, ты. Ты шо тамъ зробыла? На шо ты корову спсувала? Перевьязала дійкы волоссямъ—молоко не йде... Бидный чоловикъ якъ не плаче—дитей багацько, а молока нема». Та якъ ухопе іи за волосся (а въ неи ёго й не було на голови), та якъ уриже по щоци разъ, та вдруге... А парубокъ спидъ печи: «такъ, дядьку, такъ!.. Ій-бы давно въ яму пора, а вона, бачъ, шо выробля стара паплюга». Дядько якъ почувъ, скрывывся, та тилько ногою тупнувъ: «Гляды мени, шобъ завтра було молоко въ коровы». «Буде, буде, батечку, завтра-жъ буде... Ой лышечко, послидни зубы повыбывавъ!..» Полизла баба въ кутокъ, скыгляччи. «А ну, лышъ иды ты, чепурухо!» (на другу каже). Колы выходыть дивчына, така молоденька та гарна, шо ажъ жаль іи, шо видьма. «А ты шо зробыла? не навчылась, та тилько портышъ? У Бражныковои коровы усе вымья попухло». Та якъ згрибъ іи за косы: «оттакъ, оттакъ треба вчыться доить, а не такъ, якъ ты доила». А парубокъ спидъ печи: «такъ, такъ, дядьку! Ще молода цимъ диломъ заниматься». Дядько ажъ тилько нисъ закопылывъ, та тилько ногою тупнувъ—тай бильшъ ничого й не сказавъ. Багато винъ ихъ перебыравъ, а дали погомонилы, погомонилы, та пооберталысь яка чымъ була, та хто въ верхъ, а хто въ двери, а хто въ викно полетивъ. Журавель и соби за нымы поскакавъ.

Парубокъ вылизъ спидъ печи, пишовъ пидъ повитку, загрибсь у сино, та цилисиньку ничъ тилько зубамы цокотивъ, ничого й казать шобъ заснувъ. Найчуднише ёму було за ту дивчыну-видьму: «я-жъ іи десь и бачывъ, чы въ ярмарку, чы що. Якъ таки вона такъ себе попустыла?!» Передъ свитомъ трошкы закунявъ.

Уранци тилько шо схопывсь, уже дядько его й клыче: «а йды сюды, хлопче. Шо ты наробывъ? Ты тилько себе згубывъ. Я тоби

казавъ—не ходы въ ту хату, а ты не послухавъ. Уже-жъ тоби цю ничъ не буты жывому. Отта дивчына й баба, шо я ихъ вчора бывъ, а ты спидъ печи озывався,—воны тебе цю ничъ задавлять... А шо? Чого вытрищывсь?» Парубокъ побиливъ. А дали якъ схопытся та бухъ ёму въ ногы: «Дядечку, голубчыку! Одвернить якъ небудь напасть. Вы таки, шо можете проты цёго шо подіяты». «Побачымъ. На тоби оцю вузду, та пиды ты ввечери на гробовыще; стань коло якого небудь хреста—й рукы на хрестъ розипны, та стій. Будуть бигты дви кобылы—ото ти сами видьмы: воны тебе скризь шукатымуть. Ты стій не ворушысь—яка до тебе перша прыбижыть, то ты мерщій накыдай ій на шыю вузду, а самъ скочъ на неи та йидь. Та тилько не держысь за поводы, а держысь за грыву. Вона тебе по всёму селу носытыме. Ты сиды, не злазь, та ще, боронь Боже, не выйизды за царыну; якъ утомытся вона дуже, то тоди ты злизь, тай иды до дому. Тилько за царыну, чуешъ, не выйизды, бо пропадешъ».

Диждавшысь вечора, узявъ вуздечку й пишовъ на гробовыще. Прыйшовшы, ставъ коло хреста й стоить. У глупу ничъ такъ якъ выхоръ пиднявся. Колы бижять дви кобылы, ажъ земля стугоныть, та прямо до ёго. Прыбиглы, ажъ запинылысь. Винъ заразъ накынувъ на передню оброть, тай зскочывъ ій на спыну.—Вона ёго якъ понесе—та по всёму селу носыть, ажъ курява выхремъ пидіймается. Йиздывъ, йиздывъ, уже разивъ пьять объйиздывъ те село —И йиде тыею вулыцею, шо до царыны йде: «а дай зайиду подывлюсь, чы нема чужыхъ воливъ у нашому проси». Тилько шо це надумавъ,— вона вже сама й побигла туды. Тилько шо выйихавъ за царыну, тутъ кобыла впала й здóхла. «Ну», дума соби, «чортъ тебе беры». Покынувъ іи, тай пишовъ до-дому. Ёму й на думку тоди не впало, шо дядько не веливъ за царыну выйиздыть.

Прыходыть до дому, а дядько вже стоить коло воритъ та дожыдается ёго. Та ажъ волосся на соби рве: «шо ты соби наробывъ? Отъ уже колы ты пропавъ навикы». «А хиба шо, дядьку?» На шо ты выйиздывъ за царыну? Я-жъ тоби не веливъ. Вона теперъ умерла. То була та сама дивчына. Се ты завтра вранци почуешъ... Гляды-жъ, хочъ никому не прызнавайся, шо ты іи заморывъ».

На другый день найшлы за царыною дивчыну мертву... Сказалы, чы хто вбывъ, чы що. Пролежала вона слыве цилый день, покы на неи то труну зробылы, то яму выкопалы. У вечери понеслы іи ховать и занеслы въ церкву.

Дядько й каже парубку: «на тоби, хлопче, оцю хустку та накрый тій дивци выдъ; та тилько такъ накрый, шобъ нихто не побачывъ, то тоди ще хиба може пополамъ зъ лыхомъ пожывешъ на свити». «Такъ якъ-же це можно зробыть, колы тамъ людей багато? Уже-жъ хто небудь та побаче; якъ я накрыватыму». «Ну тамъ соби якъ знаешъ; уже мени цёго тоби не можно сказать». Узявъ парубокъ хустку и пишовъ до церквы. Увійшовъ у церкву, колы тамъ мыру стоить,—и не просунешся: все село збиглося дывыться. Ніякъ у свити не можно такъ накрыть ій выдъ, шобъ нихто не побачывъ. Попы одправылы похоронъ, люде понеслы труну на гробовыще. Парубокъ иде соби за людьмы, тай журытся: „шо-жъ оце мени буде, шо я ніякъ не накрыю ій выду?.. Отъ уже колы я пропавъ!"— А дали шось соби надумавъ: „стривай-же", каже, „ще може й не пропа́демо". И вже винъ веселише пишовъ за людьмы до гробовыща. Прынеслы тило до ямы, проспивалы вичну памьять и заховалы.

У ночи парубокъ узявъ лопату зъ коморы (такъ шо дядько й не знавъ цёго—бо винъ якъ узявъ хустку въ дядька, та якъ пишовъ, то й не заходывъ и въ хату). Пишовъ на гробовыще, одрывъ труну: „отеперъ уже", каже, „нихто не побаче, якъ я іи накрыю". Вынявъ хустку съ кышени, тай накрывъ мертвій выдъ. Якъ тилько накрывъ ій выдъ,—вона такъ и схопылась: „а-а, це ты?" Пиднялась, обхватыла ёго рукамы: „у-ухъ, якъ-же я крипко спала!.. Спасыби, шо ты мене збудывъ". „Эге-жъ, збудывъ! теперъ будемъ у купи вмирать". Вона ёму каже: „женысь на мени, то тоди будешъ жывый, а то ты всимъ розсказуватымешъ, шо я видьма. А не женышся, такъ пропадай лучче ты. Выбирай соби шо хочъ". „Ну", каже, „женюсь". „Добре". Бо вона-жъ и гарна була, така, шо кращои трудно було найты. „А сидайже теперъ на мене". Перекынулась кобылою, понесла ёго ажъ у свое село, видкиль вона й прылетила.

На третій день повинчалысь, тай сталы соби жыть. Вона ёго зробыла видьмачемъ, а сама, якъ и перше видьмувала...

Оце-жъ воно й кажуть: видьму хочъ и заховай, то вона все такы зъ того свиту вылитатыме.

Видьма такъ видьма й есть.

1879 року 30 сичня.

Харцызъ.

Булы два соби чоловикы, и обыдва булы бидни. Дожылысь до того, шо вже ни зъ чого тягтысь—треба йты на заробиткы. Диждалы лита. Отъ одынъ прыходе до другого: „брате, ходимъ на заробиткы". „Ходимъ". Зибралысь и пишлы.

Прыйшлы на Динъ. Поробылы тамъ лито, заробылы соби грошей карбованцивъ по висимдесятъ у лито. „Ну, теперъ, брате, ходимъ до дому". „Ходимъ". Пишлы.

На дорози одынъ зъ ныхъ занедужавъ; та такъ занедужавъ, шо зовсимъ не може йты. Отъ винъ и каже своему товарышу: „Брате, пидожды мене. Може я, дасть Богъ, трохы поправлюсь, то тоди и пидемъ у купи". А той каже: „Э, братъ, ни. Мени николы тебе ждать, ты може тутъ тыжнивъ и тры пролежышъ, а я все буду ждать тебе? Ни, братъ, пиду до-дому". „Брате, мы-жъ удвохъ ходылы на заробиткы,—удвохъ и до-дому пидемъ. Я заболивъ у дорози,—хто-жъ мене тутъ хворого догляне?" „А мени яке дило?" „Ну, Богъ зъ тобою, брате". А самъ ажъ заплакавъ. „Ну, колы ты, брате, не хочешъ мене ждать, то на-жъ тоби мои грошенята, та передай моїй жинци й дитямъ, и скажы имъ, шо я нездужаю, а якъ одужаю, то прыйду до-дому". „Ну, добре, давай". „На, братъ, та гляды-жъ оддай". „Оддамъ", каже. Узявъ гроши й пишовъ.

Оставсь цей хворый коло шляху. Сыдивъ, сыдивъ—одпочывъ трохы; трошкы мовъ легче ёму стало: „куды-жъ ёго теперъ иты?.." А пыть хоче, ажъ смага на губахъ, а нема блызько й воды. Уставъ, звернувъ зъ шляху, пишовъ долыною.—Иде, та ажъ пада,—такый слабый. Колы се дывытся—стоить крынычка недалечко. Насылу сердега до неи ногы доволикъ; якъ допавсь до неи, якъ напывсь, та такъ ажъ немовъ подужавъ: „ну, теперъ", каже, „слава Богу, мовъ легче стало". Вынявъ скорынку хлиба, шо була въ ёго въ торбыни, розмочывъ іи въ крыныци, тай йисть. Колы се чуе—шось брязчыть; дывытся—бижыть собачка маленька зъ дзвоныкомъ на шыи. Прыбигла до ёго, та: „дзявъ-дзявъ-дзявъ". Винъ ій кынувъ скорыну, а вона не йисть—тилько понюхала. „Э, це", каже, „мабудь багачева собака.. Мабудь, шо въ багатыхъ лучче собакы йидять, якъ мы бидни, шо й цёму сухареви ради... бачъ", каже, „хлиба не йисть. А де-жъ це іи хазяинъ?" Колы це дывытся—иде здоровенный чоловикъ: борода

чорна, у брыли, въ самій сорочци и въ билыхъ штаняхъ. Прыйшовъ до ёго: „Здоровъ“, каже, „бувъ“. „Здорови“. А самъ ажъ злякався. „А куды се ты йдешъ?“ „До-дому йду“. „Де-жъ ты бувъ?“ „На заробиткахъ бувъ“. „А шо багацько грошей заробывъ?“ „Ни, не багато. Заробывъ бувъ трохы, та занедужавъ, та передавъ товарышеви моёму, шобъ до-дому 'днисъ“. „Брешешъ. Вы все такъ кажете“. „Ни“, каже, „ій Богу“. „А розберысь лышъ—та мабудь де або въ штаны, або въ чоботы, або въ онучи ихъ заховавъ“. Розибравсь винъ.—Винъ подывывсь скризь—нема ничого. „Чы вже-жъ ты зъ собою не несешъ ничого? Прызнавайсь; ты мабудь ихъ де закопавъ, або що?“ „Ни“, каже „Ни, голубе, я тоби такъ виры не пойму“. Выйма зъ-за халявы нижъ прездоровенный; потимъ вынявъ зъ торбыны кусокъ сала, покрышывъ ёго, вынявъ хлибъ, одшматувавъ два кускы хлиба, одынъ соби, а другый ёму кынувъ. Настромывъ на нижъ кусокъ сала—пидносыть ёму до рота: „а на, лышь, йижъ. Якъ ты правду кажешъ, то не злякаешся съ цёго ножа йисты, а якъ неправду, то цей нижъ буде въ тебе въ горли“. „Давайте“, каже. Настромывъ—дае, и самъ такъ-же йисть зъ ножа; ёму подасть кусочокъ на ножи й соби пиднесе. Сей дывывсь, дывывсь: „Господы“, каже, „Мылостывый, просты мене гришного... винъ губыть людей, такъ годи-жъ губыть и ёму“. Та тилько шо винъ настромывъ сало на нижъ, та донисъ соби до рота,—сей якъ розмахне рукою, якъ штовхне ёго по руци, такъ нижъ ёму ажъ у потылыцю вылизъ. Тилько забелькотавъ,—бильшъ ничого... Собачка якъ заскиглыть, та такъ якъ заплакала. Та понюхала шо кровъ, та одъ ёго якъ дремене... Винъ ёго заразъ розибравъ,—колы въ ёго кругомъ чересы повни золотомъ набыти. Забравъ винъ усе чысто, а ёго одволикъ у болото тай покынувъ. А самъ перехрестывсь: „просты мене, Господы!“ Тай пишовъ.

„Куды-жъ мени теперъ иты? Не пиду тымъ шляхомъ, де йшовъ, а пиду долыною“. Звернувъ зъ шляху, пишовъ долыною. Ишовъ, зайшовъ—колы дывытся лисъ; изъ долыны въ лисъ стежка йде... Зайшовъ винъ тыею стежкою далеко въ лисъ. Колы дывытся,— стоить хата: „ну“, дума соби, „це лисныччый жыве. Переночую въ ёго, а завтра вранци пиду“. Прыходыть до хаты,—дывытся, сыдыть на прызьби дидъ сывый, якъ молоко, зъ довгою, ажъ по самый поясъ, бородою. „Здорови, диду“. „Здоровъ, чоловиче“. „Чы не можно-бъ у васъ, диду, переночувать?“ „Э-э, сыну, воно-бъ можно, якъ-бы не прыйшовъ“. А самъ тилько зитхнувъ. Колы се дывытся, выбига зъ

хаты собачка зъ дзвоныкомъ... Винъ якъ побачывъ, та ажъ похоловъ. „Боже мій, це батько ёго жыве тутъ... оце вже попавсь“. Колы молодыця выйшла зъ хаты, тай каже: „шо це, тату, наша собачка все скиглыть тай скиглыть, чы не зробылось ёму чого, бо шось нема довго“. А старый каже: „тай давно-бъ пора... Уже скилько душъ загубывъ... Уже я черезъ ёго й посывивъ дуже... Хиба въ насъ ничымъ жыть чы що? Шо-жъ будемъ робыть зъ такымъ хорцызякою?!“ А винъ и спытавсь: „про кого це вы, диду, балакаете?“—„Да це“, каже, „сынъ мій... тилько те й робыть, шо зъ ножемъ за халявою ходыть, та не найдется добрый чоловикъ, шобъ и ёму вику вкоротывъ... може-бъ я хочъ на старисть хочъ трошкы-бъ одпочывъ... а то я вже ослипъ, плачучы за ёго... Така вже мабудь Божа воля... Шо-жъ будемъ робыть, колы таке зародылось... Иды, чоловиче, одъ насъ, та не иды тилько ціею дорогою, а йды оціею: бо винъ якъ попадется тоби на дорози, то й тебе заневи́чыть“. Молодыця впьять выйшла зъ хаты, та такы впьять: „що це, тату, за знакъ, шо ёго нема такъ довго?“ А цей самъ соби дума: „ни вже“, каже, „й не буде“. Попрощавсь зъ дидомъ и пишовъ. Выйшовъ зъ того лису, зійшовъ на шляхъ. Колы дывытся—йидуть чумакы. Винъ попросывсь до ихъ на визъ; воны ёго пидвезлы. Винъ ихъ подякувавъ, та й пишовъ пишечкомъ до свого села.

Прыходыть до-дому—жинка рада. Винъ пытается: „а шо, чы прыйшовъ Трохымъ Верныгора?“ „Ни“, каже, „нема“. „Шо-жъ це за знакъ? Винъ уже тыжнивъ зъ тры якъ покынувъ мене; я занедужавъ у дорози, а винъ не схотивъ мене ждать, тай пишовъ. Я-жъ ёму ше й гроши передавъ, шобъ винъ тоби оддавъ“. „Ни“, каже, „не було ёго, не прыносывъ и грошей...“

На другый день жинка ёго прыходыла пытаться за свого чоловика. „Не знаю“, каже, „де твій чоловикъ, винъ ранишъ мене пишовъ. Я ше ёму и гроши передавъ, шобъ винъ моій жинци однисъ. а ёго й доси нема...“

Диждавшысь недили, пойихавъ цей у городъ на базаръ. Прыйихавъ у городъ, колы дывытся--купа людей иде по вулыци. Винъ пидйихавъ блыжче... Такъ и не дотовпытся—така купа. Винъ спытавсь шо тамъ таке? „Та це“, кажуть, „ведуть розбышаку зъ такогото села; чы не знаешъ, бува, ты?“ „Знаю“, каже, „я самъ видтиля“. „А знаешъ Верныгору?“ „Знаю. А шо винъ зробывъ?“ „Та якого-сь чоловика вбывъ, та забравъ одъ ёго гроши, та за це ёго въ Сибирь

скоро зашлють“. Якъ почувъ винъ се, та ажъ злякався: „Господы! а жинка жде дома... а винъ ажъ ось де...“ А потимъ скынувъ шапку, та перехрестывсь: „просты ёму Господы!“

Прыйихавъ до-дому, да й каже ёго жинци: „не жды ты свого чоловика до-дому; а колы хочешъ ёго побачыть, такъ иды швыдче въ городъ, покы не одвезлы ёго въ Сибирь... бо я ёго самъ тамъ бачывъ...“ Бидна жинка пишла въ городъ, думала чы не вызволыть ёго якъ-небудь... Ни вже... не поможе...

Закувалы,
Тай у Сибирь закасувалы...

1 лютого 1879 року.

Письня.

За нашою слободою
Росте верба пидъ горою—(2)
Пидъ горою зъ ялыною,
Зъ червоною калыною. (2).
Пидъ вербою крыныченька,
Тамъ холодна водыченька (2),
Тамъ дивчына воду брала,
Козаченька прывитала (2)
И коныка напувала
И серденькомъ называла, (2)
И до себе пидмовляла
И словамы промовляла: (2)
„Козаченьку, серце, мылый!
Куды йидешъ зъ Украины? (2)
Чы у поле погуляты,
А чы зъ туркомъ воюваты? (2)
Чы на пичку до дивчыны,
А чы въ військо до Дунаю?
Чы зъ прыказомъ одъ гетьмана?“ (2)
— „Правду кажешъ, дивчынонько,
Шо я йиду въ свое військо. (2)
Ой дивчыно, чаривнычко,

Ой дай мени свою ручку. (2)
Ой дай мени свою ручку,
Я ночую въ тебе ничку“. (2)
Взяла коня пидъ оброды,
Тай повела до господы. (2)
Ище пивни не спивалы,
Козакъ коня вже сидлае, (2)
А дивчына помагае
И словамы промовляе: (2)
„Гляды-жъ, серце, козаченьку,
Не забувай дивчыноньку. (2)
Якъ ты будешъ зъ туркомъ драться,
Гляды-жъ, серце, не сміяться (2)
Зъ тыи зъ кимъ ты женыхався“.
„Не плачъ, дивко, моя рыбко,
Я вернуся дуже швыдко“. (2)
Дала ручку тай зомлила,
На лыченьку поблиднила. (2)
Вдарывъ коня поводамы,
Тай сховався за горамы. (2)
Стоить дивка середъ степу,
Середъ степу якъ тополя, (2)
Середъ степу якъ тополя,
Умываеться слёзамы. (2)

1879 року

НА МЕРТВОЙ ТОЧКѢ.

(Замѣтки читателя).

IV.

Повѣсть г. Лукіяновича «За Кадильну» (Львовъ, 1902) касается одного изъ самыхъ наболѣвшихъ вопросовъ среди галицкихъ вообще крайне запутанныхъ аграрныхъ отношеній. Крестьянская реформа въ Австріи, въ Галичинѣ въ особенности, была проведена въ высшей степени несовершенно и односторонне, при чемъ допущена была даже масса прямыхъ злоупотребленій въ пользу помѣщичьяго класса при надѣленіи крестьянъ землею и урегулированіи сервитутовъ. Это несовершенство крестьянской реформы, допускавшее возможность злоупотребленій въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, произвело такую путаницу въ земельныхъ отношеніяхъ, породило столько роковыхъ для крестьянъ недоразумѣній и, какъ результатъ послѣднихъ—судебныхъ процессовъ и экзекуцій, что вся вторая половина XIX в. для галицкаго крестьянина можетъ быть характеризована, какъ одна великая тяжба за мизерное существованіе, воплощаемое въ образѣ земли-кормилицы. Судебные процессы за землю, «ліси і пасовиська», непрерывнымъ рядомъ тянутся отъ самаго освобожденія крестьянъ въ Галичинѣ, не встрѣчаясь нигдѣ въ Европѣ въ подобныхъ размѣрахъ, и красною нитью отмѣчаютъ жестокую, безжалостную борьбу за существованіе между разыгравшимися аппетитами съ одной сто-

роны и темной крестьянской массой съ другой. Страдательной стороной въ этой борьбѣ явилась, конечно, послѣдняя: инстинктивно чувствуя беззаконіе продѣлываемыхъ надъ собою экспериментовъ, темная масса оказывалась тѣмъ не менѣе вполнѣ беззащитной предъ неумолимымъ порядкомъ формальныхъ тонкостей юридической казуистики и судебные процессы проигрывала правильно одинъ за другимъ во всѣхъ инстанціяхъ. Галицкій землевладѣлецъ изъ суда формальнаго вышелъ оправданнымъ, хотя предъ судомъ исторіи оставленъ, конечно, въ болѣе чѣмъ сильномъ подозрѣніи. Къ сожалѣнію, роль галицкой интеллигенціи въ этомъ процессѣ освобожденія крестьянъ отъ земли была въ высшей степени двусмысленной, чтобы не сказать—прямо преступной по отношеніи къ народу. Будучи поглощена всецѣло рѣшеніемъ такихъ, должно быть, громадной важности и первостепеннаго жизненнаго значенія задачъ, какъ вопросы азбучнаго, орфографическаго и обрядоваго характера, интеллигенція совершенно забыла о реальныхъ нуждахъ и потребностяхъ народа и, спасая Русь, конкретное воплощеніе этой Руси—народъ—предоставила своимъ собственнымъ силамъ въ жестокой борьбѣ за существованіе. Къ еще большему, быть можетъ, прискорбію, она не позаботилась даже о томъ, чтобы собрать достаточное количество фактическаго матеріала—въ видѣ ли подлинныхъ документовъ или же художественныхъ произведеній бытового характера—для будущаго суда исторіи. Какъ бы то ни было, но вѣковая тяжба галицкаго мужика за землю нашла лишь слабый сравнительно съ значеніемъ дѣла отзвукъ въ произведеніяхъ мѣстныхъ украинскихъ писателей, какъ и до сихъ поръ, впрочемъ, народъ и народная жизнь не играетъ въ мѣстной литературѣ той роли и не подвергается обработкѣ въ томъ объемѣ, которые вытекаютъ изъ самого положенія дѣлъ въ Галичинѣ. Художественная литература до самаго послѣдняго почти времени ограничивалась чисто случайными попытками въ этомъ направленіи, и лишь въ послѣднія два-три десятилѣтія, когда опредѣленное демократическое міровоззрѣніе выдвинуло было неподдѣльный интересъ къ жизни обездоленной массы, это эпизодическое, можно сказать, отношеніе представителей литературы къ народу получило нѣсколько иной характеръ...

Къ числу немногочисленныхъ попытокъ художественной разработки и освѣщенія одного изъ эпизодовъ въ вѣковой тяжбѣ галицкаго крестьянина за «ліси і пасовиська» принадлежитъ и названная повѣсть г. Лукіяновича. Кадыльна—названіе лѣса, составлявшаго предметъ спора между помѣщикомъ и крестьянами, и авторъ очевидно имѣлъ въ виду художественно изобразить эту неравную борьбу, въ которой съ одной стороны выступаетъ помѣщикъ, имѣющій за собой покровительство формальнаго закона и въ случаѣ нужды прибѣгающій даже къ закулиснымъ воздѣйствіямъ, а съ другой—крестьянская масса въ лицѣ Дмытра Галюты, чувствующая за собой лишь моральное право, но не обладающая способностью даже мало-мальски обосновать это право, не говоря уже о защитѣ и осуществленіи его. Какъ видитъ читатель, моментъ избранъ авторомъ чрезвычайно удачный; для талантливаго писателя настоящая тема даетъ въ высшей степени благодарный матеріалъ, представляющій полный просторъ и возможность развернуть свои силы и проявить ихъ въ цѣломъ рядѣ глубоко драматическихъ положеній. И однако, несмотря на весь глубоко захватывающій драматизмъ и проистекающій отсюда интересъ сюжета, повѣсть едва-едва можно одолѣть: даже особенно настойчивый и въ своей настойчивости упорный читатель можетъ воспринимать ее лишь небольшими порціями, не будучи въ силахъ превозмочь ту гнетущую тоску и скуку, которыя навѣваются этой крайне интересной, повторяемъ, по замыслу повѣстью. Зависитъ это прежде всего отъ того, что вся повѣсть разработана мозаичнымъ способомъ, по методу Галая, и состоитъ изъ ряда картинъ, сценъ и положеній, связанныхъ между собой чисто внѣшнимъ образомъ и лишенныхъ той внутренней связи, которая одна только придаетъ художественному произведенію характеръ стройности, цѣльности и законченности. Мало того, даже и возбуждая у читателя какой-нибудь картинкой или отдѣльнымъ положеніемъ интересъ, произведеніе г. Лукіяновича не только не въ состояніи поддержать его, но какъ будто нарочно, съ помощью неудачныхъ пріемовъ, силится сейчасъ же его уничтожить, вызывая этимъ лишь чувство неудовлетворенности и досады по адресу автора, не сумѣвшаго использовать находившійся въ его распоряженіи прекрасный матеріалъ. Образъ идеальнаго борца за правду и общественные интересы, сжившійся со своей idèe fixe

до полной потери различія между явленіями дѣйствительности и плодами собственной фантазіи, г. Лукіяновичу совершенно не удался и лишенъ плоти и крови на столько, что представляется лишь блѣдной абстракціей, какой-то ходячей формулой, въ которую авторъ вкладываетъ содержимое по собственному произволенію. Вся обстановка повѣсти, несмотря на опредѣленныя географическія названія, вращается гдѣ-то въ пространствѣ и потому лишена особенностей, типичныхъ для данной мѣстности, для данныхъ людей, хотя и загромождена массой несущественныхъ подробностей. Перспектива во времени не соблюдена, читателю нѣтъ возможности разобраться со всею ясностью и опредѣленностью въ излагаемыхъ событіяхъ: отсюда спутанность и неясность—основныя черты произведенія г. Лукіяновича. Благодаря указаннымъ чертамъ, оно вышло на столько блѣднымъ, оторваннымъ отъ живой дѣйствительности, лоскутнымъ и чуждымъ художественнаго синтеза, что даже лицамъ, хорошо знакомымъ съ галицкой жизнью, во многихъ подробностяхъ останется совершенно непонятнымъ. И при этомъ еще чрезмѣрное пристрастіе автора къ символистикѣ и олицетворенію природы,—это пристрастіе, доходящее до крайняго злоупотребленія олицетворяемостью, до невыразимыхъ курьезовъ и сообщающее повѣсти характеръ дѣланности, вымученности и выдуманности, лишаетъ ее необходимой простоты и искренности. Чего-чего только нѣтъ у г. Лукіяновича, на какіе курьезы только не натыкаешься! Здѣсь мы встрѣтимъ и снѣгъ, отличающійся отъ обыкновеннаго *чернымъ* цвѣтомъ (стр. 204), и морозъ, который обладаетъ совершенно несвойственными качествами: схватываетъ, напр., героя за плечи, оборачиваетъ его назадъ и даже толкаетъ (78); найдемъ и женское рыданіе, которое «котылося по полю и стелылося по скыбахъ на з'ораній рилли», при чемъ «за нымъ надбигъ мужчынськый (!) плачъ якъ витеръ, якъ выхоръ» (90), и многіе другіе перлы, являющіеся плодомъ отмѣченнаго пристрастія автора къ образности и символамъ. Извольте, напр., угадать, о чемъ идетъ рѣчь въ слѣдующихъ отрывкахъ изъ повѣсти г. Лукіяновича. «Колы (сонце) пидбылося высоко, тоди видъ сходу, геть за обріемъ надйихавъ велычезный паро-

хидъ и гнавъ кругомъ, але не було його выдко, тилькы на овыди пересувався за нымъ стовпъ дыму и пары клубамы, якъ звычайно за пароходомъ. Сунувся скоро, тягнувъ за собою довгу смугу и на заходи, на найдальшій точци запався пидъ поземъ овыду, и зныкла пара и дымъ зъ його велыкого комына» (95). Первой мыслью, какая придетъ въ голову при чтеніи приведеннаго отрывка, будетъ, что мы присутствуемъ при блокадѣ Портъ-Артура японцами, или по крайней мѣрѣ читаемъ одну изъ картинныхъ корреспонденцій г. Немировича-Данченко съ театра военныхъ дѣйствій; а между тѣмъ это г. Лукіяновичъ описываетъ такъ всего лишь обыкновенный облачный день... «Бигло до Доцькы (дѣвушка, моющая бѣлье ниже плотины) стадо гусей, одна пры другій, лопотилы крыламы, вытягалы шыю и сычалы, малы іи задзьобаты. Заглушылы якогось прохожого, выскочылы дивци на плечи, обступылы іи и струтылы у «выръ», а якъ вона упала, ще іи былы зъ горы и вона ажъ килька крокивъ за выромъ выплыла» (181). Если бы къ этимъ гусямъ, которые, по мысли г. Лукіяновича, должны изображать собою не что иное, какъ хлынувшую изъ открытаго шлюза воду, прибавить еще извѣстную шишку, находящуюся, по компетентному свидѣтельству Поприщина, подъ носомъ у бея алжирскаго, то эффектъ, мы думаемъ, получился бы еще полнѣе, и напрасно авторъ не воспользовался такой удачной идеей... Эти и подобныя грубо и наивно-символистическія мѣста въ повѣсти г. Лукіяновича (а ихъ очень и очень много) представляютъ собою въ родѣ какъ бы заплаты изъ другой матеріи и другого цвѣта и, оттѣняя лоскутное происхожденіе повѣсти, усиливая лоскутный характеръ ея, своимъ вымученнымъ разнообразіемъ до крайности раздражаютъ читателя. Читатель въ концѣ концовъ просто устаетъ слѣдить за капризными скачками въ изложеніи, за невѣроятными, плохо придуманными образами и начинаетъ относиться совершенно равнодушно и къ содержанію. Прибавьте къ этому еще тяжелое изложеніе, также не безъ претензій на образность [1]), при

[1]) Exemplum: «*перло* зъ неи несамовытый голосъ, а за голосомъ *пидсувалыся внутренности вгору*» (139)—по красотѣ и изяществу данный образъ не боится, конечно, соперниковъ!..

чемъ образы г. Лукіяновича не всегда даже оригинальны [1]),—и вы будете имѣть полное представленіе о художественныхъ силахъ и пріемахъ автора. Интересный, захватывающій сюжетъ оказался совершенно не по плечу г. Лукіяновичу, не сумѣвшему сладить съ избранной темой и неудачно маскирующему свое неумѣніе и безпомощность вышеприведенными заплатами другого цвѣта. Вмѣсто широкой картины борьбы на соціальной и экономической почвѣ мы видимъ лишь узенькую, чисто личную борьбу автора, устраивающаго самому себѣ скачки съ препятствіями и даже не устраняющаго, а просто обходящаго эти препятствія, и при томъ не прямо, а съ вычурностями, неестественными замашками и ужимками. Тяжелое впечатлѣніе производитъ это зрѣлище, какъ и вообще всякій видъ человѣка, надрывающагося подъ тяжестью непосильной работы, но это обстоятельство не увеличиваетъ, конечно, художественныхъ достоинствъ повѣсти г. Лукіяновича...

Прямую противоположность ей по содержанію, но большое сходство по пріемамъ обнаруживаетъ повѣсть г. Яцкова «Огні горять», вышедшая въ томъ же 1902 году во Львовѣ,—съ тою развѣ только разницей, что эта послѣдняя и содержаніемъ, и пріемами, и, наконецъ, характернѣйшимъ предисловіемъ автора возбуждаетъ еще большее недоумѣніе. «Лисъ купается въ сонци, пидъ смерекою дримає чоловикъ. Верхомъ лиса лынуть горилыцѣ богыни, ихъ здоганяють богы, скобочуть та граються зъ нымы. Шум(л)ять палки, прыстрасни хыхоты й шепоты» (стр. 3)—таковъ начальный аккордъ, прелюдія къ повѣсти, и, нужно отдать автору справедливость, прелюдія эта служитъ прекраснымъ вступленіемъ къ произведенію г. Яцкова, ярко характеризуя ея основную идею, выражающуюся съ одной стороны неясными, начи-

[1]) Ср., напр., фразу «журба з-за кождого угла выхыляла своє блиде лыце середъ питьмы» (147), почти дословно повторяющую извѣстное выраженіе г. Франка: «Зъ густои тьмы журба якась могыльна выхылює лыце своє блиде» («Зівяле листе», Львів, 1896, стор. 34).

ная уже съ заглавія, туманными символами, а съ другой—самыми откровенными порнографическими подробностями. Эти послѣднія въ такомъ изобиліи уснащаютъ страницы произведенія г. Яцкова и приводятся въ такомъ отборномъ, такъ сказать, видѣ, что вся повѣсть представляетъ собою нѣчто въ родѣ грязной клоаки, въ которую спеціально сваливались всѣ отбросы, всѣ нечистоты, лежащія позорнымъ пятномъ на человѣчествѣ. Впрочемъ къ этой сторонѣ повѣсти г. Яцкова мы принуждены будемъ еще вернуться, а теперь займемся ея содержаніемъ.

Героиней повѣсти является Нина Куликова, дочь странствующаго художника, не лишеннаго таланта, но рано свернувшаго на избитый, шаблонный путь и этимъ свой талантъ зарывшаго въ землю. На первыхъ страницахъ повѣсти героиня возбуждаетъ симпатіи читателя: это дѣвушка способная довольно развитая, заботящая о своемъ самообразованіи, что́, по словамъ г. Яцкова, ставило ее даже «на чоли жиноцтва» (стр. 36) въ томъ маленькомъ провинціальномъ городишкѣ, гдѣ она живетъ съ матерью и братьями. Нина усвоила опредѣленные вгляды на жизнь («жыття—то обовязокъ. Си слова не сходять мени николы зъ мысли»—41), имѣетъ ясное гуманическое міросозерцаніе, обладаетъ чуткимъ до всякаго горя и несчастья сердцемъ. Можно догадываться, что такое міровоззрѣніе сложилось въ Нинѣ столько же благодаря природнымъ качествамъ ея ума и сердца, сколько и вліянію гимназиста Остапа, къ которому Нина чувствуетъ сердечную склонность и пользуется полной взаимностью. И вдругъ, на протяженіи весьма короткаго, хотя авторомъ опредѣленно и не обозначеннаго, времени въ эту чистую, симпатичную, идеалистически настроенную дѣвушку вселяется по истинѣ какой-то бѣсъ похотливости, въ самомъ низменномъ, самомъ отвратительномъ значеніи этого слова. Читатель сначала теряется и недоумѣваетъ, неожиданно натыкаясь на неимовѣрно грязныя подробности похожденій этой внушившей ему на первыхъ порахъ симпатіи дѣвушки и не находя рѣшительно никакого объясненія столь вне-

запной перемѣнѣ, не встрѣчая даже и намека на разрѣшеніе этой наглядной несообразности. Предположить, что имѣешь дѣло съ клиническимъ субъектомъ—невозможно, такъ какъ для этого, во-первыхъ, потребовалась бы и соотвѣтственная клиническая обстановка, въ повѣсти г. Яцкова отсутствующая, а во-вторыхъ, въ предисловіи, къ которому мы еще возвратимся, самъ авторъ рѣшительно опровергаетъ мысль объ исключительности сообщаемыхъ имъ явленій. Но вызванное пріемомъ г. Яцкова недоумѣніе быстро смѣняется чувствомъ отвращенія, такъ какъ авторъ въ изображеніи нечистоплотныхъ подробностей переходитъ рѣшительно всякую мѣру, теряетъ границу, за которой начинается уже болѣзненный бредъ нимфомана, вездѣ и всюду видящаго одни лишь скотскія вожделѣнія. Дѣйствующія въ повѣсти г. Яцкова лица, за исключеніемъ лишь одного невозможно-добродѣтельнаго философа Остапа,—это дикое скопище какихъ-то «одержимыхъ» въ спеціальномъ смыслѣ этого слова, какихъ-то двуногихъ звѣрей, безпрерывно, какъ звѣри, вожделѣющихъ и своими нечистыми вожделѣніями наполняющихъ всѣ свои дѣла, слова и помышленія. Эти вожделѣнія, повидимому, и есть тѣ на первый взглядъ нѣсколько загадочные «огни», которыми озаглавилъ г. Яцкивъ свою повѣсть. Но дѣйствующими лицами дѣло не ограничивается: въ унисонъ съ ними поетъ и самъ авторъ, заимствующій даже большинство своихъ образовъ и сравненій именно изъ сферы животныхъ отношеній [1]). И въ перемежку съ отвратительно грязными и черезъ-чуръ откровенными подробностями идутъ мистико-символистическія тонкости, заставляющія г. Яцкова въ производствѣ, напр., героиней выкидыша, вмѣстѣ съ побѣдой надъ «фальшывою суспильною етикою», видѣть то, «що́ вміє пошануваты лышъ Богъ и поетъ» («якъ бидна пташына на гнизди» (стр. 132)—сантиментально добавляетъ при этомъ г. Яцкивъ!); или же надѣлять неимовѣрно-до-

[1]) Директоръ «усмихнувся жовчно и стягнувъ цытрынове лыце вгору, якъ быкъ, що понюхавъ мокрый слидъ яливкы» (стр. 80); танцоры «гепнулысь обоє на землю, ихъ група нагадувала мотыля на жырафи» (95) и т. д., и т. д.

бродѣтельнаго Остапа способностью ясновидѣнія, чтенія чужихъ мыслей и прочими оккультическими свойствами. Рядомъ съ этимъ—удивительные по своей крайней наивности экскурсы въ область эстетики, политики и общественныхъ отношеній, вкладываемые авторомъ въ уста своихъ дѣйствующихъ лицъ и представляющіе невообразимую мозаику, невозможную окрошку какой-то доморощенной философіи, начиная съ антисемитизма, полонофобства и оканчивая «самобытной» теоріей полового подбора и лаконическими, но достаточно неудобопонятными афоризмами курьезной философіи Остапа. Эти несчастныя потуги г. Яцкова на глубину и оригинальность мысли возбуждали бы только гомерическій смѣхъ, если бы не были вставлены въ такую отвратительно-грязную порнографическую рамку, которая способна возбудить лишь омерзеніе. И опять характерная черта: излагая отъ имени гимназистовъ (кстати—третій-четвертый изъ нихъ—непремѣнно сифилитикъ, по опредѣленію г. Яцкова) всевозможную пошлую чушь, вовсе не характерную для говорящихъ—о томъ, напр., что «жыды—се сифилисъ въ арійськім расі» (стр. 96)—авторъ ничѣмъ не выдаетъ своего личнаго къ ней отношенія. Одно изъ двухъ: или г. Яцкивъ знаетъ настоящую цѣну этой чуши—тогда зачѣмъ онъ ее съ серьезнымъ видомъ излагаетъ? или же онъ считаетъ ее дѣйствительно плодомъ глубокой философской мысли, «зерномъ высшои думкы», какъ сказано въ предисловіи—тогда... тогда мы уже не знаемъ, что́ намъ думать о самомъ г. Яцковѣ. «Огні горять»—это нѣчто до такой степени уродливое по содержанію и по формѣ, по мыслямъ и по ихъ словесному воплощенію, что безъ колебаній это произведеніе можно поставить во главѣ того теченія, которое все яснѣе и яснѣе начинаетъ обрисовываться въ нашей литературѣ, проявляя себя оргіастическою разнузданностью и крайнимъ распутствомъ мысли. Всевозможныя «ari'и passionat'ы»—это ничто въ сравненіи съ произведеніемъ г. Яцкова, хотя несомнѣнно, что онѣ представляютъ первую ступень на этой лѣстницѣ разнузданности, начальный аккордъ, окрѣпшій и развившійся въ писаніяхъ гг. Яцкова, Крушельницкаго и имъ подобныхъ въ цѣлую гамму извращенныхъ инстинктовъ.

И что всего удивительнѣе: въ лицѣ г. Яцкова мы имѣемъ дѣло повидимому не съ обыкновеннымъ порнографомъ, а съ наивнымъ, но добросовѣстнымъ, по выраженію Прудона, развратителемъ въ своей порнографической дѣятельности, есть основаніе полагать, онъ является глубоко убѣжденнымъ человѣкомъ, видитъ въ ней ни болѣе, ни менѣе, какъ какую-то общественную миссію, которую и выполняетъ съ серьезностью, подобающею призванному къ выполненію высокой миссіи человѣку. «По що,—говоритъ онъ въ предисловіи,—«облиплюваты правду рожевымъ папиремъ, по що солодыты друковани слова, а крывдыты жыву, Божу, суспильну правду? Тому я старався, щобы ричъ выйшла вирна зъ кров'ю и кисткамы» (предисл. стр. Ш)... Соглашаясь заранѣе съ упреками относительно чисто техническихъ недостатковъ своего дѣтища, г. Яцкивъ рѣшительно возстаетъ противъ обвиненій въ тенденціозномъ подборѣ и освѣщеніи фактовъ: онъ, видите ли, излагаетъ ихъ въ такомъ видѣ, «якъ сотворывъ ихъ Всемогучый Богъ и могутня суспильнисть: тому,—добавляетъ онъ,—колы бъ мало упасты яке негодованя, то зрозумиты ясно, до кого передовсимъ мало бы воно звернутыся» (ib). Остановимся пока на этомъ «съ подлиннымъ вѣрно», которое самъ авторъ выдаетъ своему произведенію.

Г. Яцкивъ думаетъ, говоря иными словами, что его повѣсть представляетъ лишь зеркало, на которое, по пословицѣ, «нечего пенять, коль рожа крива»; все молъ, изложено имъ, г. Яцковымъ, согласно съ оригиналомъ, а если въ послѣднемъ имѣются койкакіе недостатки и недочеты, то извольте взыскивать со Всемогущаго Бога и могущественныхъ общественныхъ отношеній, создавшихъ и поддерживающихъ эти недостатки. Вопросъ о Всемогущемъ Богѣ мы оставимъ въ сторонѣ, какъ не подлежащій пересмотру въ человѣческой инстанціи, а вотъ относительно общества не прочь потолковать съ г. Яцковымъ. Мы вполнѣ понимаемъ обвиненія по адресу кого бы то ни было, но лишь при двухъ необходимыхъ условіяхъ: во-первыхъ, при наличности фактическихъ данныхъ, составляющихъ основаніе обвиненій, и во-вторыхъ, при добросовѣстномъ и строго объективномъ изложеніи этихъ данныхъ.

Но виноватъ ли обвиняемый, если ему приписывается дѣяніе, котораго онъ не совершалъ, или, въ крайнемъ случаѣ, даже совершенный имъ поступокъ изображается въ такомъ искаженномъ видѣ и преподносится въ такомъ ложномъ освѣщеніи, что совершенно расходится съ дѣйствительностью? Странный вопросъ!—скажетъ читатель,—да развѣ можно объ этомъ спорить: двухъ отвѣтовъ здѣсь вѣдь не можетъ быть. Да, но вотъ вамъ на лице г. Яцкивъ: выхвативъ своихъ героевъ изъ условій времени, мѣста и дѣйствительной среды, оторвавъ ихъ отъ реальной почвы и напичкавъ животными вожделѣніями, не сумѣвъ даже ихъ душевной жизни и отношеній изобразить хоть сколько-нибудь правдоподобно,—онъ предъявляетъ, тѣмъ не менѣе, обвиненіе къ обществу: смотри,—говоритъ онъ,—это твои дѣтища, ты создало ихъ такими. Поступая такъ, авторъ убѣжденъ очевидно, что можетъ быть и другой отвѣтъ на поставленный нами вопросъ и потому ни сколько не сомнѣвается въ своей правотѣ и правѣ предъявлять обвиненія; онъ совершенно не желаетъ замѣчать, что эти дѣйствительно уродливыя дѣтища—исключительно плодъ его личной богатой въ извѣстномъ направленіи фантазіи, а вовсе не дѣйствительности. Но г. Яцкивъ возражаетъ намъ въ предисловіи, что онъ именно старался изобразить все, «якъ у буденнимъ жыттю» происходитъ, что животныя вожделѣнія объяснены имъ, какъ результатъ воспитанія и примѣра, оказываемаго на дѣтей зрѣлищемъ грѣховъ родителей и среды. Что онъ старался по мѣрѣ силъ и даже сверхъ силъ своихъ—этому, конечно, повѣрить можно, но что изъ стараній этихъ выходитъ нѣчто неожиданное и противорѣчащее стараніямъ—это также несомнѣнно. Намѣреніе и исполненіе вѣдь вещи разныя и стараться не значитъ еще сдѣлать,—нагляднымъ примѣромъ является данное произведеніе, авторъ которой, по его словамъ, старался изобразить одну правду и только правду, а выполнилъ въ сущности лишь весьма некрасивую клевету на общество. Такихъ людей, какими изображаетъ г. Яцкивъ своихъ героевъ, въ дѣйствительности нѣтъ и быть не можетъ; подобные субъекты мыслимы лишь въ исключительной, клинической обстановкѣ, какъ ненормальныя, уродли-

выя уклоненія, а вовсе не какъ типичное явленіе, какимъ выставляетъ ихъ авторъ, не представивъ при этомъ ни соотвѣтственной обстановки, ни той реальной почвы, на которой могли бы произростать эти уродливыя уклоненія. Вѣдь нельзя же считать достаточнымъ объясненіе съ помощью того слишкомъ смѣлаго пріема, который г. Яцкивъ изображаетъ такъ: «зробимъ *однымъ розмахомъ* пересичь черезъ гимназіяльни муры та людськи черепы и вйдимъ безъ довгыхъ короводивъ у найскрытши глыбыны» (стр. 62). «Одного розмаху» для изображенія сложныхъ движеній личной и общественной психологіи слишкомъ недостаточно, и эта черезъ-чуръ смѣлая операція, свидѣтельствуя, объ отвагѣ, стремительности, и прочихъ, быть можетъ, и похвальныхъ качествахъ автора, обнаруживаетъ въ тоже время въ немъ непозволительно легкое отношеніе къ серьезной задачѣ. «Безъ довгыхъ короводивъ» проникнуть въ сокровеннѣйшія глубины, конечно, невозможно, иначе результаты, добытыя такимъ «дешевымъ коштомъ», будутъ столь же дешевой и цѣнностью обладать. Благодаря такому легкому отношенію къ дѣлу, г. Яцкивъ и изобразилъ изъ себя Галая: намѣреваясь затянуть серьезную «думку», онъ съ первыхъ же словъ сбился на самую разухабистую шансонетку и невѣроятно откровенную порнографію. Чѣмъ же виновато общество, если писатели типа Галай въ сущности сами хорошенько не знаютъ, что́ дѣлаютъ, и изображая плоды собственной фантазіи, принимаютъ ихъ за «жыву, божу, суспильну правду»? На общество такъ много падаетъ серьезныхъ грѣховъ, къ нему столько предъявляется обоснованныхъ обвиненій и лежитъ такая громадная отвѣтственность за дѣйствительныя его вины предъ отдѣльными членами и цѣлыми общественными группами (вспомнимъ только о проституціи и тому подобныхъ язвахъ общественной жизни), что сваливать на его голову еще и выдуманныя всевозможными Галаями прегрѣшенія— значитъ всѣ шишки валить на бѣднаго Макара, избраннаго почему-то всеобщимъ козломъ отпущенія. Это вѣдь даже не по рыцарски. Рожа то, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ крива, но и зеркало также не безъ грѣха, такъ какъ кривую физіономію общественныхъ отношеній оно искривляетъ до полной неузнаваемости и эту уродливую образину преподноситъ, какъ точное

воспроизведеніе оригинала, подписывая даже для большей убѣдительности—«съ подлиннымъ вѣрно»... Намъ нѣтъ никакого дѣла до «моралиствъ зъ профессіи», негодованіе которыхъ предвидитъ предусмотрительный г. Яцкивъ; мы являемся лишь однимъ изъ тѣхъ читателей, которые имѣли сомнительное удовольствіе познакомиться съ его книгой, и въ качествѣ обыкновеннаго читателя, во имя той самой живой общественной правды, на которую ссылается и авторъ, находимъ нужнымъ протестовать противъ тѣхъ отвратительно-грязныхъ измышленій, какія ему угодно выдавать за голую, неприкрашенную правду. Порнографія—не есть правда, равно какъ и порнографъ, хотя бы онъ назывался даже добросовѣстнымъ развратителемъ, въ своей наивности не вѣдающимъ, что́ творитъ,—не есть художникъ и литераторъ. Это явленія совсѣмъ особаго порядка, съ которыми литература не имѣетъ ничего общаго, хотя временами ей и приходится съ ними считаться. Поэтому то и тѣ будущіе плоды «вітхненоі думки», которыми грозитъ подарить насъ г. Яцкивъ (см. предисловіе, IV), едва ли могутъ обѣщать для нашей литературы что-нибудь успокоительное: timeo Danaos et dona ferentes...

Выше нами уже отмѣчена была несчастная склонность нѣкоторыхъ авторовъ, главнымъ образомъ г. Яцкова, производить неудачные экскурсы въ области, постороннія литературѣ. Эти экскурсы, иногда свидѣтельствующіе о добрыхъ намѣреніяхъ авторовъ, почти всегда своимъ лоскутнымъ видомъ обнаруживаютъ въ то же время полную неподготовленность ихъ къ разрѣшенію затрагиваемыхъ вопросовъ, достаточную наивность міросозерцанія и, наконецъ, очевидное неумѣніе связать эти отступленія съ содержаніемъ своихъ произведеній такъ, чтобы съ послѣдними они составляли одно цѣлое, а не вытыкались яркими заплатами другого цвѣта и изъ иной матеріи. Но г. Яцкивъ сравнительно еще былъ умѣренъ въ этомъ отношеніи, и г. Пидеша, авторъ повѣсти «Восток і Запад» (Коломия, 1903) заткнулъ за поясъ всѣхъ соперниковъ по этой части. На страницахъ нашего журнала былъ уже напечатанъ довольно въ общемъ благопріятный отзывъ объ этой книжкѣ, принадлежащій г-ну В. Д.

(см. январскую книжку за настоящій годъ), но мы радикально расходимся въ оцѣнкѣ повѣсти г. Пидеши съ нашимъ товарищемъ по журналу и, въ противоположность ему, видимъ въ ней лишь новое доказательство того угнетеннаго состоянія, въ которомъ пребываетъ наша современная литература въ лицѣ самыхъ молодыхъ своихъ представителей.

Жила да была одно время у насъ въ Кіевѣ молодая дѣвица, по имени Лина Верони; окончивъ московскій институтъ, гдѣ ее, во-первыхъ, обожали, а во-вторыхъ, наградили при окончаніи золотою медалью, она отправляется въ Цюрихъ и поступаетъ въ университетъ. Если вы подумаете, что Линою руководили интересъ къ наукѣ, любознательность или что-нибудь въ этомъ родѣ, то вы ошибетесь: наука, конечно, наукой, но главнымъ образомъ умыселъ тутъ былъ другой и побужденія нашей медалистки нѣсколько сложнѣе. Прежде всего—«кохання бажає циле іи єство» («Восток і Запад», стр. 20); она—по общимъ увѣреніямъ, красивая, привлекательная и умная дѣвушка—на свободѣ чувствуетъ себя тѣсно: ей нужно, чтобы кто-то болѣе сильный ограничилъ ея свободу и лишь тогда она почувствуетъ себя вполнѣ свободной. Чего лучше, думаете вы, но только зачѣмъ же по этому случаю ѣхать куда-то въ Цюрихъ и поступать въ университетъ? Вѣдь, навѣрное, и въ Кіевѣ нашелся бы охотникъ посягнуть на свободу Лины Верони—«сього цвиту по всьому свиту», какъ говоритъ пословица. Думая такъ, вы опять ошибаетесь, и авторъ серьезно и обстоятельно вамъ это разъясняетъ: въ Кіевѣ, къ сожалѣнію, избранника для Лины не оказалось, и это потому, во-первыхъ, что кіевскіе молодые люди говорятъ о равенствѣ женщины съ мужчиной—принципъ для особы, ищущей свободы въ ограниченіи, согласитесь, неудобный; а во-вторыхъ, у кіевскихъ молодыхъ людей, даже самыхъ красивыхъ, среди прочихъ недостатковъ—«и борода не до лыця«, и губы оказываются устроенными какъ-то по женски, а привередливая героиня «не хотила бъ цилуваты тыхъ жиночыхъ устъ у мужчыны» (стр. 16). Благодаря такому странному капризу природы, одарившей кіевлянъ женскими губами, Лина пришла къ убѣжденію, что только на Западѣ, въ Европѣ,

найдетъ она воплощеніе своей мечты, и очутилась поэтому въ цюрихскомъ университетѣ. Но все-таки—почему же въ университетѣ? недоумѣваетъ читатель: въ университетъ вѣдь поступаютъ, чтобы учиться, а не разыскивать избранниковъ; для послѣдней надобности въ изобиліи имѣются болѣе подходящія мѣста—ну хотя бы курорты, «воды» и т. п., какими Лина въ качествѣ особы, повидимому, состоятельной могла бы воспользоваться съ бóльшимъ удобствомъ. И опять г. Пидеша съ нарочито серьезнымъ видомъ разрѣшаетъ ваши недоумѣнія и сомнѣнія слѣдующимъ соображеніемъ: Лина убѣждена, что въ качествѣ ученой женщины она будетъ болѣе достойна того, кому достанется въ удѣлъ блестящій жребій—ограничить ея свободу. Наука для нея является лишь мостомъ, такъ сказать, къ высшей цѣли, хотя, впрочемъ, знакомымъ она повторяетъ старыя, избитыя фразы о служеніи ближнему. Послѣ столь обстоятельныхъ разъясненій личность Лины для читателя уже вполнѣ, надѣемся, установлена и не возбуждаетъ болѣе никакихъ сомнѣній; но къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ этимъ у читателя возникаетъ нѣкоторое недоразумѣніе съ авторомъ, который упорно все-таки продолжаетъ считать свою героиню натурой высшей и относится къ ней съ видимымъ почтеніемъ... Отправивъ, какъ бы то ни было, свою героиню въ Цюрихъ изучать науки, г. Пидеша, слѣдуя, вѣроятно, изрѣченію—«не добро человѣку быти едину», поспѣшилъ подъ стать великолѣпной Линѣ Верони создать не менѣе великолѣпнаго Степана Билоцеркивскаго. Послѣдній въ юности былъ послѣдователемъ Драгоманова, но придя къ туманному заключенію, что «въ його краини нема нiякиськои литературы, котра бъ дала пизнаты и зрозумиты хоть якъ такъ iи власный станъ цивилизацiйный» (стр. 30), а существующія книги ложатся на умъ только безполезнымъ балластомъ,—также стремится стать европейцемъ и отправляется сначала въ Вѣну. Здѣсь, не заглядывая по цѣлымъ мѣсяцамъ въ университетъ, онъ слушаетъ лекціи европеизма въ «кнайпахъ» и въ такихъ мѣстахъ, о которыхъ обстоятельный обыкновенно авторъ находитъ возможнымъ сказать только, что они окутаны «тайною ночи» (г. Яцкивъ не упустилъ бы, вѣроятно, удобнаго слу-

чая эти мѣста съ подобающею подробностью изобразить). Эти лекціи проводятъ, наконецъ, къ тому, что Степанъ расходится со взглядами Драгоманова, и такъ какъ «у його ще хаосъ» и «новый свитоглядъ у його що-йно формуеться» (стр. 34), то изученіе наукъ по «кнайпамъ» продолжается. Невинное времяпровожденіе нашего кандидата на европейца почему-то показалось подозрительнымъ австрійскому правительству (бѣдное австрійское правительство!), и Билоцеркивскій эмигрировалъ въ Цюрихъ. Героиня и герой сошлись въ одномъ городѣ, а такъ какъ Степанъ объ эманципаціи женщинъ и не заикался, да и вообще къ женскому вопросу относился трезво-реалистически, согласно почерпнутымъ въ «кнайпахъ» урокамъ, то и успѣлъ сразу же произвести неотразимое впечатлѣніе на Липу. Должно быть, при этомъ онъ и губы имѣлъ вполнѣ мужскія, такъ какъ весьма на этотъ счетъ требовательная Липа сразу же начинаетъ мечтать о томъ, «щобъ його губы іи цилувалы безъ впыну, до смерты» (стр. 46). Наука ей окончательно опротивѣла, альтруистическіе порывы начинаютъ казаться ей неискренними и по просту глупыми: «помагаты мужыкамъ добуты хлиба, колы сама гордышъ жыттямъ, въ котримъ тилькы йисться!»—восклицаетъ она, напр., и читатель такъ и ждетъ, что за этой негодующей фразой по старой институтской привычкѣ послѣдуетъ: «фи»... Чего, кажется, лучше, какъ соединить эти двѣ такъ близко подходящія души—тѣмъ болѣе, что и по артистическимъ наклонностямъ онѣ имѣли много общаго: она божественно играетъ, онъ не менѣе божественно поетъ,—но не тутъ то было: автору, очевидно, нравится немного помучить своихъ героевъ и онъ начинаетъ тянуть дѣло и разводить кисло-сладкую канитель. Такъ, изложивъ предварительно устами студентовъ и студентокъ различіе любви въ Россіи и въ Европѣ, г. Пидеша заставляетъ Липу обидѣть Степана до такой степени, что тотъ «ажъ заревивъ, такъ простогнавъ» (93). Оскорбленный Степанъ даетъ торжественный обѣтъ отомстить обидчицѣ, а такъ какъ на ловца и звѣрь бѣжитъ, то вскорѣ уже Липа проситъ у него позволенія отдохнуть «при васъ, на вашихъ грудяхъ» (105.—NB: эту фразу Липа произноситъ такъ по русски!),

а затѣмъ они и вовсе дѣлаются неразлучными. Справедливость требуетъ отмѣтить, что на первыхъ порахъ Лина и Степанъ пробовали еще было учиться, хотя «бильше просыджувалы у щастю» (107); но потомъ совершенно забросили науки и послѣ длинной канители возносятся, наконецъ, по счастливому выраженію г. Хоткевича. «на верхъ буття... туды... въ вично прекрасніи сферы, въ гармонію» (г. Пидеша выражается, впрочемъ, много проще). Свобода Линой Верони, казалось бы, обрѣтена, цѣль достигнута, но тутъ происходитъ нѣчто непостижимое: Степанъ присылаетъ вдругъ Линѣ символическую записку, въ которой между оффиціальнымъ обращеніемъ и подписью была изображена только длинная черта, и совершивъ сей поступокъ, въ просторѣчіи свинствомъ именуемый, нашъ европейскій сверхчеловѣкъ постыдно сбѣжалъ, оправдывая себя довольно неожиданно тѣмъ, что Лина оказалась женщиной, какъ и всѣ прочія. Послѣ скитаній по горамъ, при чемъ Степанъ то изъявлялъ желаніе вознестись къ звѣздамъ, то свои «очи концентрувавъ не на краевыди внишнимъ, а на внутришнимъ своеи души» (144), онъ, подобно блудному сыну, возвращается къ Линѣ. Происходитъ трогательная сцена примиренія. которую авторъ по просту отказывается описывать, но это послѣднее счатье было уже непродолжительно. Лина отъ перенесеннаго огорченія и потрясенія заболѣваетъ воспаленіемъ мозга и умираетъ, завѣщавъ свое тѣло сжечь, чтобы остаться вѣрной наукѣ, которой, напомнимъ, она весьма мало интересовалась.

Такая трогательная исторія, если вѣрить г. Пидешѣ, случилась въ счастливой Швейцаріи... Но къ сожалѣнію, какъ было уже сказано, у благодушнаго автора происходитъ съ читателемъ какое-то странное недоразумѣніе: все время г. Пидеша рисуетъ сверхчеловѣковъ, старательно выписываетъ каждую подробность, оттѣняетъ и подчеркиваетъ каждую черту, свидѣтельствующую о высшемъ якобы назначеніи его героевъ, словомъ, изо всѣхъ силъ тщится,—а читатель видитъ между тѣмъ только весьма посредственную индюшку и самаго несомнѣннаго жуира. Отчего получается такой странный результатъ, эта наглядная несообразность? Да все оттого же: и г. Пидеша принадлежитъ къ числу писате-

лей типа Галай. Облюбовавъ извѣстную тему, онъ рѣшительно не въ силахъ справиться съ нею, дать что-нибудь цѣльное и законченное, и свое безсиліе, недостатокъ наблюденій и проникновенія во внутреннюю жизнь своихъ героевъ стремится замѣнить собственными совершенно неправдоподобными выдумками. Поэтому все въ повѣсти г. Пидеши выдумано, мертво, разбавлено шумихой высокопарныхъ словъ, при чемъ авторъ, въ безграничной своей наивности, не понимаетъ даже хорошенько смысла сообщаемыхъ имъ фактовъ, не даетъ себѣ отчета въ томъ, что́ собственно онъ изображаетъ. Потому то, желая изобразить сверхчеловѣковъ, представителей высшей духовно породы людей, г. Пидеша сообщаетъ о нихъ рядъ такихъ комическихъ подробностей, какія производятъ впечатлѣніе обратное тому, на которое видимо разсчитывалъ авторъ. Сознательно онъ тщится поставить своихъ героевъ на пьедесталъ, а безсознательно—противъ собственной воли, но безжалостно—стаскиваетъ ихъ съ высоты и представляетъ въ юмористическомъ освѣщеніи. Что же касается художественныхъ пріемовъ г. Пидеши, то ихъ нельзя охарактеризовать лучше, какъ путемъ сравненія автора съ извѣстнымъ Пенёнжкой. Читатель навѣрное помнитъ эту великолѣпно очерченную фигуру изъ «Мартына Борули», совершенно утратившую власть надъ собственными мыслями и потому на каждомъ шагу допускающую невозможнѣйшіе скачки, длиннѣйшія отступленія, не идущія къ дѣлу вставки и т. п. Г. Пидеша во многомъ напоминаетъ этого Пенёнжку. Упомянетъ-ли онъ о воспитаніи—сейчасъ, бросивъ дѣйствующихъ лицъ, гдѣ придется, начинаетъ излагать всевозможныя теоріи воспитанія; обмолвится-ли о комъ-либо изъ дѣйствующихъ лицъ—при сей вѣрной оказіи не преминетъ подвергнуть анатомически-подробному описанію не только ихъ самихъ, но и тѣхъ изъ ихъ знакомыхъ, которые вовсе и не встрѣтятся въ повѣсти; скажется-ли случайное слово о путешествіяхъ—сейчасъ начинаются длинныя раце́и о томъ, что русскіе изъ путешествій не выносятъ ничего, тогда какъ европейцы, путешествовавшіе по Россіи, прекрасно знаютъ эту послѣднюю и т. п. И все чрезвычайно длинно, и все по пунктамъ: 1), 2)... Но верхомъ

курьеза, прекрасно характеризующимъ смѣхотворные пріемы г. Пидеши, представляется то, что въ повѣсти его *полностью* помѣщенъ рефератъ, содержащій сравненіе Россіи и Швейцаріи съ различныхъ точекъ зрѣнія и преисполненный обычными у нашего автора наивностями. Нечего и упоминать, что хоть сколько-нибудь правдоподобнаго образа жизни нашей молодежи въ Швейцаріи г. Пидеша не въ состояніи дать: для этого у него нѣтъ ни знанія этой жизни, ни способностей хотя бы посредственнаго бытописателя. Картину жизни, которая могла бы дѣйствительно представлять интересъ для читателя, онъ замѣняетъ собственными измышленіями, которыя, конечно, никакого интереса и ни для кого не представляютъ. Выдуманное, неестественное содержаніе, наивные, неумѣлые, чисто ученическіе пріемы, дубоватое изложеніе и при всемъ этомъ еще манерничанье и ломанье, заставляющее автора вылавливать изъ своей творческой фантазіи сомнительной цѣнности перлы, въ родѣ напр., что запахъ жасмина «робыть вражиння Шевченковои княгыни» (стр. 97)—все это сводитъ художественное и бытовое значеніе повѣсти г. Пидеши къ нулю.

Но сказаннымъ о разбираемой повѣсти нельзя ограничиться въ виду того обстоятельства, что произведеніе г. Пидеши не даромъ вѣдь носитъ интригующее названіе «Восток і Запад», и поэтому а priori уже можно думать, что содержаніе ея изложеннымъ нами романомъ между парой блистательныхъ сверхчеловѣковъ не исчерпывается. Заголовокъ указываетъ на то, что авторъ имѣлъ въ виду болѣе широкія задачи, чѣмъ личныя отношенія героевъ, и дѣйствительно г. Пидеша пытается представить антитезу между Западомъ и Востокомъ, беря эти понятія не въ географическомъ, конечно, а въ идейномъ смыслѣ. Повѣсть претендуетъ, такимъ образомъ, на широкое общественное значеніе и, можетъ быть, дѣйствительно представляетъ нѣкоторый интересъ, хотя бы какъ показатель тѣхъ теченій и взглядовъ, какіе господствуютъ въ извѣстномъ кругу, къ которому принадлежитъ авторъ. Переходя къ этой сторонѣ повѣсти г. Пидеши, мы прежде всего должны отмѣтить, что авторъ является убѣжденнымъ западникомъ, но къ сожалѣнію, западни-

чество его есть не болѣе, какъ вывернутое на изнанку московское славянофильство. Въ то время, какъ славянофилы выставляли аксіомой: гнилой Западъ и цвѣтущая Россія,—г. Пидеша переставляетъ въ этой формулѣ существительныя и получаетъ: зрѣлый, цвѣтущій Западъ и дикая, недоразвившаяся Россія. Это положеніе онъ комментируетъ и аргументируетъ но разные лады, но изъ всѣхъ его комментаріевъ и аргументовъ становится яснымъ одно—что г. Пидеша понятія не имѣетъ о томъ, о чемъ взялся писать, и потому сообщаетъ самыя невѣроятныя вещи. Онъ, напр., совершенно серьезно убѣжденъ и вовсе не шутя это доказываетъ, что люди «россійской цивилизаціи» считаютъ «кохання за найвыще, одыноке щастя» [1]) и вся повѣсть переполнена подобными же наивностями, показывающими, что авторъ не знаетъ самыхъ простыхъ вещей и съ плеча разрѣшаетъ самые сложные вопросы. Мы не будемъ останавливаться на плодахъ доморощенной философіи г. Пидеши, такъ какъ цѣна ихъ слишкомъ очевидна, но не можемъ не высказать крайняго удивленія предъ однимъ обстоятельствомъ—зачѣмъ понадобилось автору воскрешать по справедливости забытыхъ мертвецовъ славянофильства и, перекрасивъ ихъ сообразно собственному вкусу, пускать въ дѣло подъ флагомъ послѣдняго слова науки и общественности?

V.

Нами собрано на предыдущихъ страницахъ достаточное количество фактовъ, чтобы можно было приступить къ обсужденію

---

[1]) Этотъ курьезъ напомнилъ намъ другой, сочиненія уже г. Яцкова, который объясняетъ небольшой ростъ Нины—чѣмъ бы вы думали?—употребленіемъ чаю! Прекрасная иллюстрація къ утвержденію г. Пидеши, что Россію лучше можно изучить по произведеніямъ иностранцевъ, чѣмъ самихъ русскихъ. Отмѣтимъ кстати, что и г. Яцкивъ, и г. Пидеша, оба галичане, немилосердно коверкаютъ русскій языкъ, когда придетъ имъ охота приводить рѣчи собесѣдниковъ по русски. Ихъ попытки въ этомъ родѣ могутъ привести въ веселое настроеніе самаго мрачнаго читателя.

ихъ значенія и представить нѣкоторые общіе выводы. Наша современная литература, въ лицѣ младшихъ своихъ представителей, характеризуется прежде всего отрицательнымъ отношеніемъ къ своимъ предшественникамъ: все равно, высказывается ли это отношеніе открыто, или не высказывается—оно чувствуется съ обѣихъ сторонъ. Какъ будто бы прервалась преемственность идей— и не въ одной только сферѣ чисто литературныхъ отношеній—соединяющая разныя поколѣнія, и вмѣсто нея открылась зіяющая пропасть, раздѣлившая на два лагеря людей, у которыхъ несомнѣнно нашлось бы много общихъ интересовъ и стремленій. Намъ не нужно называть свидѣтельствующихъ объ этомъ фактовъ: они у всѣхъ предъ глазами и сказываются съ одной стороны жалобами на измѣну традиціямъ прошлаго, а съ другой—обвиненіями въ отсталости, въ непониманіи задачъ, выдвинутыхъ событіями послѣдняго времени и т. д. Но относясь отрицательно къ прошлому, наша молодая литература и общественность ни въ какой сферѣ не выдвинула ни одного дарованія на столько крупнаго и яркаго, ни одного таланта на столько сильнаго, которые создали бы нѣчто положительное и, собравъ вокругъ себя протестантовъ, сплотили ихъ, дали имъ толчокъ въ одномъ опредѣленномъ направленіи и сдѣлались ихъ вождями и руководителями. Оставаясь въ сферѣ чисто литературныхъ отношеній, мы должны отмѣтить, что предоставленные собственнымъ силамъ молодые представители нашей литературы идутъ вразбродъ, подражая, иногда же просто рабски копируя иностранные образцы и пересаживая заимствованные пріемы цѣликомъ на нашу почву. Это со одной стороны; съ другой—поражаетъ наблюдателя какое-то измельчаніе, если можно такъ выразиться, литературныхъ силъ. Старшіе писатели, при всѣхъ ихъ недостаткахъ и несовершенствахъ, имѣли одно крупное достоинство: у нихъ былъ—можетъ быть, и узкій—но опредѣленный кругъ наблюденій, въ которомъ они чувствовали себя, какъ дома; у нихъ было несомнѣнное знаніе жизни, ими выработаны были опредѣленные пріемы и болѣе или менѣе выдержанное и послѣдовательно проведенное міросозерцаніе. У младшей генераціи все это существуетъ въ очень слабой степени. Въ самомъ дѣлѣ, при-

смотрѣвшись внимательнѣе ко всѣмъ этимъ многочисленнымъ произведеніямъ, которыя прошли у насъ предъ глазами, мы не можемъ не обратить вниманія на удивительно бѣдный кругъ наблюденій и крайне мелкое захватываніе фактовъ изъ этого круга; вообще говоря, знанія жизни, той острой, крѣпко схватывающей предметы и явленія и быстро въ нихъ оріентирующейся наблюдательности, которая доставляетъ матеріалъ художнику, не хватаетъ нашимъ младшимъ писателямъ. Результаты этого на лицо въ видѣ неясной, неколоритной, расплывчатой манеры изображенія, болѣе или менѣе явной подражательности и, наконецъ, того поразительнаго изобилія мелкихъ миніатюръ, которое выше нами было отмѣчено. На широкій размахъ, на яркій образъ, на сильную картину не хватаетъ пороху, и потому всякій мелкій фактъ, незначительное событіе, случайно остановившее на себѣ благосклонное вниманіе мелочного наблюдателя, сейчасъ же заносится имъ на бумагу и возводится въ перлъ созданія—конечно, только въ воображеніи автора. Рабски придерживаясь голаго факта, боясь выступить за его крошечные предѣлы, не глубоко захватывая его,—что и можно создать, кромѣ сухого протокола, лишеннаго художественнаго обобщенія и потому никому не интереснаго, ничего не говорящаго ни уму, ни сердцу читателя? Но, какъ мы видѣли выше, даже и на такую несложную работу не всегда хватаетъ силъ у нашихъ молодыхъ писателей, и потому часто получаются результаты a-la Галай: затрагивая множество темъ, такіе писатели ни одной изъ нихъ не въ состояніи довести до благополучнаго конца, не испортивъ по дорогѣ до невозможности, не исказивъ до полной потери всякаго смысла и значенія. Да это и понятно: разъ знаніе жизни и воспріимчивая наблюдательность, добывающая живой матеріалъ для художника, отсутствуютъ, то при малѣйшей попыткѣ выйти за предѣлы простой копировки и протоколированья, приходится восполнять недостающее отъ собственнаго чрева. А результаты этого получаются еще плачевнѣе: вмѣсто голаго протокола—извращеніе и искаженіе дѣйствительности, выдумка, крайне тенденціозное освѣщеніе, погоня за вычурными образами и символами, натянутость, хо-

дульность, увлеченіе фразой и красивой позой въ ущербъ внутреннему смыслу, а отсюда—печать неискренности и дѣланности, лежащая на современной литературѣ какимъ-то несмываемымъ налетомъ. Читая отмѣченныя такой печатью произведенія, только диву цаешься: да откуда же, съ какой невѣдомой планеты слетѣли ихъ авторы? гдѣ слышали они эти ни въ какомъ человѣческомъ обществѣ немыслимые разговоры? съ кого писали эти уродливыя, карикатурныя образины, только отдаленнымъ образомъ напоминающія нѣчто въ родѣ человѣческаго лица?.. Жизнь съ ея крупными событіями, съ ея живыми заботами, частыми печалями и рѣдкими радостями проходитъ мимо этихъ наблюдателей; ихъ мелкій и узкій кругозоръ не въ состояніи охватить и вмѣстить живого разнообразія дѣйствительности и это обстоятельство роковымъ образомъ отражается на ихъ произведеніяхъ. Припомните цѣлый рядъ ихъ, прошедшій предъ нами на предыдущихъ страницахъ—всѣ эти «Турки», «Ari'и passionat'ы», «Руки», «Лиліи» вплоть до неуклюжихъ, грубо-тенденціозныхъ и вычурно-символистическихъ повѣстей г.г. Лукіяновича, Яцкова и Пидеши—и вы согласитесь что невниманіе къ живой жизни, пренебреженіе настоящей дѣйствительностью мститъ за себя жестокимъ образомъ...

Въ связи съ отсутствіемъ знанія жизни и недостаткомъ воспріимчивой наблюдательности стоитъ и отсутствіе яснаго міросозерцанія, одна изъ главнѣйшихъ причинъ современнаго нашего литературнаго и иного разброда и растерянности. Старшее поколѣніе,—мы имѣемъ въ виду то, которое открыто стало называть себя украинцами,—при нѣкоторой, допустимъ, узости своего міросозерцанія, имѣло все-таки нѣчто опредѣленное; имъ были выработаны или, по крайней мѣрѣ, твердо усвоены, положимъ, ошибочные идеалы,—но идеалы эти были, они освѣщали ихъ жизненный путь, направляли этимъ путемъ ихъ дѣятельность и объединяли ихъ дѣйствія въ правильную и планомѣрную систему. Опять съ сожалѣніемъ приходится отмѣтить, что этого нѣтъ у младшаго поколѣнія нашихъ писателей, а если и имѣются—то не идеалы, а идолы, передъ которыми требуется абсолютное преклоненіе, паденіе ницъ, исключающее всякую попытку критическаго

отношенія и провѣрки. Если идоломъ служитъ въ данный моментъ, скажемъ, символизмъ, то всякій несогласно мыслящій подвергается анаѳемѣ, оглашается отсталымъ, ничего не понимающимъ человѣкомъ, и напрасны будутъ всѣ доказательства: идолъ вѣдь не терпитъ критики, а допускаетъ лишь безграничное поклоненіе... И сказанное относится опять таки не къ одной лишь литературѣ, а объясняетъ и многія иныя явленія, проходящія у насъ предъ глазами; вѣдь только отсутствіемъ яснаго міросозерцанія и связанной съ первымъ шаткостью и неустойчивостью въ убѣжденіяхъ и можно объяснить ту быструю эволюцію, которую претерпѣли нѣкоторыя наши общественныя направленія, въ два-три года успѣвшія совершенно, до неузнаваемости, измѣнить свой обликъ... Въ литературѣ же отмѣченный недостатокъ развиваетъ индифферентизмъ къ общественнымъ вопросамъ, наклонность къ безпредметному протестанству, безграничному индивидуализму и туманному мистицизму, злоупотребленіе символистикой и то, наконецъ, блѣдное, поверхностное, не глубокое освѣщеніе изображаемыхъ событій, которое мы отмѣтили выше. Разрабатываемый сюжетъ, изображаемый фактъ не представляется лишь звеномъ въ общей стройной цѣпи событій, частью какого-то цѣльнаго организма; онъ не освѣщается соотвѣтственно опредѣленнымъ общимъ принципамъ, а берется самъ по себѣ, ставится торчкомъ, разрозненно, уединяется и изолируется отъ общихъ условій,—отсюда мозаичность и лоскутность нашей литературы. Вообразимъ только зданіе, построенное по такой системѣ, если вообще можно назвать системой полное отсутствіе всякой системы; предположимъ, что всякій каменщикъ ведетъ свою кладку, какъ ему угодно, не справляясь съ общимъ планомъ—можно, конечно, догадаться, что за чудное сооруженіе въ результатѣ такой работы получится! А между тѣмъ въ нашей литературѣ въ послѣднее время ведется именно такая работа: нашъ литературный Галай «въ одній хвыли и коломыйкы задробыть, и думкы затягне, и весильнои, и зъ псавтыри та гласивъ церковныхъ, и абы вамъ одну спиванку умивъ скинчыты». Растекаясь мыслію по древу, такой писатель въ буквальномъ смыслѣ «по-

писываетъ», не заботясь о томъ, что́ изъ этого выйдетъ, да и выйдетъ ли вообще что-нибудь, а читатель, не находя удовлетворенія своимъ запросамъ, начинаетъ терять терпѣніе и перестаетъ исполнять даже единственную несомнѣнно на немъ лежащую функцію—«почитывать» эти разрозненные клочки и лоскутики, носящіе громкое, но не по праву присвоенное имя—литературы... Если къ сказанному добавимъ еще отсутствіе общаго и спеціально художественнаго образованія, отличающее большинство нашихъ молодыхъ силъ и обнаруживающееся крайнею неумѣлостью и наивностью чисто техническихъ пріемовъ, то получимъ полную картину разсыпанной храмины нашего литературнаго зданія. Не забудемъ, что эта печальная картина получаетъ значеніе особенно грознаго предостереженія въ виду общаго положенія украинской литературы,—тѣхъ внѣшнихъ рамокъ, при которыхъ она лишена возможности свободнаго, не стѣсняемаго развитія, при которыхъ ей труднѣе, чѣмъ какой-либо иной, стряхнуть свои недостатки и сдвинуться съ той мертвой точки, на которой она остановилась.

Да, есть такое положеніе въ механикѣ, извѣстное подъ именемъ мертвой точки; приложенная къ находящемуся въ этомъ положеніи механизму сила не производитъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ условій, перемѣщенія его элементовъ, и механизмъ временно теряетъ способность къ движенію. Это положеніе покоя, недѣятельности, застоя, если хотите. Намъ кажется, что наша литература вступила именно въ полосу такой мертвой точки и пребываетъ на ней неподвижно, не имѣя пока силъ сняться и продолжать свое поступательное движеніе.

Но неужели,—спроситъ, быть можетъ, читатель,—положеніе такъ безнадежно и выхода не оказывается? Нѣтъ,—отвѣтимъ,—выходъ есть, такъ какъ положеніе нашей литературы хотя и не блестяще, но далеко не безнадежно и еще рано пѣть ей отходную, что́ съ нескрываемымъ удовольствіемъ дѣлали и продолжаютъ дѣлать нѣкоторые наши не въ мѣру ретивые благопріятели. Уже само положеніе—на мертвой точкѣ—означаетъ, что это лишь переходное, только до извѣстнаго времени длящееся состояніе, что это не хроническая болѣзнь, а острое заболѣваніе. Мы глубоко убѣждены,

что литература наша раньше или позже снимется съ роковой мертвой точки и будетъ продолжать свою плодотворную работу, вкладывая и собственную лепту въ сокровищницу общечеловѣческой культуры. Къ счастью, это не только наше, такъ сказать, голое убѣжденіе, которое, въ качествѣ таковаго не можетъ, разумѣется, имѣть доказательной силы: есть уже и кой-какіе объективные признаки поворота къ лучшему, есть предвозвѣстники, хотя и весьма немногочисленные, новаго порядка и хода вещей въ нашей литературѣ.

Въ нашемъ журналѣ, а затѣмъ въ «Л.-Н. Вістнику» и отдѣльно было напечатано нѣсколько разсказовъ г. Винниченка. Думаемъ, что въ свое время читатель обратилъ на нихъ вниманіе. Будучи не всѣ равной художественной цѣны и достоинства, эти разсказы молодого писателя обнаружили тѣмъ не менѣе такую свѣжую силу, какой давно уже не было замѣтно среди нашихъ начинающихъ и подающихъ надежды авторовъ. Конечно, произведенія г. Винниченка далеко не безукоризненны: видна еще нѣкоторая неопытность въ техническихъ пріемахъ, незрѣлость мысли, угловатость манеръ, наклонность насиловать иногда въ угоду извѣстной тенденціи живую правду, наконецъ, нѣсколько тяжеловатый языкъ,—но за всѣми этими недостатками чувствуется громадная сила наблюдательности, умѣнье однимъ словомъ, одной черточкой отмѣтить и оттѣнить характерныя особенности изображаемыхъ лицъ, вѣрная психологическая оцѣнка ихъ поступковъ и дѣйствій—словомъ яркій талантъ и сильная индивидуальность. Рядомъ со всевозможными упражненіями нашихъ литературныхъ Галаевъ, «средь нашей пошлости и прозы», среди сонма миніатюръ и лоскутиковъ, въ пору всеобщаго оскуденія и измельчанія талантовъ—произведенія г. Винниченка производятъ отрадное впечатлѣніе настоящей живой струи, сильной именно своею непосредственностью, свѣжестью, молодымъ задоромъ. Такъ иногда среди плохо спѣтаго, разноголосаго, рѣжущаго ухо хора выдѣлится вдругъ молодой чистый голосъ, не обработанный, не установившійся вполнѣ, но чарующій, подкупающій и порабоща-

ющій васъ своею стихійною силой и красотою. Конечно, счастливому обладателю драгоцѣннаго голоса придется много поработать надъ собой, чтобы стать настоящимъ пѣвцомъ, но уже одно присутствіе такого матеріала, изъ котораго можетъ что-нибудь выйти, среди безнадежной, сѣрой посредственности даетъ слушателю нѣкоторыя основанія для надеждъ... Въ настоящее время мы не считаемъ удобнымъ, въ силу нѣкоторыхъ соображеній, подробно останавливаться на произведеніяхъ какъ г. Винниченка, такъ и другого начинающаго писателя—г. Деде, въ еще бóльшей степени обнаружившаго подобныя же свойства настоящаго, крупнаго дарованія, и потому по необходимости должны ограничиться слишкомъ общей характеристикой. Кромѣ того, г. Винниченко находится еще только на зарѣ своей литературной дѣятельности, и мы не можемъ, конечно, брать на себя смѣлости въ точности предсказать, какая будущность ожидаетъ его, какъ писателя, и сумѣетъ ли онъ оправдать полностью тѣ надежды, которыя возбуждены его первыми опытами. Во всякомъ случаѣ появленіе такихъ свѣжихъ, оригинальныхъ, не вымученныхъ дарованій, какъ названные сейчасъ молодые писатели, какъ г.г. Григоренко, М. Левицкій и др., вступившіе на путь литературной дѣятельности нѣсколько раньше, и при томъ въ такое смутное, неопредѣленное время,—кажется намъ глубоко знаменательнымъ признакомъ: достовѣрнымъ свидѣтельствомъ того, что и для насъ приближается уже пора сняться съ мертвой точки и что движеніе впередъ уже начинается и даже обезпечено на первыхъ порахъ дѣятелями...

Какія же однако обстоятельства могутъ совершенно возродить нашу литературу, окончательно сдвинувъ ее съ занятаго ею въ послѣднее время положенія? Какія условія необходимы для созданія того могучаго движенія, которое, завладѣвъ сердцами современниковъ всецѣло, переродило бы ихъ и, по выраженію Шевченка, вмѣсто сукровицы налило теплой, живой крови, заставило воспрянуть духомъ, вселило непоколебимую увѣренность въ наступленіи лучшихъ временъ? Этотъ мучительный вопросъ лучше всего, проще всего и полнѣе всего былъ бы разрѣшенъ

появленіемъ крупныхъ дарованій. «Большого художника, съ большимъ сердцемъ ожидаетъ полчище народа, заболѣвшаго новою, свѣтлою мыслью, народа двигающагося волей-неволей по новой дорогѣ и несомнѣнно къ свѣту» [1]), — такъ формулировалъ когда-то настоятельнѣйшую потребность русской литературы Гл. Успенскій, самъ одинъ изъ такихъ большихъ художниковъ, съ большимъ, чуткимъ и отзывчивымъ сердцемъ. Мы думаемъ, что потребность въ появленіи «большого художника съ большимъ сердцемъ» въ украинской литературѣ никогда не ощущалась съ бóльшею настоятельностью, какъ именно въ наше время—время всеобщей растерянности, разброда и разъединенія, время господства мелкаго факта, протокола и миніатюры, время неясныхъ стремленій, трусости мысли, несознаваемыхъ задачъ и отсутствія опредѣленнаго идеала... Онъ, этотъ большой художникъ, одинъ былъ бы въ силахъ собрать membra disjecta нашихъ направленій, сплотить ихъ и заставить всѣ сердца биться однимъ желаніемъ, однимъ стремленіемъ, объединивъ вокругъ одной общей цѣли; онъ и эту общую цѣль формулировалъ и опредѣлилъ бы и сомкнутыми рядами, viribus unitis, заставилъ бы насъ двинуться къ ея осуществленію. Въ исторіи нашей литературы и общественности подобный моментъ уже былъ. Послѣ Котляревскаго и Артемовскаго-Гулака—талантливыхъ, но не обладавшихъ всею полнотою творческихъ силъ начинателей украинской литературы—наступилъ перерывъ, когда движеніе впередъ, повидимому, пріостановилось, замерло и начинало терять свою силу и значеніе, когда даже одинъ изъ упомянутыхъ корифеевъ-начинателей началъ было исторгать изъ своей лиры невѣрные, фальшивые звуки. Но вотъ, въ началѣ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія, появляется неожиданно небольшая книжка, называвшаяся «Кобзарь», и этой книжкѣ суждено было сыграть въ нашей новѣйшей исторіи роль могучаго мотора, столкнувшаго украинскую литературу съ мертвой точки, на которой онъ, казалось, такъ прочно

[1]) Полное собраніе сочиненій Гл. Успенскаго. Кіевъ, 1903, т. II, стр. 166.

засѣлъ. Авторъ этой небольшой книжки былъ тѣмъ Орфеемъ, который огненнымъ словомъ своимъ пробудилъ каменныя сердца современниковъ, вдохнулъ въ нихъ горячую, непритворную любовь къ своему, тогда еще закрѣпощенному народу, далъ яркое выраженіе нашей народной душѣ и сдѣлался тѣмъ могучимъ вождемъ, тѣмъ Моисеемъ, который вывелъ насъ изъ Египта очерствѣнія, мертвенности и застоя. Замѣчательно, что къ этому именно времени относятся и первые зачатки общественнаго движенія, выразившіеся и въ пробужденіи интереса къ народу и народной жизни и, наконецъ, въ небываломъ дотолѣ подъемѣ литературнаго творчества и продукціи въ 60-хъ годахъ. Въ землю обѣтованную тогда мы однако не вошли, до сихъ поръ продолжая 40-лѣтнее странствованіе по пустынѣ. Все же таки это странствованіе для насъ не прошло даромъ, а должно было оставить, и несомнѣнно оставило, извѣстные слѣды; къ землѣ обѣтованной мы все-таки приблизились и, можетъ быть, и не такъ ужъ далека отъ насъ, какъ продолжаетъ цитированный нами писатель, «минута, ожидающая сильный и могучій талантъ, который несомнѣнно долженъ родиться среди такой массы глубокихъ сердечныхъ страданій» [1])...

Но появленіе ихъ, этихъ могучихъ, геніальныхъ талантовъ, подчинено какимъ-то намъ невѣдомымъ, капризнымъ по своей неуловимости законамъ природы; это ея секретъ, ея тайна, предъ которыми мы совершенно безсильны и разгадать которые мы не въ состояніи. Можетъ быть, такой талантъ уже растетъ среди насъ, расправляетъ свои крылья и дѣлаетъ первые шаги, робкіе и слабые и потому для насъ незамѣтные; можетъ быть, появленіе его отсрочено еще на неопредѣленное время,—этого, повторяемъ, мы, къ сожалѣнію, знать не можемъ. Какъ бы то ни было, мы не будемъ останавливаться на гадательныхъ шансахъ появленія ожидаемыхъ сильныхъ талантовъ. Но какъ быть до ихъ появленія? какъ сняться съ мертвой точки при на-

---

[1]) Ib., 167.

личности данныхъ литературныхъ силъ? да и возможно-ли это? По нашему мнѣнію, это вполнѣ возможно. Пусть только братья-писатели прежде всего серьзно отнесутся къ принятымъ на себя добровольно обязанностямъ, пусть обратятъ серьезное вниманіе на выработку цѣльнаго и прочнаго міросозерцанія, пусть не убѣгаютъ подъ сѣнь туманностей и выспренностей отъ жизни и ея требованій, а изучаютъ эту основу всякаго искусства внимательно; пусть область «з-надъ хмаръ» оставятъ въ удѣлъ «надхмарнымъ» же обитателямъ и почаще берутъ свои наблюденія «зъ долынъ»; пусть, наконецъ, будутъ искренни и не принимаются за разработку темъ, превосходящихъ ихъ силы и знанія—и «вся приложатся вамъ». Для такой работы— мы это смѣло утверждаемъ—хватило бы наличныхъ нашихъ силъ и талантовъ, которые въ настоящее время часто уклоняются съ прямого пути на окольныя дорожки. А между тѣмъ своею планомѣрною, добросовѣстною дѣятельностью въ одномъ направленіи они несомнѣнно приблизили бы появленіе того, кому всѣ мы. и читатели и писатели, недостойны развязать ремень у сапога, расчистивъ почву и подготовивъ ту реальную обстановку, которая для появленія большихъ талантовъ необходима. «Желаю вамъ... честной и смѣлой литературы, внутренно честной и смѣлой, которая не боялась бы своихъ собственныхъ знаній, мыслей и чувствъ, которая ежеминутно задавала бы себѣ вопросы и не отходила отъ нихъ, не получивъ полнаго и безповоротнаго отвѣта» [1],—писалъ почившій недавно большой дѣятель русской литературы. Мы думаемъ, что въ сферѣ литературныхъ интересовъ ничего лучше, привлекательнѣе и заманчивѣе, чѣмъ это пожеланіе, мы не можемъ предложить и нашему читателю...

Сергій Ефремовъ.

4—11. IV. 904.
Кіевъ.

---

[1]) Сочиненія Н. К. Михайловскаго. Спб., 1896, т. I, стр. 840.

РОКСОЛАНА [1]).

I.

Босфоръ затыхъ. Серпанкомъ ночи
Вдяглыся пышныи садкы,
Видкрылы зори свитли очи
И сны прылынулы прудки.
Заснуло все; и мыръ и спóкій
Въ серця намучени ввійшлы,
И Царьгородъ увесь шырокый
Забуттямъ тыхымъ повылы.
Одынъ не спыть державець сывый,
Велычный, дужый Сулейманъ,
Схылывшы голову, тужлывый
Сыдыть стурбованый султанъ.
Въ ёго очахъ и сумъ, и горе,
Стыскае серце биль тяжкы́й,
Винъ чуе лыхо необоре,

---

[1]) Жинка турецького султана Сулеймана. Имя Роксолана взяте зъ перськои мовы: Rouschen—то значыть *Свитъ*. Вона була родомъ украинка; попавшы въ турецьку неволю, вона опынылася въ султанському гареми и незабаромъ стала жинкою султана Сулеймана; славылась своею красою и розумомъ и мала велыкый вплывъ на султана; померла въ 1558 роци.

Винъ чуе доли судъ важкый:
На лижку пышному конае
Ёго улюблена жона,
Іи облыччя огортае
Смертельна тинь, якъ ничъ сумна.
Вона заснула; нахылывся
Старый султанъ до мылыхъ рысъ,
На ихъ винъ палко задывывся,
Блидый, похмурый, та безъ слизъ.

II.

И спогадавъ винъ день той бу́чный,
Колы уперше царемъ ёго
Витавъ народа по́клыкъ гу́чный,
Якъ ставъ винъ владаремъ всёго.
Въ той самый день въ сераль роскишный
Новыхъ невильныць прывелы—
И якъ квитныкъ барвыстый, пышный
Воны прекрасни вси булы.
Але мижъ ныхъ одна стояла,—
Помитывъ зразу винъ іи,—
Надъ всихъ вона красою сяла,
Спустывшы очи таемни.
Винъ взявъ іи въ свои покои,
Жыття видрадою назвавъ,
Своею владною рукою
Роско́ши ій и перлы давъ.
Але вона смутна ходыла,
Все неприступна, мовчазна́,
И дыкымъ полумьямъ горила
Въ очахъ нена́висть запальна.
«Чого ты хочешъ, украинко?
Видъ чого сумъ твій и журба?
Ты владныця моя, чужынко!»
Вона жъ казала: «Я раба!

Не жинка я твоя—служныця,
И тронъ твій инша подиля!»
Винъ усмихнувся: «Ты царыця,
Ты у полонъ мене взяла!»
И давъ винъ тронъ ій, давъ ій владу,
Іи султаншою зробывъ,
Для неи сына, якъ за зраду,
Ни въ чимъ невынного убывъ,
Іи назвавъ винъ *Роксолана*—
То значыть *свитъ*. И вже на викъ
Була едыная кохана
Вона ёму—и рай и ликъ.
Такъ рокы йшлы... винъ самовладный
Надъ краемъ цилымъ панувавъ,
Та поглядъ, рухъ іи прынадный
Надъ нымъ могутню сылу мавъ.
Такъ рокы йшлы... вона старила,
Вгасалы очи, и уста
Блиднилы горди, и сывила
Коса роскишная густа.
Для нёго жъ пышною красою
И доси ще вона цвила,
Въ очахъ ёго ще молодою,
Все свитозорою була.

III.

Ій снытся сонъ: Весняный ранокъ,
Святковый чыстый дзвинъ луна,
Изъ хаты свитлои на ганокъ
Выходе вбраная вона.
Такъ гарно вкругъ: шырока ричка
Помижъ зеленыхъ та рясныхъ
Садкивъ бижыть, якъ ясна стричка,
Сміется зграя хвыль гучныхъ.
Хаты биліють мижъ садкамы

И церква билая стоить—
Вся баня вкрытая зиркамы,
Надъ нею хрестъ святый блыщыть.
Народъ веселою юрбою
Иде у церкву; любо тамъ:
Якоюсь втихою святою
Весь повенъ свитлый Божый храмъ.
И тамъ вона стоить вродлыва
Въ дивочій ку́пци молодій,
Ій легко такъ, вона счаслыва,
Веселыхъ думъ у неи рій.
Ій любо такъ: слова святыи
Спива поважно хоръ гучный;
Видкрылысь двери золотыи,
Зъ хрестомъ выходе пипъ старый.
Іи то батько [1]); хрестъ здіймае,
Ласково дывытся кругомъ
И всихъ людей благословляе
Велыкымъ, сяючымъ хрестомъ.

—

Находе хмарка. Въ сни одмина:
На землю тепла ничъ зійшла,
Знадлыва писня соловьина
Повитря разомъ проняла.
И льется писня, пахнуть квиты,
Шепоче ричка, осяйна,
У свитли мисяшнимъ, и виты
Купае въ ній верба рясна.
Вона, дивчына молодая,
У садъ выходе тыхо свій,
Цилуе ничъ іи блида́я,
Витреь торка волосся ій.

---

1) Есть думка, що Роксолана була попивна (зъ Рогатына, въ Галычыни).

И жде вона: прыйде коханый,
Юнакъ веселый и ставный,
Вона почуе голосъ знаный,
Побачыть поглядъ чаривный.

IV.

Зныкае садъ и ничъ весняна,
Спивъ соловейка затыха...
Видкрыла очи Роксолана—
Іи гнитыть журба глуха.
Далеки спо́гады болючи
Збудылы сны въ души іи,
Чуття забути и пекучи,
Жали́ глыбоки и смутни.
И ро́спачъ темный обіймае
Іи истоту; страшно ій:
Здается крыла розгортае
Надъ нею смерть у мгли ничній.
И хтось шепоче прыкро, тыхо:
Згадай усе, згадай усе,
Нехай и счастя все и лыхо
До тебе спогадъ прынесе.
Згадай, якъ першъ въ оци палаты
Тебе, рабыню, продалы
И щобъ прывабыть пана—въ шаты
Тебе роскишни одяглы;
Згадай ёго палке кохання,
Свою скорботу и печаль,
Султанши першои заслання,
Блыскучый тронъ и тяжкый жаль.
Згадай и прынця молодого,
Що матирью ту першу звавъ...
Его ты бачыла блидого—

Убытый, доли винъ лежавъ [1]).
Теперъ твій сынъ наступныкъ трону,
Никчемный, хытрый и дурный,
Жадлыво дожыда корону,
Всимъ ненавыстный и страшный.
Згадай, згадай свои роскóши,
Рабынь лестывыхъ и рабивъ.
Згадай, ты мала перлы, гроши,
Не мала тильки ты друзи́въ.

V.

Султанша тыхо застогнала,
До неи кынувсь Сулейманъ —
Така блидá вона лежала,
Що затремтивъ старый султанъ.
Вона на ёго темни очи
Свои звернула—и страшни
Воны булы, якъ опивночи
Прывыддя дыки, маривни́.
«О, Россо, свитъ мій, Роксолана,
Утихо любая моя,
Твои страждання, о кохана,
Зъ тобою подиляю я.
Для тебе я, моя видрада,
Весь свитъ бажавъ бы зруйновать,
Абы знайшлася десь порада
Тебе одъ смерти вратувать!
Скажы мени, моя прекрасна,
Чого бажаешъ?—все зроблю.
О, Роксолана моя ясна,
Тебе безъ краю я люблю!»

---

[1]) Зъ намовы Роксоланы султанъ покаравъ свого сына Мустафу на смерть, а іи сынъ ставъ наступныкомъ трону, а потимъ и султаномъ пидъ именемъ Селима II.

VI.

И каже тыхо Роксолана:
«Ты знаешъ край? Далекый винъ,
Немае тамъ раба, ни пана,
Лунае срибный Божый дзвинъ.
Тамъ ясни рикы, били хаты,
Садкы зелени и квиткы,
Найкращи въ свити тамъ дивчата,
И найясниши тамъ зиркы.
Видважни люде тамъ и вильни,
Тамъ жинка—пóдруга свята,
И зъ чоловикомъ въ неи спильни
И люба праця и мета.
Тамъ гарно такъ, тамъ легко жыты,
Туды летыть душа моя,—
Навикы въ тій земли спочыты,
Умерты тамъ бажала-бъ я!
То ридный край! ёго забула,
Та въ сни побачыла я зновъ—
И душу гришну обгорнула
Въ часъ смертный давняя любовь.
Ахъ, тильки тамъ була счаслыва.
Тамъ тильки вильно я жыла,
И, якъ дытына жартовлыва,
Не знала я гриха и зла!»
Султанъ поблицъ. «Шо ты згадала,
Невдячна жинко? Дыкый край!
Хиба не тутъ ты видшукала
Блыскучу долю?—прыгадай!»
«Такъ, тутъ знайшла корону, владу,
Тутъ я царыцею була,
Та чыстои душы видраду
Лышыла тамъ, де я зросла.
И цю чужу кляну краину,

Свое у ій кляну жыття.
У ридну землю серцемъ лыну,
Ій виддаю уси чуття!
Забутого благаю Бога:
Просты мене, рятуй мене!
Нехай въ души моій трывога
Замовкне тыхо и засне.
Просты и ты, моя краино!
Колы-бъ у друге жыты зновъ,
То кровы кожную краплыну
Тоби-бъ несла моя любовъ.
О, тыхи воды, ясни зори!»..
И змовкла. Смерть блида прыйшла,
Въ свои обійма непрозори
Іи нечутно прыйняла.

—

Старый султанъ, похмурый, темный,
Край лижка пышного стоявъ
И роспачлывый гнивъ палавъ
Въ души ёго, и жаль даремный,
И страхъ все серце огортавъ.

—

Вона умерла, и въ хвылыну
Останнюю свого жыття
Уси думкы іи, чуття
Неслыся въ ридную краину,
Туды бажалы вориття.

—

Винъ дума це, и гнивъ безкрайній
Палае въ серци самотнимъ...
Іи любывъ винъ серцемъ всимъ,
Та въ смертный часъ, у часъ останній
Ій бувъ далекымъ и чужымъ.

Галына Комарова.

Г. Балта (подольской губ.).

Историческая замѣтка.

Городъ Балта, въ настоящее время бѣдный и чрезвычайно грязный городокъ, имѣетъ около 23 тысячъ жителей и съ каждымъ годомъ падаетъ. Знаменитыя балтскія ярмарки, привлекавшія прежде со всей Подоліи «пановъ-магнатовъ», «батюшокъ», и вообще пріѣзжихъ, теперь уже мало кого привлекаютъ, а потому не удивительно, что Балта хирѣетъ и черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ превратится въ обыкновенное большое мѣстечко, которыми такъ богата наша Подолія.

А между тѣмъ этотъ захудалый городокъ имѣетъ довольно незаурядное прошлое, которое объясняется тѣмъ, что онъ возникъ изъ поселенія и находится на самой границѣ между Турціей и Польшей, а потому ему пришлось перетерпѣть довольно много разныхъ непріятностей. Нужно только сознаться, что, къ сожалѣнію, историческихъ свѣдѣній о Балтѣ не особенно много. Довольно много историческихъ документовъ, указовъ и пр. заключено въ архивахъ уѣздной полиціи и городской управѣ, гдѣ сосредоточены и дѣла бывшаго магистрата; но, во-первыхъ, архивы эти, въ особенности городской управы, находятся въ весьма печальномъ положеніи, да и получить къ нимъ доступъ лицу не оффиціальному крайне трудно. Лицу, пишущему эти строки, нѣсколько лѣтъ тому назадъ пришлось видѣть случайно на чердакѣ

городской управы кипы бумагъ, между которыми было много писанныхъ на польскомъ и русскомъ языкахъ и которыя по датамъ относились къ 18 столѣтію, то есть къ тому любопытному времени, когда Балта управлялась по Магдебургскому праву. Судя потому, какъ небрежно хранились эти документы, можно думать, что не особенно много ихъ теперь сохранилось.

Вотъ тѣ немногія историческія свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось добыть объ этомъ захудаломъ городкѣ, пять разъ мѣнявшемъ свое названіе.

Когда основана Балта—въ точности неизвѣстно, но можно съ увѣренностью сказать, что въ концѣ 17-го столѣтія, на лѣвомъ берегу тогда еще довольно многоводной рѣки Кодымы, выходцами изъ Запорожья было основано небольшое селеніе, носившее названіе «Паліево озеро». Въ началѣ 18-го вѣка мѣстность эта, гдѣ было расположено Паліево озеро, досталось князю Іосифу Любомирскому. Любомирскій построилъ въ этомъ селеніи замокъ и далъ ему названіе «Юзефгродъ». Въ половинѣ 18-го столѣтія на противоположномъ, правомъ, берегу Кодымы, принадлежавшемъ тогда Турціи, образовалось также поселеніе, названное Балтою. Турецкое правительство, въ виду пограничнаго положенія этого поселка, построило здѣсь крѣпостцу.

Въ 1768 году, послѣ знаменитой «Уманской рѣзни», предводитель гайдамацкаго возстанія Желѣзнякъ, а по другой версіи— его сотникъ Шило [1]), подошелъ къ Юзефгроду, взялъ его послѣ небольшого сопротивленія, разграбилъ и сжегъ, при чемъ вырѣзалъ много евреевъ и поляковъ. Часть ихъ бѣжала на правый берегъ Кодымы въ Балту. Шило потребовалъ ихъ выдачи отъ коменданта крѣпостцы; когда же ему въ этомъ было отказано, онъ взялъ приступомъ Балту, перебилъ жителей ея и сжегъ то, чего не могъ забрать съ собой. Разграбленіе Балты послужило Турціи, искавшей лишь удобнаго случая, поводомъ для объявленія Россіи войны.

[1]) Сочиненіе Максимовича, I, 647.

Князь Александръ Любомирскій, желая возстановить Юзефгродъ, выхлопоталъ у короля Станислава-Августа грамоты. Одна грамота давала Юзефгроду Магдебургское право, а другая устанавливала двѣ ярмарки—Майскую и Петропавловскую. До какого времени Юзефгродъ управлялся по Магдебургскому праву—неизвѣстно,—кажется, это продолжалось до 1795 года. Въ 1793 году, послѣ присоединенія Подоліи къ Россіи, городъ былъ купленъ казною у Любомирскаго и въ 1795 г. вмѣстѣ съ Балтой соединенъ въ одинъ городъ подъ названіемъ Еленскъ и въ качествѣ уѣзднаго города вошелъ въ составъ вновь образованной тогда Вознесенской губерніи. Городъ Еленскъ, какъ и Вознесенская губернія, просуществовалъ не долго, всего только одиннадцать лѣтъ. Въ 1806 году онъ былъ переименованъ въ Балту и сдѣлался уѣзднымъ городомъ вновь образованной тогда губерніи Подольской. Въ настоящее время есть проектъ о присоединеніи Балты и ея уѣзда къ вновь образовываемой губерніи Одесской.

Изъ памятниковъ прежняго времени остались въ Балтѣ: палацъ князя Любомирскаго и постройки, окружавшія палацъ (службы, конюшни и костелъ). Всѣ эти постройки находятся на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ Юзефгродъ; тамъ же, гдѣ находилась собственно Балта, не осталось ни одной старинной постройки. Палацъ представляетъ изъ себя довольно большое двухэтажное зданіе съ мансардами. Зданіе настолько солидно построено, что хотя ему пришлось быть и коммисаріатомъ, и провіантскимъ магазиномъ, и казармою для солдатъ, и городской управой, и наконецъ сдѣлаться женской прогимназіей,—однако, несмотря на все это, оно такъ же солидно, какъ и во времена князей Любомирскихъ. При перестройкѣ этого зданія, а также при перестройкѣ того зданія, гдѣ помѣщались службы князей Любомирскихъ, были находимы старинныя монеты, какъ напр., голландскіе червонцы, польскіе золотые и пр.; къ сожалѣнію, монеты эти исчезаютъ неизвѣстно куда, такъ какъ никто не интересуется ихъ судьбою. На мѣстѣ же Балты находятъ въ довольно большомъ количествѣ турецкія и польскія монеты. Интересно то, что гдѣ бы ни рыть землю въ городѣ, всегда наткнешься на человѣческія кости; можно сказать безъ преувеличенія, что

Балта построена на костяхъ. Недалеко отъ зданія, гдѣ былъ палацъ, находится костелъ, прежде домашняя каплица князей Любомирскихъ. Костелъ этотъ построенъ въ началѣ 18-го столѣтія, при основаніи Юзефгрода. До послѣдняго времени въ притворѣ костела висѣли старинные портреты строителей костела, князя и княгини Любомирскихъ, теперь же, послѣ послѣдней перестройки костела, эти портреты куда-то убрали. Позади замка расположено на склонѣ довольно большого оврага еврейское кладбище, т. н. «старое», а за нимъ на склонахъ этого оврага расположена часть города, назвающаяся «Краснымъ яромъ». Съ мѣстностью этой и въ особенности съ мѣстностью, расположенной противъ еврейскаго кладбища на другомъ склонѣ оврага, связано слѣдующее преданіе. Когда Желѣзнякъ, возвращаясь изъ Умани, послѣ «ризни», напалъ на Балту, то онъ зналъ, что за нимъ по пятамъ гонятся русскія и польскія войска, и вотъ, желая спрятать тѣ «скарбы», которые онъ добылъ въ Умани, Желѣзнякъ поступилъ такъ: зашилъ всѣ деньги и драгоцѣнности въ воловью шкуру и зарылъ въ лѣску, расположенномъ напротивъ еврейскаго кладбища. Повѣрье объ этомъ кладѣ было настолько популярно, что лѣтъ 35 тому назадъ въ Балту пріѣзжали какіе-то кладоискатели и, съ разрѣшенія городской управы, усердно рылись въ «Красномъ яру», но ничего не нашли. Положимъ, въ народѣ есть преданье, что кладъ этотъ заклятъ Желѣзнякомъ, а слѣдовательно его не такъ легко найти.

Недалеко отъ костела находится каменный соборъ, построенный въ 1803—1816 годахъ, въ честь Рождества Богородицы. Соборъ ничѣмъ не замѣчателенъ: архитектура неважная; иконы, хотя живописи начала прошлаго вѣка, но не отличаются художественными достоинствами; книги церковныя особеннаго ничего не представляютъ, утварь тоже. Архивъ церковный недоступенъ, хотя въ немъ, можетъ быть, и есть что-нибудь интересное.

Интересно то, что соборъ построенъ на громадныхъ минахъ. Мины эти тянутся, начинаясь съ Краснаго яра къ костелу. По разсказамъ старожиловъ, однажды сильнымъ ливнемъ размыло часть земляного покрова одной изъ этихъ минъ. Спускавшіеся

смѣльчаки нашли въ ней массу костей (человѣческихъ) и могли замѣтить, что мина эта, высокая и широкая, шла куда-то далеко. Къ сожалѣнію, дальнѣйшихъ изслѣдованій не производилось, а мина эта была по чьему-то распоряженію засыпана. Вообще можно сказать, что въ Балтѣ, кромѣ этихъ минъ, находятъ часто и другія мины. Какъ видно, эти мины служили убѣжищами въ прежнее смутное время. По другую сторону Кодымы, на такъ называемой турецкой или «русской» сторонѣ, никакихъ старинныхъ построекъ не оставалось. Существующая здѣсь церковь во имя св. Николая построена въ 1824—1828 гг. и ничѣмъ особеннымъ не отличается. Интересно, почему эта часть города называется «русской». Дѣло въ томъ, что здѣсь находится громадная слобода великороссовъ-раскольниковъ: поповцевъ, безпоповцевъ и хатниковъ. Когда они переселились сюда, неизвѣстно. Раскольники эти имѣютъ своего епископа, ставленника митрополита Бѣлокриницкаго, въ Австріи. Епископъ этотъ имѣетъ митру, подаренную ему, по устному преданью, императоромъ Николаемъ I-мъ, по другому же сказанію Императоромъ Александромъ I-мъ, по настоянію знаменитаго архимандрита Фотія.

Живутъ эти раскольники замкнуто и съ остальнымъ населеніемъ не смѣшиваются.

На кладбищѣ, находящемся на «русской сторонѣ», есть небольшая церковка, а позади ея могила священника Ѳеодосія Левицкаго—мѣстнаго святого, но непризнаваемаго церковью.

Ф.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Одобрительныя свидѣтельства для кандидатовъ священства на Волыни. Въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, когда еще въ Малороссіи сохранялся старый, исконный порядокъ избранія прихожанами своихъ духовныхъ пастырей, лица, ищущія духовнаго сана, должны были представлять такъ называемыя презенты, или одобрительныя свидѣтельства. Свидѣтельства эти они получали отъ той громады, отъ того прихода, гдѣ въ послѣднее время служили или гдѣ проживали. Мѣстный священникъ, какъ настоятель прихода, обыкновенно скрѣплялъ такія свидѣтельства своею подписью, удостовѣряя вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ правильность. Одни изъ этихъ свидѣтельствъ отличались лаконическою краткостью, другія, напротивъ, обращаютъ на себя вниманіе обширностью и многословіемъ. Какъ образецъ перваго рода документовъ, приводимъ одобрительное свидѣтельство, выданное прихожанами м. Старой Синявы (лит. у., под. губ.) дьячку Ганджулевичу, избранному прихожанами с. Голѣевки, чудновскаго повѣта, въ священники. Свидѣтельство это, писанное на четвертушкѣ синей бумаги первобытнымъ почеркомъ и скопированное нами въ архивѣ Волынской духовной консисторіи, передаемъ съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника.

„Ми громада Старосинявска, на предмесцю Заставецахъ жителие, даемъ свѣдителство Іоану Ганджулевичу, іако служилъ намъ и священнику нашему чрезъ три года въ службѣ діаковской, въ которѣй-то службѣ завсегда набоженства пилновалъ, покору ко каждему имѣлъ, и завжди тверезъ билъ, и нѣкому жадней кривди не здѣлалъ, на що ми свѣдителствуемъ, а не умѣющеі пѣсма знакомъ креста святаго подписуемся". На этомъ свидѣтельствѣ, подписанномъ нѣсколькими крестиками, имѣется далѣе слѣдующая приписка:

„Ја, священникъ старосинявскый на придмѣсцю Заставецъ священнодѣйствующій, свѣдѣтелствую, яко сие свѣдителство при мѣнѣ дано било од моихъ приходжанъ, на що подписуюся. Священникъ дѣйствующій Фтеодоръ Санкевичъ, въ Старой Синявѣ, на Заставцахъ“.

Бывало и такъ, что консисторія, не довольствуясь подобными свидѣтельствами, которыя могли быть получены отъ прихожанъ за мзду или за добрый могорычъ, поручала мѣстному благочинному лично опросить прихожанъ о нравственныхъ качествахъ кандидата и о томъ, удовлетворяетъ ли онъ каноническимъ требованіямъ, обязательнымъ для ищущаго священства. Въ подобныхъ случаяхъ благочинный или самъ лично производилъ родъ „повальнаго обыска“ о просителѣ, или поручалъ это кому-либо изъ подвѣдомственныхъ ему священниковъ, и въ результатѣ получалось одобрительное свидѣтельство уже иного характера, образецъ котораго и приводимъ здѣсь. Оно скопировано нами тѣмъ же порядкомъ, какъ и первое.

„С л ѣ д с т в ѣ е“.

„Умершаго священника Никифора Стахурскаго, пройшлаго настоятеля Болячевскаго, родному сину того Уласу; какъ Уласъ ажъ до сего времене жития своего чи добре или постоянно, либо съ каждимъ зле поступками свой вѣкъ провождалъ, по виконанной присягѣ подлинно, своеручно и пооособно подписаннихъ, не кревнихъ, не подкупленнихъ и нѣякимъ способомъ не намовленнихъ на сего Уласа сторону для засвѣдченія справедливихъ сумленнихъ и годнихъ всегда где-небудь вѣри при всякомъ случаѣ правности дѣлъ вартихъ особъ, о повожденію, добримъ обхожденію того Уласа Стахурскаго, священническаго сина, нинѣ такъ а не иначе сиѣ и со ними инниѣ цѣлого прихода Болячева [1]) и просѣлка Покришова годниѣ люде такъ засвѣдчаютъ, для которого свѣдѣтелства и я подлинно и своеручно подписанниі священникъ, по виданному минѣ на писмѣ отъ его високопревелебѣя Иоана благочиннаго протоіерея Линѣевича документу, съехалъ нинѣшняго числа въ с. Болячовъ, гдѣ, по приказу моей старшини. такъ. какъ дѣло обычаевъ, добрыхъ цнотъ, со всякимъ не злой. но толко всегда доброй смирности сего священническаго сина Уласа Стахурскаго зъ себе управленія о немъ отъ людей нижей описанними пун-

---

[1]) Радомышльскаго у.. вол. губ.

ктами, при полученной присягѣ, годниѣ особы такъ свѣдѣтелствуютъ, 1-ве, Ми свѣдѣтельствуемъ о тому, что сей Уласъ есть священническій синъ Стахурскій; 2-ое свѣдѣтелствуемо еще и тое, что сей же Уласъ холостъ бывши, первимъ бракомъ со дѣвицею Татияною, священыка Симеона Левицкаго, настоятеля Осницкаго, и жени его Татиянни дочериею, уже есть сочетанъ; 3-те, нѣчого нѣ у кого тайно безъ вѣдома не взялъ, и нѣ въ чомъ не проклинался, не бывся а нѣ позивался; 4-те, свѣдѣтелствуемо на тое, что сей же вижей помянутиі Уласъ, синъ священническій, еще отъ мала лѣтъ своѣхъ, нижей десяти дитинства своего, таковаго дѣла, которое бы неупадно могло быть въ предъ Господу Богу, а потомъ каждой старшинѣ, родителемъ своѣмъ, и всѣмъ старшимъ и меншимъ особамъ, нѣкогда при житии своего добримъ, хвалебнимъ, не злимъ, смиреннимъ во всякомъ повожденіѣ, нѣчого вредящаго нѣкому ажъ до сего времене живучи не содѣлалъ злого, но все со всякимъ добре обходился; 5-те, еще и тое засвѣдчаемо, что онъ Уласъ, синъ священническій, на жадномъ зломъ и непристойномъ его станови мѣсцѣ; т. е. по всѣхъ зборищахъ Богу и людямъ неугоднихъ, такъ по вечерницяхъ въ ночѣ, яко и по корчомныхъ домахъ въ день, безъ интересу и випадлой потребы нѣкогда не знайдовался, но толко всегда при гонорѣ и славѣ со похвалою отъ каждаго, найменшаго и найболшаго, жилъ, и в далшое время онъ жити, яко ушанованя пристойнаго отъ усѣхъ годенъ, о тое всегда старался и теперъ старается; 6-те, у дома не всегда вигодовался, но потрохи и въ академѣѣ житомѣрской учениі. Матку родную свою и дядюшку по своей матки роднаго всегда шануючиі, невпротивъ безъ жадноі отмови отъ дитинства лѣтъ своѣхъ смиренно жилъ, и теперъ такъ живетъ: 7-ме, не толко господарства пилнуе, але и всегда церкви, набоженства, литургіи и въ должности християнской всякаго церковнаго пѣния онъ нѣкогда нѣ опущаетъ, но всегда на немъ буваетъ, читаетъ и спѣваетъ; 8-ме, пяного его ми такъ у приходѣ Болячевскомъ, яко й по инших селеніяхъ либо по мѣстамъ, у торгу или ярмарку, нѣгде и нѣколи не видѣли; 9-те. анѣ у жадной должности жовнѣрской сей Уласъ, священническій синъ, Стахурскій, отъ мала лѣтъ своѣхъ нѣкогда не былъ, свѣдѣтелствуемо; 10-те, тое усе, что толко добрихъ и найлѣпшихъ людей добриѣ и найлѣпшиѣ родниѣ дѣти, со всякимъ и до всякихъ угодностей побожне, статечне, богобойне, смиренне, со уподобаннемъ каждому, безъ жадноі нагани, ганби, тихо, ласково и мило они справовалися и теперъ такъ живучи

свое житте проводятъ, не иначе жъ и сей Уласъ, священническій синъ, Стахурскій въ должности християнской своего жития вѣкъ провожъдаетъ тако жъ, како жъ и во всякомъ поводжениѣ найлѣпшихъ людей добриѣ и наугоднѣйшиѣ дѣти своего жития вѣкъ проводящиѣ; и онъ Уласъ купно со такими свой вѣкъ статечне, не пяно, тверезо, ажъ до сего времене проводилъ и проводитъ, и еще до того въ далшиѣ часа житъ не иначей, толко такъ старается. На тое свѣдѣтелствуемо и къ сему вижей описанному усему тому, що естъ на сей бумагѣ писмомъ виражено, по виконанию при крестѣ на евангелиѣ святой со цѣлаго прихода Болячевскаго нашой присяги по званію каждаго и прозванію начертаниемъ своеручно святаго креста, для увѣренія свѣдѣтелства тому Уласу, умершаго священника Никифора Стахурскаго, настоятеля пройшлаго Болячевскаго, священническому сину, ми самохотне, безъ примусу жаднаго и доброволне подписалися".

Въ числѣ другихъ, между прочимъ, подписаны: „Шляхтичъ Иосифъ Кулицкиі. Шляхтичъ Иоанъ Левковскиі. Шляхтичъ Θеодоръ Левковскиі. Олексей Бенедищукъ, ключникъ Иоанъ Опанасюкъ, титоръ", и т. д. Въ заключеніе подписей имѣется слѣдующая приписка: „По сей виконанной присяги отъ цѣлой громади приходскихъ на тое села Болячева людей, въ чемъ и я за виданнимъ минѣ отъ благочиннаго протоіерея Иоана Линиевича документу и вмѣсто его свѣдѣтелствую, и на тое своеручно при витисненью моей печати подписался священникъ Антониі Иоановъ Лотоцкиі, настоятель Водошійскиі".

Въ этомъ пространномъ свидѣтельствѣ начертанъ, можно сказать, идеалъ вполнѣ порядочнаго и достойнаго всякаго уваженія человѣка, которому удовлетворяетъ молодой кандидатъ священства. Сверхъ того, ему присущи еще и спеціальныя добродѣтели, требующіяся особыми условіями предстоящей ему службы. Онъ не только понимаетъ толкъ въ сельскомъ хозяйствѣ, что очевидно, считалось необходимымъ для священника, но знаетъ также и церковное пѣніе, и чтеніе. Однако, кандидаты священства не всегда вербовались изъ духовной среды, принадлежность къ которой даетъ возможность съ дѣтскихъ лѣтъ усвоить особенности и порядокъ церковныхъ службъ. Въ то время немало было случаевъ поставленія въ духовный санъ лицъ, которымъ предыдущая дѣятельность, казалось, не могла дать никакой подготовки къ священнослуженію. Такъ, напр., въ 1795 г., употребляя тогдашнее выраженіе, „промовался" во священники нѣкто Туркевичъ,

бывшій до того времени садовникомъ, причемъ эту профессію онъ унаслѣдовалъ отъ своего отца. Естественно, что никакого свидѣтельства отъ громады онъ представить не могъ; вмѣсто того къ прошенію приложено слѣдующее свидѣтельство частнаго лица:

„Daię tę moję zaswiadczenie Michałowi Turkiewiczowi, bywszemu memu ogrodnikowi, iako u mnie wiernie, trzyzwie y pilnie przez pułczwarta roku służył, co dla lepszey wiary własną podpisuię ręką. 1792 r., 5 stycznia, w Zytomierzu“.

Очевидно, свидѣтельство это, выданное за три года до подачи прошенія, даже не предназначалось для представленія духовному начальству, но за неимѣніемъ другихъ подходящихъ документовъ пришлось и его утилизировать. Кстати сказать, задачи пастырскаго служенія не страдали отъ того, что въ священники попадали люди различныхъ званій, вродѣ бывшихъ садовниковъ.

В. Храневичъ.

Два письма П. А. Антоновича къ Г. П. Галагану. Предлагаемыя вниманію читателей «Кіевской Старины» два письма бывшаго попечителя Кіевскаго учебнаго округа Платона Александровича Антоновича къ учредителю коллегіи Павла Галагана, Григорію Павловичу Галагану, прекрасно характеризуютъ свѣтлую личность покойнаго и его благородный образъ мыслей. Какою непритворною грустью звучитъ, напримѣръ, то мѣсто въ одномъ изъ этихъ писемъ, гдѣ идетъ рѣчь о тяжеломъ матеріальномъ положеніи вышедшаго въ отставку М. А. Максимовича и о невозможности для него исполнить большой трудъ—мечту его жизни—описаніе Кіева! Сколько искренней, неподдѣльной вѣры въ нашу учащуюся молодежь и горячей къ ней любви и симпатій замѣчается въ другомъ письмѣ! Сколько, наконецъ, широкаго общественнаго пониманія дѣйствительныхъ интересовъ родины обнаруживаетъ въ своихъ письмахъ симпатичный корреспондентъ Г. П. Галагана, оставившій своимъ служеніемъ въ Кіевѣ такую отрадную память въ согражданахъ! Вотъ почему, печатая настоящія письма, не можемъ не высказать пожеланія видѣть на страницахъ «Кіевской Старины» возможно большее количество подобныхъ писемъ П. А. Антоновича, которыхъ, вѣроятно, наберется въ Кіевѣ у разныхъ лицъ немало. Равнымъ образомъ желательно было бы появленіе въ печати

и разныхъ личныхъ воспоминаній о покойномъ П. А. и его попечительской дѣятельности въ Кіевскомъ учебномъ округѣ.

А. Степовичъ.

1.

1 іюня 1869 г. Кіевъ.

На дняхъ возвратился я изъ Черниговской губерніи и нашелъ письмо Ваше, достойнѣйшій Григорій Павловичъ, отъ 15 мая. Вѣсть о страшномъ несчастіи, постигшемъ Васъ, быстро разнеслась въ краѣ и поразила до глубины души всѣхъ близко знающихъ Васъ, а слѣдовательно чтущихъ и любящихъ Васъ. Для меня лично, могу смѣло сказать, Ваше горе было — мое горе; извѣстіе о немъ раскрыло незажившую еще въ сердцѣ рану недавней семейной потери, огорчившей и отравившей нашу жизнь до могилы: я лишился любимой дочери на 22 году ея жизни; но отъ нея у меня осталась ея малютка и, по милости Божіей, у меня остаются еще дочь и сынъ: я не сравниваю моего несчастья съ ударомъ, поразившимъ Васъ; по состоянію моей души, по чувствамъ моего собственнаго сердца, я только представляю себѣ, что совершилось въ Вашей внутренней жизни! Въ такой скорби, какъ Ваша, нѣтъ утѣшенія извнѣ; Господь одинъ можетъ успокоить Васъ, а тѣмъ, кто знаетъ и любитъ Васъ, кто въ состояніи понять сердцемъ боль Вашей души, остается только плакать и скорбѣть вмѣстѣ съ Вами. Тяжело жить съ разбитой душой, и Вы правы говоря, что такая жизнь — уступка горькой судьбѣ; но эта уступка неизбѣжна; мы не можемъ, не вправѣ не жить, пока Богу угодно продлить наше существованіе для невѣдомыхъ намъ цѣлей. Богъ взялъ у Васъ единственное, любезное сердцу, дорогое дитя и чтобы наполнить Вашу жизнь, эту необходимую уступку горькой судьбѣ, внушаетъ Вамъ мысль о новой многочисленной семьѣ въ лицѣ юношей, которые будутъ обязаны Вамъ высшимъ благомъ жизни — образованіемъ. По мѣрѣ того, какъ мысль будетъ обращаться въ дѣло, самое это дѣло вызоветъ къ себѣ заботу и братскую, христіанскую любовь изъ болящаго Вашего сердца, — а это именно такое чувство, которое одно только и можетъ облегчить горе, подобное Вашему. Мысль увѣковѣчить и обезсмертить умственную и нравственную жизнь юноши, такъ безвременно сошедшаго въ могилу, задуманнымъ Вами памятникомъ, вполнѣ до-

стойна Вашего высокаго ума и сердца. Мы собирались уже у Михаила Владиміровича и разсуждали о томъ, въ какомъ видѣ осуществить предположенное Вами дѣло благотворенія, сколько можно въ большемъ соотвѣтствіи съ Вашими желаніями: высказанныя мнѣнія будутъ Вамъ сообщены, вмѣстѣ съ результатомъ вторичнаго совѣщанія, которое чрезъ два—три дня должно состояться также у Михаила Владиміровича.

Недавно пріѣзжалъ въ Кіевъ Михаилъ Александровичъ Максимовичъ. Онъ передалъ мнѣ нѣсколько словъ написанныхъ имъ *на смерть юнаго Н. Г.*

«Весна стане въ повнôй силѣ»,
«А его й немае».

Будучи мальчикомъ, гимназистомъ, я видѣлъ Максимовича, пріѣзжавшаго изъ Москвы въ Малороссію.—уже магистромъ, давно и серьезно трудившимся на пользу науки. Встрѣча съ нимъ спустя сорокъ лѣтъ грустно отозвалась у меня на душѣ; Максимовичъ былъ 13 лѣтъ ординарнымъ профессоромъ въ московскомъ университетѣ, былъ *первымъ ректоромъ* Кіевскаго университета, выразилъ многостороннюю свою ученость въ разнородныхъ печатныхъ изданіяхъ и проводитъ, можетъ быть, послѣдніе годы своей жизни на Михайловой горѣ, въ золотоношскомъ уѣздѣ, съ 700 руб. пенсіона и 39-тью десятинами поземельной собственности, въ нуждѣ и лишеніяхъ, съ тажелой думой о томъ, какъ воспитать малолѣтнихъ сына и дочь. изъ которыхъ первому—едва десятый годъ; но не въ этомъ сила; мало-ли бѣдныхъ тружениковъ на свѣтѣ живетъ и умираетъ? Дѣло въ томъ, что въ посѣдѣвшей головѣ Максимовича хранится еще невоплотившійся въ печати драгоцѣнный запасъ свѣдѣній о малороссійской старинѣ вообще и о Кіевѣ въ особенности. Вмѣстѣ съ Максимовичемъ случился у меня Михаилъ Владиміровичъ Юзефовичъ; послѣдній замѣтилъ, что нѣтъ человѣка, который лучше Максимовича могъ бы составить описаніе Кіева; Максимовичъ отвѣчалъ, что этотъ трудъ—его мечта, но для выполненія его необходимо жить въ Кіевѣ, а у него не за что даже нанять квартиру, не только содержать себя здѣсь. Кто знаетъ, долго ли проживетъ Максимовичъ: ему 65 лѣтъ, а на видъ онъ еще старше; по естественному ходу—предѣлъ его не далекъ и все уйдетъ съ нимъ въ могилу.

Не знаю, когда именно удастся мнѣ побывать въ тѣхъ училищахъ полтавской губерніи, которыхъ я еще не видѣлъ,—но думаю, что сдѣлаю это не позже будущей осени,—тогда конечно побываю у Васъ.

Благоволите принять сами и передать достойнѣйшей Екатеринѣ Васильевнѣ выраженіе задушевнаго сочувствія моей жены къ Вашему священному горю. Да будетъ съ Вами милосердіе Божіе!—Обнимаю Васъ отъ всей души, цѣлую ручку Екатерины Васильевны и остаюсь твердо увѣреннымъ, что вы никогда не усомнитесь въ чувствахъ глубокаго уваженія и преданности къ Вамъ Вашего покорнѣйшаго слуги Платона Антоновича.

2.

25 сентября 1869 г. Кіевъ.

Три дня назадъ возвратился я изъ Крыма и нашелъ здѣсь два письма Ваши, достойнѣйшій Григорій Павловичъ—одно отъ 1-го сентября, а другое отъ 17-го. Въ послѣднемъ Вы передали мнѣ просьбу дѣвицы А. К—ской о переводѣ ея въ Бѣлую церковь изъ Ямполя, куда она опредѣлена надзирательницею въ 2-хъ-классное женское училище. Дѣвица К—ская давно и не разъ обращалась ко мнѣ за содѣйствіемъ къ опредѣленію ея классной дамой въ одно изъ женскихъ учебныхъ заведеній въ Кіевѣ; не смотря на искреннее мое желаніе пособить ей—успѣха не было. Съ утвержденіемъ и приведеніемъ въ исполненіе положенія о народныхъ училищахъ въ юго-западномъ краѣ, я воспользовался первою возможностію, чтобы, въ числѣ прочихъ, дать и ей должность надзирательницы. Въ Бѣлой церкви народнаго женскаго училища нѣтъ,—а будетъ женская прогимназія и объ опредѣленіи туда на должности классныхъ надзирательницъ поступили прошенія отъ мѣстныхъ лицъ, имѣющихъ на то право по воспитанію и другимъ соображеніямъ; для дѣвицы же К—ской быть ли въ Ямполѣ или въ Бѣлой церкви значитъ все таки быть не дома, не съ своей семьей, съ тою притомъ разницею, что въ Ямполѣ она имѣетъ 300 руб. и казенную квартиру, а въ Бѣлой церкви тѣ же триста руб., но безъ квартиры. Все это я объясняю не для того, чтобы положительно отказать г. К—ской въ ея просьбѣ; напротивъ,—если только представится возможность,—я исполню ея желаніе, но сдѣлать это теперь, или дать обѣщаніе сдѣлать скоро я немогу.

Письмо Ваше изъ Москвы я прочиталъ и нѣсколько разъ перечиталъ и душевно благодарю Васъ, искренно уважаемый Григорій Павловичъ, за то, что вы подѣлились со мною впечатлѣніями, вынесенными изъ всего, что Вы тамъ видѣли и слышали. Изъ немногаго, что прочиталъ я у Васъ относительно общаго взгляда на студентовъ,— прихожу къ заключенію, что десятокъ тысячъ, или близко къ тому, молодыхъ людей, воспитывающихся въ нашихъ университетахъ, считаются до того испорченными, что имъ можно бросить изъ жалости кусокъ хлѣба, но о нравственномъ совершенствованіи ихъ нечего и думать; а между тѣмъ въ этой именно молодежи свѣжія силы Россіи для всего, что предстоитъ совершить въ ней. Гдѣ же причина такого печальнаго явленія? Въ гимназическомъ воспитаніи? нѣтъ! оно, конечно, во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительно,—но гимназіи не готовятъ негодяевъ; примѣры рѣзкихъ проступковъ и вообще безнравственности въ гимназіяхъ не часты,—стало быть юношество развращается въ университетахъ,—такъ неужели, убѣдившись въ этомъ, можно уже успокоиться и рукой махнуть, вмѣсто того, чтобы изыскать причины порчи и отвратить ихъ. Я думаю, что взглядъ на студентовъ вообще невѣренъ и что безнадежность въ нравственномъ вліяніи разумныхъ мѣръ на университетскую молодежъ—не имѣетъ основанія. Не подлежитъ сомнѣнію, что многіе изъ замѣшанныхъ въ безпорядки прошедшей весны, сидѣвшіе въ полицейскихъ частяхъ, на гаубтвахтахъ и тому подобное, отрезвятся самою жизнію и будутъ полезными дѣятелями для человѣчества, Россіи и правительства. Отъ всей души я сочувствую предположенію Вашему не закрывать въ проектѣ Вашемъ возможности гимназистамъ коллегіатамъ оставаться въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ заведенію и по поступленіи ихъ въ университетъ: если университеты признать порчею для молодежи, то неразумно поощрять ее поступать въ эти заведенія предоставленіемъ преимущества лицамъ съ университетскимъ образованіемъ; а если университетскій курсъ необходимъ не только въ смыслѣ образованія вообще, но и для государственныхъ цѣлей,—то необходимы мѣры, чтобы студенты сохранили и развивали тѣ хорошія начала, которыя внушаются имъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Если не желаютъ придумать и принять такія мѣры для всѣхъ студентовъ, то почему не попробовать ихъ по крайней мѣрѣ надъ тѣми, которые поступятъ въ университетъ изъ Вашей коллегіи?.. Таково мое мнѣніе, которое отдаю на Вашъ

судъ, вмѣстѣ съ увѣреніемъ въ душевномъ уваженіи и преданности Вашего покорнѣйшаго слуги Платона Антоновича.

О посѣщеніи императоромъ Александромъ I гор. Староконстантинова и дер. Григоровки. *(Изъ народныхъ устъ).* Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ въ д. Григоровкѣ, староконст. уѣзда, волын. губ., умеръ почти девяностолѣтній старикъ крестьянинъ Яковъ Заяць, любившій разсказывать о посѣщеніи императоромъ Александромъ I гор. Староконстантинова и дер. Григоровки въ 1822 году. Разсказъ Якова Зайця, тогда же мною записанный, заключался въ слѣдующемъ.

— Це було литъ симдесятъ зъ лышкою назадъ. Я тоди бувъ парубчакъ пидъ вусомъ. Наша Грыгоровка тоди була графыни Ржевуськои, дуже значнои и багатои пани; потимъ, кажуть, вона въ бидности и нужди вмерла, мало не зъ голоду, десь въ Каминци, чы де. Пройшла у насъ чутка, що въ нашій Грыгоровци буде царь, тутъ робытыме смотръ війську, и жытыме у нашои пани Ржевуськои. Якъ прыйшла та висточка, стала наша пани Ржевуська готовытыся до прыёму царя. Боже! Чого тильки не наготовылы, чого тильки не навезлы тоди у Грыгоровку!.. десять кухаривъ варылы и пеклы день и ничъ. Війська найшло пидъ Грыгоровку дуже багато, стояло воно скризь навколо. Оти вси ямы, що вы бачыте по дорози у Костантыновъ, коло «мурованного мистка» и кругомъ деревни—то ще зъ того часу, якъ тутъ військо лагоромъ стояло. Нагналы насъ всихъ мужыкивъ зъ села на роботу: поправлялы дорогу, робылы шосъ, а по бокамъ ёго поруччя, обыти червонымъ сукномъ одъ Грыгоровкы до миста; чыстылы двиръ, дзидзинокъ, огрудокъ.—По бокамъ дорогы одъ Грыгоровкы до Костантынова мы зъ обохъ сторонъ садылы тополи. Оти самисинькы, що й теперъ кильки позаставалысь коло Грыгоровкы по праву руку шляха якъ иты до насъ, а въ Грыгоровци зъ обохъ бокивъ, якъ иты до двора; а колысь то такъ було высажано тополямы вси тры верствы до самого миста.

Ажъ ось прыйшла чутка що царь вже йиде, и справди, якось такъ навесни за день, чы за два до Юрья, прыйизжае царь; зъ нымъ дуже багато инораливъ и прямисенько въ Грыгоровку, до нашои пани

Ржевуськои—у неи въ палацахъ и остановывся. Муры зъ тихъ палацивъ Ржевуськои вы и теперъ бачыте въ панськимъ огрудку и надъ ричкою на гори, коло кузни. Дуже велыки и гарни булы палацы тіи. Вся дорога отъ Костантынова до Грыгоровкы зъ обохъ сторонъ була уставляна москалямы; стоялы воны тисно, якъ стина. Всю дорогу отъ миста до Грыгоровкы выстылылы червонымъ сукномъ, але жъ царь, зобачывшы цее, сказавъ: «нехочу йихаты по червони суконни дорози», и не пойихавъ сукномъ, а бокомъ, коло сукна Дорогою, ще якъ царь йихавъ до Грыгоровкы, ёго нагнавъ курьеръ зъ Петербурху зъ штафетою, звисткою, що у царського брата родывся сынъ Аликсандръ, который потимъ царствовавъ и вызволывъ насъ, мужыкивъ, видъ панщины. Тай якъ у нашого царя дитей не було, то винъ дуже радовався, що хочъ у ёго брата родывся сынъ, и отъ на другый день писля того, якъ царь прыйихавъ до Грыгоровкы, въ Костантынови, въ теперешній «зеленій церкви», котра тоди була соборомъ, царь и вси иноралы молылыся за здоровля царевыча, служылы «молебны», а писля таки жъ молебны служылы для війська. Царь кильки днивъ робывъ коло Грыгоровкы смотры и маневры и кильки днивъ гостювавъ у нашои пани Ржевуськои; Боже, якыхъ тильки баливъ, бенкетивъ Ржевуська не выробляла для царя, а музыка грала, якъ день, такъ и ничъ. И того жъ дня царь зъ Костантынова по своему царству розиславъ маныхвесты по церквамъ, щобъ скризь служылы молебны за здоровля новорожденого царевыча.

Пани Ржевуська на свій коштъ прыймала все время царя и всихъ ёго иноралив. Царь, казалы, дуже тоди зостався контентый учтою и прыймомъ нашои пани Ржевуськои и якъ зовсимъ вже выйизжавъ зъ Грыгоровкы,—то, вытаючыся, дуже дяковавъ іи.

Я чувъ, що потимъ, якъ наша пани Ржевуська зовсимъ збиднила, то царь хотивъ звернуты ій все, що вона потратыла на учту и прыёмъ ёго и ёго иноралив,—але жъ Ржевуська не схотила взяты видъ царя ничогисенько.

Вышеприведенный разсказъ имѣетъ несомнѣнное историческое основаніе: дѣйствительно, въ 1822 году близъ Староконстантинова происходили маневры въ присутствіи императора Александра I, поселившагося у графини Ржевусской въ д. Григоровкѣ. Но какъ обыкновенно въ воспоминаніяхъ престарѣлыхъ очевидцевъ, въ разсказѣ Якова Зайця встрѣчаются хронологическія неточности: маневры про-

исходили не весною, а по обыкновенію ранней осенью; родился въ 1822 г. не великій князь Александръ Николаевичъ, впослѣдствіи императоръ (род. 17 апрѣля 1818 г.), а великая княжна Ольга Николаевна, впослѣдствіи королева Виртенбергская (род 30-го августа этого года). Зато нѣкоторыя подробности, даже такія, какъ объ устланной краснымъ сукномъ дорогѣ, подтверждаются описаніемъ пребыванія въ Григоровкѣ императора Александра I въ «Исторіи города Староконстантинова» Н. Зуца и въ «Историко-статистическомъ описаніи церквей и приходовъ волынской губерніи» Н. И. Теодоровича (т. IV, староконстантиновскій уѣздъ, стр. 43, гор. Староконстантиновъ), гдѣ сказано что «весь путь отъ городского собора до лѣтняго дворца Ржевусской былъ шоссированъ, устланъ англійскимъ краснымъ сукномъ, а по бокамъ на всемъ пространствѣ сдѣланы перила, обитыя такимъ же сукномъ». Что до насажденія тогда же для высочайшаго проѣзда между Григоровкою и Староконстантиновомъ тополевой аллеи, то объ этомъ нигдѣ не упоминается; хотя остатки этой аллеи, въ видѣ столѣтнихъ тополей, дѣйствительно существуютъ и понынѣ какъ подъ Григоровкою, такъ и въ самой деревнѣ, отъ такъ называемаго «коловорота», то есть въѣзда въ деревню со стороны города, до помѣщичьей усадьбы.

Ив. Бѣньковскій.

Складъ древняго оружія въ д. Григоровкѣ. Этотъ-же Я. Заяць разсказываетъ о томъ, какъ владѣлица Григоровки „пани Ржевуська“ во время перваго польскаго возстанія прятала отъ повстанцевъ оружіе, котораго, по словамъ разсказчика, у нея была масса.—„То якъ першій разъ бунтовалы ляхы,—то пани Ржевуська боялась, щобъ вси іи шабли, мушкеты, пистоли и таке инше, що було дуже багато и дуже дорогого видъ небожчыка чоловика й еи, не попалыся мятежникамъ-ляхамъ и щобъ еи, Ржевуську, также не замишалы до мятежа; отъ же вона казала намъ знесты все въ велыки мурованi лёхи, що булы у неи коло палацу на дзидзинку; писля того двери видъ лёху замуровалы и закидалы геть землею, щобъ слида не зосталося, де бувъ лёхъ.— Я навить самъ помагавъ закыдаты землею замуровани двери до лёху. Якось писля того пани Ржевуська выйихала зъ Грыгоровкы, а потимъ

Григоровку еи продалы за іи довгы—и такъ все тее и зосталося въ замурованому лёху и до сёго часу".

При этомъ Заяць бывшему арендатору этого имѣнія, нынѣ покойному, И. П. Волынцову, даже показывалъ мѣсто, гдѣ находятся двери отъ замурованнаго погреба. Двери эти напротивъ парадпаго входа стараго помѣщичьяго дома. Пробовали въ разныхъ мѣстахъ двора стучать ломомъ, и слышался гулъ какой бываетъ надъ подземными опгребами. Покойный Волынцевъ въ 80-хъ годахъ, по указанію Зайця, даже дѣлалъ попытку открыть погребъ. Проработавъ цѣлый день, докопались, какъ говорятъ, до какой-то стѣны. Однако Волынцевъ, боясь дальнѣйшихъ расходовъ, прекратилъ работу и засыпалъ раскопку. А интересно было бы провѣрить разсказъ Зайця.

Ив. Бѣньковскій.

Высочайшій подарокъ митр. Рафаилу Заборовскому 80 бутылокъ пива и переписка по этому поводу. 1) *Письмо барона Ивана Черкасова къ митр. Рафаилу Заборовскому.* Преосвященнѣйшій митрополитъ, Милостивый Государь мой! По указу Ея Императорского Величества отправлено при семъ къ Вашему Преосвященству съ нарочнымъ Великолуцкого пѣхотного полку сержантомъ Тихханомъ Алмазниковымъ англинского пива одна бочка в которои положено восемдесятъ бутылокъ, а по привозе все ли оное упомянутого сержанта вцѣлости принято будетъ, о томъ прошу Вашего Преосвященства меня писменно увѣдомить. В протчемъ же желая Вашему Преосвященству здравія, остаюсь съ должнѣйшимъ почтеніемъ Вашего Преосвященства Милостиваго Государя моего покорнѣйшій слуга баронъ Иванъ Черкасовъ.

28 сентября 1744 въ Москвѣ.

---

2) *Письмо митр. Рафаила Заборовского къ имп. Елизаветѣ Петровнѣ.* Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая великая Государыня Императрица Елисаветъ Петровна Самодержица Всероссійская, Всемилостивѣйшая Государыня моя! Коль многою Вашего Императорскаго Величества высокоматернею не точію въ бытность Вашего Императорскаго Величества въ градѣ Кіевѣ надъ заслуги мои пожалованъ я милостію, тоеяжде и въ Высочайшемъ Вашего Императорскаго Величества отсутствіи не лишенъ, егда удостоихъ по Высочай-

шему Вашего Императорскаго указу присланнаго ко мнѣ нарочнымъ аглинскаго пива восѣмъдесятъ бутылокъ получить, и за оную по жизнь мою достодолжнаго всеподданнѣйшаго благодаренія яко рабъ истинной и природной Государыни моей принестъ не могу, точію за вседражайшее Вашего Императорскаго Величества здравіе и всеблагополучное на многая тишайшая лѣта государствованіе по вѣрно присяжной всеподданнѣйшей должности моей, донелѣже жизнь моя въ старости продолжится, Бога молить непрестанно одолженъ. Вашего Императорскаго всепресвѣтлѣйшаго величества всеподданнѣйшій рабъ и богомолецъ.

1744 года октября. Кіевъ.

—

3) *Его-же къ барону Ивану Черкасову.* Высокородный и высокопревосходительный Господинъ Кабинетной Министеръ баронъ Іоаннъ Антоновичъ. Милостивый мой благодѣтель. По указу Ея Императорскаго Величества отправленнаго ко мнѣ съ нарочнымъ Великолуцкого пѣхотного полку сержантомъ Тихономъ Алмазниковымъ аглинскаго пива въ бочки положенныхъ восѣмъдесятъ бутилокъ я сего октября 7 числа въ цѣлости получилъ, за которое включенное при семъ всеподданнѣйшое мое Ея Императорскому Величеству благодареніе покорно приношу Ея Императорскому Величеству при всеподданнѣйшемъ моемъ уклонѣ вручить. Я же навсегда съ одолженіемъ и почтеніемъ моимъ прибыть имѣю и есмъ Вашего Высокопревосходительства доброжелателный.

1744 года октября. Кіевъ.

P. S. Посилаю Вашему Превосходительству въ презентъ Евангеліе страстное, монитвословъ въ пуделкѣ, акаѳистъ святыя великомученицы Варвары, панегирикъ единъ рускимъ латинскимъ и полскимъ діалектами и конклюзіи двѣ Ея Императорскому Величеству отъ академіи моей кіевской приписанное да панегирикъ единъ латинскимъ и нимецкимъ діалектами, въ похвалу Академіи моей въ Шльонску приписанный, которые прошу благопріятно принять.

—

4) *Его-же къ оберъ-секретарю Святѣйшаго Синода.* Превосходителный Господинъ Святѣйшаго Правит. Синода Оберъ-Секретарь. Мой благопріятный Благодѣтелъ. Чрезъ случившую нинѣ оказію, а имянно чрезъ нарочно присланного по указу Ея Ім. В. ко мнѣ изъ Москви съ осмидесятю бутилками пива аглинскаго Великолуцкого пѣхотногу полку сержанта Тихона Алмазникова посилаю Вашему Пре-

восходителству въ едномъ ящикѣ съ посилкою къ его Высокопревосходителству барону Іоанну Антоновичу Черкасову конклюзіи двѣ и панегириковъ два приписаныхъ Ея Императорскому Величеству отъ Академіи моей Кіевской рускимъ латинскимъ и полскимъ діалектами да пенегирикъ единъ латинскимъ и нѣмецкимъ діалектами въ похвалу Академіи моей въ Шльонску приписанный и при томъ для богомолія Аѳанасію Яковлевичу Леванидову молитословъ, которые прошу благопріятно принять. Вашего Превосходителства доброжелателный.

1744 года октября 8 д. Кіевъ.

—

5) *Его-же къ принцу Гессенъ-Кобургскому.* Свѣтлѣйшій князь. (По титлѣ до Гессен-Кобургскаго). Хотя я доволно вѣдаю, что многіе мои прежде сего отправленные писма не безъ утружденія Вашей высококняжеской свѣтлости были, однакожъ въ надежду милостивыхъ по оныхъ учиненныхъ дѣйствій, съ которыхъ узнаю, что я въ неотмѣнной вашей великокняжеской свѣтлости содержусь благосклонности, и симъ смѣю утруждать въ покорности моей прося, дабы сего вручителя Великолуцкого пѣхотного полку сержантъ Тихонъ Алмазниковъ по Ея Ім. В. высочайшему указу изъ Москвы присиланный ко мнѣ въ Кіевъ съ аглинскимъ пивомъ, за его службы по высокому Вашей высококняжеской свѣтлости усмотренію подвышшеніемъ ранга былъ пожалованъ. Я же съ всегдашнымъ благодареніемъ особливѣйшимъ одолженіемъ и достодолжнымъ почтеніемъ пребыть имѣю. Вашей Высококняжеской свѣтлости доброжелателный.

1744 года октября 8 д. Кіевъ.

(Изъ бумагъ 18-го вѣка, хранящихся въ Кіевской Духовной Консисторіи).

О цѣнахъ на хлѣбъ, мясо, ягоды, воскъ и медъ въ полтавской губ. сто лѣтъ тому назадъ. Тимковскій, кураторъ харьковскаго университета, обратился съ просьбой къ князю Куракину сдѣлать распоряженіе о доставленіи ему статистическихъ свѣдѣній о полтавской губерніи. Изъ этихъ данныхъ, сообщенныхъ городничими объ уѣздныхъ городахъ и нижнимъ земскимъ судомъ объ уѣздѣ, можно почерпнуть свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ, мясо и др., существовавшихъ въ 1803 году и послѣдующіе годы вообще. Стоимость ржи была 1 р. 44 к. ас. и доходила до 2 р. 40 к. только въ одномъ кобеляк-

скомъ уѣздѣ. Послѣдняя цѣна была очень высока, быть можетъ, въ силу опустошенія въ томъ году полей саранчою. Овесъ стоитъ $63^3/_4$ коп. асс. за четверть, дешевле не было ни въ одномъ уѣздѣ. Наибольшая цѣна была въ золотоношскомъ уѣздѣ, гдѣ достигла до 1 р. 95 к.; въ остальныхъ уѣздахъ она колебалась между 80 к. и 1 руб. 60 к. ас. Мясо въ большинствѣ уѣздовъ продавалось по 3 к.; только въ Лохвицѣ и Зѣньковѣ цѣна его была $3^1/_2$ до 5 коп., свинина продавалась отъ $2^1/_2$ до 2 коп.въ большинствѣ уѣздовъ. Въ константиноградскомъ уѣздѣ цѣна была 3 коп. Баранина продавалась по 2 к. и $2^1/_2$ к.; выше этой цѣны не было.

Воскъ въ большинствѣ уѣздовъ покупали по 24 руб. за пудъ; только въ константиноградскомъ уѣздѣ цѣна была меньше 20 р.; медъ продавался отъ 4 р. 80 к. до 5 руб. 90 коп. за пудъ, и послѣдняя цѣна была только въ лохвицкомъ уѣздѣ. Ягоды—вишни и сливы (о другихъ свѣдѣній нѣтъ) продавались ведрами отъ 15 к.—35 к.; въ пирятинскомъ уѣздѣ цѣна доходила до 55 коп. Нѣтъ свѣдѣній отъ двухъ городничихъ. Переяславскій сообщилъ, что о цѣнахъ на ягоды не можетъ ничего сказать, «такъ какъ не отъ кого узнать» а лохвицкій пишетъ, «что прежде Лохвица былъ заштатный городъ (какъ извѣстно, лохвицкій уѣздъ вошелъ въ составъ губерніи позже остальныхъ), полиціи не существовало, а потому и свѣдѣній за прошлые годы нельзя доставить». Надо замѣтить, что эти цѣны относятся не только къ 1803 году, но и къ послѣднимъ четыремъ годамъ.

(Архивъ полтав. губ. правленія по описи № 200).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

Поправка. Въ майской книжкѣ, въ статьѣ «Генеральный судья Иванъ Чарнышъ и его родъ», на стр. 214-й, въ 10-й строкѣ сверху, слѣдуетъ исправить слѣдующее мѣсто: вмѣсто «для людей *образованныхъ*» слѣдуетъ читать «для людей *бѣдныхъ*».

Текущія извѣстія.

Столѣтіе со дня рожденія М. А. Максимовича. 3-го сентября текущаго года исполнится 100 лѣтъ со дня рожденія М. А. Максимовича, извѣстнаго ученаго и изслѣдователя въ области украинской исторіи, литературы и этнографіи. Мы слышали, что кіевскій университетъ, первымъ ректоромъ котораго былъ покойный, предполагаетъ въ память столѣтняго юбилея М. А. Максимовича поставить въ университетскомъ саду, на площадкѣ передъ зданіемъ университета, бюстъ своего перваго ректора. Личность покойнаго настолько должна быть дорога Украинѣ, что мы надѣемся на полное сочувствіе людей, знавшихъ его и цѣнящихъ его заслуги, и приглашаемъ ихъ подѣлиться съ нашей редакціей своими воспоминаніями и статьями, для того, чтобы въ сентябрьскомъ номерѣ журнала удѣлить его памяти подобающее мѣсто.

Невѣста Т. Г. Шевченка. Въ „Биржевыхъ Вѣдом.“ г. Брешко-Брешковскій помѣстилъ большой фельетонъ, передающій извѣстную исторію сватовства Т. Г. Шевченка на Лукерьѣ. Дѣло въ томъ, что г. Брешко-Берешковскій разыскалъ въ Царскомъ Селѣ бывшую невѣсту Т. Г. Шевченка—Лукерью, со словъ которой и ведетъ разсказъ. Вотъ какъ описывала Лукерья тотъ періодъ своей жизни, когда она была объявленной невѣстой поэта.

Каждый день я гуляла съ Тарасомъ Григорьевичемъ. Онъ мнѣ разсказывалъ про свою оренбургскую неволю и часто плакалъ...

Прислалъ мнѣ подарки. Шесть паръ козловыхъ сапоговъ, на шнуркахъ, потому что мои сапоги были „съ пальцами“. Малахитовую шкатулку, гдѣ было пятьсотъ (?) рублей серебряными пятачками. Евангеліе прислалъ. Три нитки коралловъ съ медальонами. Заказалъ подвѣнечный малороссійскій костюмъ: голубой бархатный корсажъ, обшитый красной шелковой лентой съ серебромъ. Гудзыки—золотые.

Спидныця голубая шелковая, „морэ"; бѣлыя туфли. На головѣ вѣнецъ безъ fleur d'orang'a. (Тарасъ Григорьевичъ собирался вѣнчаться во фракѣ; не хотѣлъ надѣвать вицъ-мундира). Визитный костюмъ: бѣлый на голубой шелковой подкладкѣ козакинъ въ талію, съ широкими, разрѣзными рукавами, переплетенными шнурами на золотыхъ гудзыкахъ. Шляпа бѣлая—Гарибальди. Костюмы дѣлались по рисункамъ Тараса Григорьевича у m-me Andrié на Морской.

Шевченко, художественная натура котораго желала видѣть нарядной любимую дѣвушку, запретилъ, однако, невѣстѣ носить корсетъ.

— Якъ побачу, що надила се прокляте сидло,—то заразъ спалю у пичци.

А вотъ разсказъ о дальнѣйшей судьбѣ Лукерьи послѣ ея отказа Т. Г. Шевченку.

Въ это время ушедшая навсегда отъ Карташевскихъ Лукерья служила въ модномъ парикмахерскомъ магазинѣ, гдѣ причесывала дамъ, кроила сорочки и „уклонялась" отъ ухаживаній старыхъ, плѣшивыхъ сановниковъ—кліентовъ магазина. Былъ даже случай, что она дала кому-то пощечину. Хозяинъ-французъ, лощеный, галантный, сдѣлалъ выговоръ.

— Ce n'est pas bien, mademoiselle, faire comme ça.

— А если не бьенъ,—отвѣчала Лукерья,—такъ я уйду. Но мастерица она была искусная и ее оставили.

Въ магазинѣ вмѣстѣ съ нею служилъ брадобрей Яковлевъ, и Лукерья вышла за него замужъ. Это случилось спустя два года послѣ кончины Тараса Григорьевича.

Супруги открыли въ Царскомъ Селѣ свою парикмахерскую. Пошли дѣти (теперь ихъ пятеро и всѣ взрослыя). Лукерья не совсѣмъ забыла своего перваго жениха,—по крайней мѣрѣ, она повѣсила у изголовья портретъ Шевченка, вырѣзанный изъ какого-то журнала. Но ревнивый брадобрей изорвалъ въ клочки это вещественное воспоминаніе о Тарасѣ Григорьевичѣ.

Жизнь шла своимъ немудренымъ чередомъ. Кирасиры и лейбъгусары стриглись, брились въ парикмахерской Яковлевыхъ и заказывали бѣлье, причемъ мѣрку снимала Лукерья Ивановна.

Теперь она овдовѣла, бѣдствуетъ и торгуетъ въ Царскомъ чулками, зарабатывая въ день нѣсколько копѣекъ.

———

Народная выставка картинъ. Художникъ Развадовскій предполагаетъ устроить народную выставку картинъ. Академія дала субсидію и въ настоящее время выставка, по словамъ „Бирж. Вѣд.“ близка къ осуществленію; въ началѣ мая двигается изъ Петербуга, а 30 мая назначено открытіе ея въ Кіевѣ въ зданіи университета. Маршрутомъ избранъ для перваго опыта юго-западный край, а именно: Кіевъ, Васильковъ, Бѣлая Церковь, Сквира, Липовецъ, Немировъ, Винница, Ямполь, Могилевъ, Каменецъ-Подольскъ и всѣ тѣ села, которыя лежатъ по пути между этими городами и мѣстечками. Организаторъ и устроитель выставки—молодой художникъ Развадовскій—лично объѣхалъ верхомъ весь этотъ край, подготовилъ почву и получилъ согласіе на безплатныя помѣщенія какъ у администраціи, такъ и среди помѣщиковъ.

Въ выставкѣ принялъ участіе довольно большой кружокъ художниковъ; тутъ мы встрѣчаемъ имена: А. А. Киселева, Н. Д. Кузнецова, И. Е. Рѣпина, М. И. Подашенко-Третяковой, П. И. Столицы, А. В. Скалона, С. М. Зейденберга, Ѳ. Р. Райлана, П. В. Шмарова и многихъ другихъ, безвозмездно согласившихся принять участіе въ выставкѣ. Художественныя произведенія подвергаются экспертизѣ жюри, состоящаго изъ художниковъ, участвующихъ въ выставкѣ, и, въ случаѣ принятія на выставку, не могутъ быть взяты обратно авторами ранѣе года.

Входъ на выставку будетъ безплатный, исключая городовъ и ярмарокъ, гдѣ будетъ браться самая незначительная плата, чтобы имѣть возможность покрывать матеріальные расходы по выставкѣ.

Передвигаться выставка будетъ по грунтовымъ дорогамъ на разборной подводѣ, деревянныя части которой должны служить устоями для палатки, но палатка будетъ устанавливаться только на ярмаркахъ, обыкновенно-же выставка располагается въ начальныхъ школахъ и усадьбахъ тѣхъ помѣщиковъ, которые дали на это свое согласіе.

Надо отдать справедливость устроителю: предусмотрѣны всѣ мелочи, и все устроено въ высшей степени экономно и практично. Устроены спеціальные неглубокіе ящики для картинъ; они скрѣпляются другъ съ другомъ на шарнирахъ въ родѣ оконныхъ рамъ, верхняя и нижняя крышка ящиковъ представляютъ изъ себя заднія стѣнки картинъ, неподвижно къ нимъ прикрѣпленныхъ. Ящикъ въ открытомъ видѣ представляетъ изъ себя 2 картины, которыя въ ту-же минуту можно повѣсить. Вечеромъ, посредствомъ волшебнаго фонаря,

будутъ демонстрированы народу картины, выбранныя изъ музея Императора Александра III, эрмитажа, галлереи П. М. Третьякова. Съ выставочныхъ картинъ будутъ репродукціи, исполненныя въ краскахъ и одноцвѣтныя. Цѣна на нихъ назначена баснословная: 4 коп. вмѣстѣ съ паспарту! Но въ Петербургѣ, разумѣется, продажи не будетъ, иначе врядъ что-либо дошло-бы до провинціи, хотя и заготовлено до 4,000.

Такова программа этого симпатичнаго начинанія. Выставка можетъ оставить громадный культурный слѣдъ въ исторіи народа. Такъ какъ выставка безъ пояснительнаго текста, конечно, была-бы безсмысленна, а сюжеты картинъ очень разнообразны, то въ объясненія невольно войдутъ и самыя разнообразныя свѣдѣнія и по исторіи, и по географіи, и по естествовѣдѣнію и проч.

Къ постройкѣ школы имени И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. Недавно въ полтавской городской думѣ опять обсуждался вопросъ о постройкѣ зданія для школы имени И. П. Котляревскаго. Послѣ долгаго обсужденія разныхъ техническихъ вопросовъ, связанныхъ съ проектомъ постройки на Подольской горѣ, подъ Соборной площадкой, зданія для школы имени Котляревскаго, дума утвердила представленную ей смѣту въ суммѣ 11,757 руб., поручивъ коммиссіи по сооруженію школы сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ планѣ и представить смѣты на дворовыя постройки при школѣ. Управа доложила, что почти всѣ строительные матеріалы будутъ ею взяты въ кредитъ у губернскаго земства и частныхъ подрядчиковъ.

Фамильные архивы. Весьма симпатичное начинаніе сдѣлано черниговской архивной коммиссіей. Она обратилась къ лицамъ, имѣющимъ фамильные архивы, съ слѣдующей просьбой: „Въ числѣ вопросовъ, поставленныхъ на разрѣшеніе предстоящаго въ 1905 году XIII археологическаго съѣзда и рекомендуемыхъ особенному вниманію архивистовъ, имѣется такой: привести въ извѣстность описаніе документовъ, представляющихъ собою источники для изученія исторіи крѣпостного помѣщичьяго хозяйства въ Россіи XVIII и первой половины XIX вѣковъ (матеріалы хозяйственныхъ отчетовъ, счетовъ,

пакетовъ бургомистрамъ и старостамъ, приходо-расходныхъ книгъ и всякаго рода хозяйственной переписки)". Поставивъ себѣ задачей собрать и описать какъ можно больше означенныхъ архивныхъ матеріаловъ, архивная коммиссія и проситъ: „дать ей подробное описаніе фамильнаго архива или передать его для изученія и описанія въ архивную коммиссію. Семейные архивы являются хранителями цѣнныхъ письменныхъ памятниковъ, по которымъ можно изучать правдивую исторію края и взаимныя отношенія предковъ между собою, въ частности же—отношенія ихъ къ крестьянству, другимъ сословіямъ и различнымъ событіямъ мѣстной жизни и государства. Между тѣмъ, къ сожалѣнію должно сказать, что эти, иногда вѣками слагавшіеся архивные фонды, вслѣдствіе различныхъ случайностей, весьма часто подвергаются уничтоженію, гибнутъ отъ пожаровъ, продаются на вѣсъ и, такимъ образомъ, пропадаютъ безслѣдно для науки. Поэтому крайне желательно сохранить, изслѣдовать и описать оставшіеся матеріалы". Нужно ожидать, что на просьбу архивной коммиссіи охотно откликнутся обладатели архивовъ, тѣмъ болѣе, что дореформенное помѣщичье хозяйство еще сильно нуждается въ изученіи и освѣщеніи.

Музей имени В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ. Черниговская дума, согласно мнѣнію юридической коммиссіи, постановила немедленно открыть для общаго пользованія музей украинскихъ древностей, завѣщанный губернскому земству В. В. Тарновскимъ, торжественный же актъ открытія музея отложить до полученія отвѣта на возбужденное ходатайство о присвоеніи музею имени жертвователя. Такимъ образомъ, въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ открыта для публики эта богатая и единственная въ своемъ родѣ сокровищница украинскихъ древностей, которая, несомнѣнно, будетъ достопримѣчательностью Чернигова.

Древній храмъ въ г. Каневѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ причтъ, церковный староста и представители отъ прихожанъ Соборно-Успенской церкви г. Канева обратились было къ епархіальному начальству за разрѣшеніемъ произвести расширеніе ихъ церкви. Но Императорская археологическая коммиссія, вслѣдствіе заключенія церковно-археологическаго общества при Кіевской духовной академіи, увѣдомила въ

текущемъ году епархіальное начальство, что разрѣшить расширеніе этой церкви не признаетъ возможнымъ, въ виду большого археологическаго значенія ея, представляющей по общимъ массамъ несомнѣнно памятникъ кіевской архитектуры XII столѣтія, хотя и обезображенный въ деталяхъ штукатуркою и покрытіями XIX вѣка. Считаемъ нелишнимъ сообщить результаты изслѣдованія объ Успенскомъ храмѣ г. Канева, добытые, по порученію церковно-археологическаго общества при Кіевской духовной академіи, профессорами П. А. Лашкаревымъ и В. З. Завитневичемъ. По ихъ заключенію, существующія въ историко-археологической литературѣ свѣдѣнія о каневской Соборно-Успенской церкви сводятся къ слѣдующему. Церковь эта заложена великимъ княземъ Всеволодомъ Олеговичемъ 1144 г. Сооружена она изъ древняго кирпича. Кирпичи переложены толстымъ слоемъ несомнѣнно древняго цемента. Профессора П. А. Лашкаревъ и В. З. Завитневичъ говорятъ, что древняя кладка кирпича сохранилась въ стѣнахъ не до оконъ только, какъ прежде предполагалось, а изъ древняго кирпича сложены всѣ стѣны церкви до самой крыши. Мало того: путемъ расчистки новѣйшей штукатурки эта же кладка обнаружена и въ фонарѣ главнаго купола. Только башни надъ сѣверо-западнымъ и юго-западнымъ углами зданій по своему происхожденію принадлежатъ позднѣйшему времени. Пилястры сложены изъ древняго кирпича, и только пьедесталы ихъ, какъ засвидѣтельствовали представители мѣстнаго причта, обложены въ позднѣйшее время. Архитектура алтарныхъ частей сохранилась въ цѣлости до настоящаго времени.

Засѣданіе Полтавской архивной коммиссіи. Въ засѣданіи 25 апрѣля членомъ коммиссіи И. Ф. Павловскимъ былъ прочитанъ докладъ «Новыя данныя о Шведской могилѣ и капиталъ Судіенка». На основаніи архивныхъ данныхъ, доселѣ неизвѣстныхъ, оказывается, что первая мысль о постройкѣ храма на Шведской могилѣ принадлежитъ кн. Лобанову-Ростовскому. Докладчикомъ былъ представленъ цѣлый очеркъ, почему этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Помимо этого докладчикъ ознакомилъ собраніе съ завѣщаніемъ Судіенка (1808 г.), гдѣ не упоминается ни однимъ словомъ о какомъ-либо пожертвованіи на Шведскую могилу, и потому господствующее убѣжденіе, что Судіенко пожертвовалъ на устройство инвалиднаго дома и на другія просвѣтительныя цѣли, не подтверждается. Судіенко

желалъ устроить храмъ на Шведской могилѣ, какъ это видно изъ донесенія кн. Лобанова-Ростовского министру внутреннихъ дѣлъ князю А. Б. Куракину. Хотя въ Высочайшемъ рескриптѣ Судіенку и упоминается о желаніи Судіенка построить «памятникъ съ церковью», но дальнѣйшая переписка не подтверждаетъ этого и рѣчь идетъ только о желаніи Судіенка устроить «храмъ съ колокольней и о нѣкоторомъ прибѣжищѣ для охраненія онаго».

БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. И. Петровъ. Значеніе Кіевской Академіи въ развитіи духовныхъ школъ въ Россіи съ учрежденія Св. Синода въ 1721 году и до половины XVIII вѣка. *Стр. 1—110. Кіевъ. 1904.*

При Кіевской духовной Академіи, какъ извѣстно, предпринято очень интересное изданіе: предполагается собрать и издать отдѣльными томами по возможности всѣ акты и матеріалы, косающіеся исторіи этой Академіи со времени ея основанія и до нашихъ дней.

Кіевская Академія издавна и въ продолженіи долгаго времени служила центромъ просвѣщенія не только нашего юго-западнаго края, но и всей Россіи,—отсюда понятна вся важность и весь глубокій интересъ предполагаемаго изданія. Безъ сомнѣнія, въ этомъ изданіи найдутъ себѣ мѣсто не только акты и матеріалы, спеціально относящіеся къ исторіи Кіевской академіи, но и матеріалы по исторіи просвѣщенія Россіи вообще и юго-западнаго края въ частности, поскольку въ этомъ просвѣщеніи играла роль древняя Кіевская Академія,

Что дѣло будетъ вестись именно на такихъ широкихъ началахъ, что предпринятое изданіе не будетъ преслѣдовать только узко-спеціальной цѣли—исторіи Кіевской Академіи, убѣждаетъ насъ и вышедшій уже въ свѣтъ первый томъ актовъ [1]), и особенно настоящая книжка проф. Н. И. Петрова, которая цѣликомъ имѣетъ войти во второй, заканчиваемый уже печатаніемъ томъ актовъ.

Задачу своего изслѣдованія проф. Н. И. Петровъ, одинъ изъ инициаторовъ и главныхъ, наиболѣе энергичныхъ сотрудниковъ симпа-

[1]) О немъ мы имѣемъ подробнѣе поговорить въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ нашего журнала.

тичнаго изданія Кіевской Академіи, опредѣляетъ такъ: «Наша задача состояла собственно въ собраніи свѣдѣній о воспитанникахъ Кіевской Академіи, принимавшихъ участіе въ учрежденіи и преобразованіи разныхъ духовныхъ школъ того времени и въ преподаваніи въ нихъ наукъ; но мы считаемъ не излишнимъ представить перечень и такихъ учителей этихъ заведеній, о которыхъ съ достовѣрностью не извѣстно, гдѣ они получили свое образованіе, и даже о тѣхъ учителяхъ коллегіумовъ и семинаріи, которые несомнѣнно не были воспитанниками Кіевской Академіи, дабы имѣть, по возможности, нѣкоторое представленіе о процентномъ отношеніи такихъ семинарскихъ учителей къ количеству учителей изъ воспитанниковъ Кіевской Академіи», (15—16 стр.).

Опредѣливши такимъ образомъ задачу своей работы и предпославши краткую исторію духовныхъ школъ въ Россіи отъ учрежденія Св. Синода до половины XVIII в., уважаемый профессоръ далѣе переходитъ собственно къ своему изслѣдованію. Для этого онъ сообщаетъ свѣдѣнія относительно основателей и учителей слѣдующихъ духовно-учебныхъ заведеній: Московской Академіи, Черниговскаго Коллегіума; семинарій: Ростовско-Ярославской, Новгородской, Нижегородской, Александро-Невской, Иркутской, Бѣлогородско-Харьковскаго Коллегіума; семинарій: Тверской, Казанской, Холмогорской, Коломенской Вятской, Суздальской, Вологодской, Рязанской, Псковской, Устюжской, Тобольской, Смоленской, Воронежской, Астраханской, Крутицкой, Переяславской (южной), Троицкой Лаврской, Костромской и Владимірской.

Въ результатѣ въ высшей степени кропотливаго изслѣдованія проф. Петрова выходитъ, что главный контингентъ учащихъ во всѣхъ этихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая даже и Московской Академіи, составляли воспитанники Кіевской Академіи. Московская Академія, которая въ это время была «старинною и самою многолюдною колоніей Кіевской Академіи», пользовалась особыми привиллегіями въ дѣлѣ вызова учителей изъ Кіевской Академіи: Св. Синодъ предписывалъ высылать всѣхъ нужныхъ для нея лицъ, способныхъ къ учительству, хотя бы даже они были необходимы и для самой Кіевской Академіи. Остальныя семинаріи не имѣли права принудительнаго вызова учителей изъ Кіевской Академіи, но могли приглашать ихъ по добровольному соглашенію съ ними. Въ семинарскіе преподаватели шли не только окончившіе Академію, не только богословы, но и философы, и риторы, а въ рѣдкихъ случаяхъ и ученики піитики.

Изслѣдованіе проф. Н. И. Петрова еще разъ съ неопровержимою очевидностью подтверждаетъ давнюю истину о томъ, что Кіевская Академія была центремъ просвѣщенія для всей Россіи, что изъ нея просвѣщеніе распространилось по всей Россіи.

Кижка проф. Н. И. Петрова, вся сплошь испещренная цитатами и сносками на громадную рукописную и печатную литературу, очевидно предназначается не для широкой публики, которая любитъ пользоваться только итогами продолжительныхъ и кропотливыхъ работъ. Настоящее изслѣдованіе для нея, равно какъ для всѣхъ не спеціалистовъ, для людей, никогда не интересовавшихся деталями исторіи родного края и его древнѣйшаго и славнѣйшаго училища—Кіевской Академіи, покажется скучнымъ и мало интереснымъ. Но всѣ, кому приходилось спеціально заниматься исторіей Кіевской Академіи, и всѣ вообще, интересующіеся вопросами просвѣщенія нашего края, вполнѣ поймутъ значеніе настоящаго изслѣдованія, поймутъ, какъ много усидчиваго. упорнаго, кропотливаго труда оно потребовало, оцѣнятъ глубокую эрудицію автора и принесутъ ему свою искреннюю признательность.

В. Д—скій.

Кириллъ Неграмотный и Θеодоръ Самойленко. Двенадцять чародійныць. Малороссійская опера-феерія въ 3-хъ діяхъ. Кіевъ, 1904 г. *Стр.—1—64. Цѣна 40 коп.*

Въ одной изъ предыдущихъ книжекъ нашего журнала намъ приходилось уже говорить о произведеніяхъ такъ называемыхъ украинскихъ писателей самородковъ (См. № 4, 1904 г.). Теперь передъ нами опять твореніе доморощеннаго генія-самородка. На этотъ разъ мы знакомимся съ „геніальнымъ“ драматическимъ произведеніемъ.

Жили-были на бѣломъ свѣтѣ два деревенскихъ ловеласа—Тарасъ и Уласъ. Много сердецъ похитили они, много слезъ пролили изъ-за нихъ деревенскія красавицы. Но ни слезы, ни просьбы, ни мольбы не трогали нашихъ героевъ. Наконецъ, оскорбленныя „симпатіи“ рѣшаютъ жестоко мстить своимъ сердцеѣдамъ. Тутъ только измѣняетъ имъ обычное ихъ мужество: Тарасъ съ Уласомъ задумываютъ бѣжать на Донъ. Но и здѣсь имъ стоитъ на дорогѣ роковая, неизбѣжная любовь. Избавившись отъ обыкновенныхъ дивчатъ, наши парни влюбляютъ въ себя услужливо предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе заботливымъ авторомъ цѣлыхъ двѣнадцать „чародійныць“. Запылали сердца несчастныхъ „чародійныць“, закружились ихъ слабыя головы, а наши донъ-жуаны уже готовы и на попятый дворъ. Однако, не тутъ то было: „чародійныци“ не то, что Маруся или Марыся, отъ нихъ такъ легко не отдѣлаешься. „Чародійныци“ взываютъ о помощи къ Морской царицѣ. Та вооружаетъ цѣлую армію демоновъ и... вотъ-вотъ наши герои погибли бы, если бы не явился имъ на выручку вызванный изъ

небесныхъ чертоговъ всесильнымъ авторомъ свѣтлый ангелъ, не поразилъ демоновъ своимъ огненнымъ мечомъ и не закрылъ сцены...

Таково основное содержаніе „Дванадцяты чародійныць“.

По пути въ пьесѣ разсыпано очень много интересныхъ и поучительныхъ наблюденій. Такъ, по мнѣнію автора, наши крестьяне всю свою жизнь, съ ранняго утра до поздней ночи, съ дѣтскихъ лѣтъ до старости, только пьютъ, танцуютъ, поютъ и играютъ въ любовь. Очевидно, это не наша деревня съ ея тяжелымъ, потомъ и кровью достающимся кускомъ хлѣба. Это—какая-то счастливая Аркадія, надъ которой вѣчно сіяетъ солнце любви. Да и любовь, у крестьянъ нашего автора какая-то необыкновенная, странная: выражается она исключительно только поднесеніемъ сѣмячекъ и орѣховъ. Еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что передъ нами не обыкновенная деревня, а какая-то миѳическая страна, тотъ фактъ, что въ пьесѣ, кромѣ обыкновенныхъ людей, принимаютъ участіе еще и сверхъестественныя силы: „Чародійныци“, морская царица, «везеулъ» (вельзевулъ?), демоны, ангелъ...—это, какой-то сверхъестественный русскій языкъ. Вотъ нѣсколько образчиковъ его: «Босъ, *въ бѣлыхъ штанахъ, съ подкачанными панталонами* (?) *въ очкурнѣ шпагатный толстый очкуръ (поясъ) до колѣнъ*»... (21 стр.). «Въ шлянѣ, въ воротникѣ (манишкѣ) *поджакѣ*, манжетахъ, жилетѣ, *при часахъ, брюкахъ на выпускъ панталоны*, съ зонтикомъ, *который по способу пружины самъ открывается* и съ портабакомъ съ папиросами»... (22 стр.). «Мы съ *нетерпѣніемъ* прибыли къ вамъ»... (стр. 59). «Какъ ты смѣла *пристать* къ такому человѣку, *при которомъ существуетъ сила* Всевышняго Бога?»... (Стр. 62). (Сравни стр. 5, 6, 8, 19, 25, 37, 45, 46, 48, 50, 53, 60, 63 и др.). Разъ уже зашла рѣчь о языкѣ пьесы, то не могу не отмѣтить «сверхестественныхъ» перловъ и украинской рѣчи нашего автора. Чего стоятъ хотя бы такія выраженія и словечка: «нарывайся плакать» (стр. 7), «не догадуйсь, Марусе» (въ смыслѣ: «не замышляй» (ibid), «виддумайсь Марусе» (ibid), «а я Уласу видказала» (въ смыслѣ: «отказала») (стр. 8) и т. д. (Сравни стр., 9, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 23, 61...).

Кто же такой авторъ разсматриваемой нами пьесы, такъ властно распоряжающійся міромъ сверхъестественныхъ не только темныхъ, но и свѣтлыхъ духовъ,—такъ безцеремонно искажающій не только малорусскій, но и русскій языкъ?..

Судя по тому, что въ пьесѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на хоть какую-нибудь мотивировку и психологію, что въ ней прямо таки нѣтъ человѣческаго смысла, и принимая во вниманіе невозможный языкъ пьесы—можно безъ всякихъ колебаній сказать, что авторъ пьесы—

человѣкъ или совершенно неграмотный или безграмотный и при томъ совершенно не образованный.

На обложкѣ книжки, дѣйствительно, стоитъ: «Кириллъ Неграмотный». Мы, конечно, должны цѣнить все геройство и необыкновенную честность г. Кирилла Неграмотнаго, откровенно сознающагося въ своей безграмотности, но однако не можемъ не спросить его, какъ же онъ берется писать книги, будучи совершенно неграмотнымъ. Неужели ему не знакома та простая истина, что нельзя браться за то дѣло, котораго совершенно не знаешь?.. Что касается другого автора, подписавшагося подъ книжкой г. Θеодора Самойленка, то, видно, и онъ не далеко ушелъ отъ своего совершенно неграмотнаго сотрудника и въ смыслѣ грамотности, и еще болѣе въ смыслѣ образованности. Только у него не хватило, къ сожалѣнію, рѣшимости прямо заявить о своей безграмотности.

Много, по обязанности рецензента, приходится перечитывать намъ глупыхъ и безграмотныхъ произведеній украинскихъ самородковъ, но даже и среди нихъ трудно найти что нибудь болѣе безтолковое и безграмотное...

В. Мировець.

Б. Арсень. Украинскій спиваныкъ. 100 писень зъ нотамы. *1—132+I—III стр. Одесса. 1904.*

Въ послѣднее время очень часто приходится слышать жалобы на то, что народная пѣсня забывается, что ее вытѣсняетъ пѣсня фабрично-солдатскаго происхожденія. И, дѣйствительно, проѣзжая по Украинѣ, вы въ настоящее время почти не встрѣтите такого счастливаго уголка, куда бы не проникла своеобразная фабричная цивилизація съ ея неизмѣнною гармоніей, отвратительной, пошлой «Разлукой», «Канхветкой» и т. п. пѣсенными перлами. Даже болѣе: изъ бесѣдъ съ народомъ вы узнаете, что ему, особенному молодому поколѣнію, болѣе по вкусу *новыя* пѣсни, что старинныя украинскія, то полныя заразительнаго, здороваго веселья, то дышущія глубокою, за душу хватающей тоской пѣсни теперь въ деревнѣ *не въ модѣ.*

На основаніи всего этого нѣкоторые пессимисты полагаютъ, что народная пѣснь уже севершенно потеряна, такъ сказать, умерла для народа.

Мы рѣшительно не согласны съ этимъ мнѣніемъ. Намъ кажется, что крестьянинъ нашъ поетъ «Разлуку» не п., что цѣнитъ ее выше своихъ родныхъ старинныхъ пѣсенъ,—не п., что его неудовлетворяютъ родныя, глубоко содержательныя и мелодичныя пѣсни,—а потому, что теперь *такая мода, мода на пѣсни солдатско-фабричнаго пошиба.* И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что крестьянинъ слѣдуетъ этой модѣ, мѣняетъ свою красивую пѣсню на пошлую безсодержательную и даже въ музыкальномъ отношеніи не интересную «Канхветку»... Часто даже и люди болѣе развитые, болѣе интеллигентные, болѣе сильные въ умственномъ отношеніи не въ силахъ бороться противъ соблазновъ моды.

Однако, спросите нашего крестьянина о старыхъ пѣсняхъ, напомните ему о нихъ, разгоните передъ нимъ туманъ моды, расшевелите его,—и сколько чудныхъ—содержательныхъ, мелодичныхъ, истинно-народныхъ пѣсенъ вы услышите отъ него, и съ какимъ увлеченіемъ онъ будетъ вамъ пѣть эти пѣсни, вспоминая, какъ нѣкогда пѣлъ ихъ его дѣдъ или баба...

Не свидѣтельствуетъ ли это самымъ нагляднымъ образомъ, что забвеніе народной пѣсни есть явленіе только временное, переходное что народъ въ глубинѣ своей души сильно, хотя и чисто *безсознательно,* любитъ родную пѣсню, которая такъ близка его сердцу, такъ ярко и наглядно выражаетъ и его радость, и его горе,—что онъ *инстинктивно* дорожитъ ею и хранитъ ее, какъ нѣчто особенно цѣнное, въ тайникахъ своей души.

Конечно, народная пѣсня не есть нѣчто мертвое, застывшее въ разъ выработанныхъ формахъ,—конечно, и она должна съ теченіемъ времени измѣняться,—должны создаваться новыя народныя пѣсни, ближе касающіяся собственно нынѣшняго положенія крестьянъ,—пѣсни, такъ сказать, на злобу дня. Но отъ этой, вполнѣ естественной и законной эволюціи народной пѣсни до «Разлуки» еще цѣлая пропасть.

Никто не станетъ спорить, что фабричныя пѣсни ничего, кромѣ вреда, народу не приносятъ. Намъ кажется, что поэтому интеллигенція, стремящаяся вообще къ поднятію народнаго благосостоянія, должна вступить въ борьбу противъ этого все усиливающагося и распространяющагося зла. Въ лучшихъ, болѣе интеллигентныхъ представителяхъ нашего крестьянства она найдетъ себѣ дѣятельную и энергичную поддержку: въ нихъ уже ясно проснулось стремленіе возвратиться къ старинной, родной пѣснѣ. Во время недавно торжественно отпразднованнаго юбилея нашего славнаго композитора Николая Витальевича Лисенка было нѣсколько депутацій съ привѣтствіями и вѣнками „отъ селянъ". Одинъ изъ представителей крестьянъ между прочимъ

особенно подчеркнулъ въ качествѣ заслуги юбиляра тотъ фактъ, что онъ *взялъ у народа его простую пѣсню придалъ ей художественную форму и теперь возвращаетъ ее народу.* Насъ поразили тогда эти слова, въ которыхъ такъ много глубокаго пониманія значенія дѣятельности Н. В. Лисенка. Очевидно, народъ понимаетъ и цѣнитъ работниковъ на нивѣ его родной пѣсни.

Нужно отдать честь и нашей интеллигенціи: она довольно энергично взялась въ послѣднее время за работу надъ распространеніемъ въ народѣ родной пѣсни, что само собою разумѣется, должно служить лучшимъ противоядіемъ противъ всякаго рода фабричныхъ и солдатскихъ пѣсенныхъ перловъ. Одни изъ этихъ работниковъ устраиваютъ народные хоры (извѣстный основатель Охматовскаго крестьянскаго хора г. Демуцкій), другіе составляютъ сборники лучшихъ и по содержанію, и по напѣву народныхъ пѣсенъ и, издавая ихъ сравнительно очень дешево, стараются распространить ихъ въ народѣ (сборники г.г. Федоровича, особенно Конощенка и др.). Конечно, подобная работа требуетъ и спеціальныхъ знаній, и много труда и настойчивости. Вѣдь, приходится такъ умѣло подбирать матеріалъ, чтобы народъ яснѣе яснаго увидѣлъ, что его старинныя пѣсни во всѣхъ отношеніяхъ лучше новыхъ *модныхъ*,—лучше и по содержанію, и по мелодіи. Только въ такомъ случаѣ народъ сможетъ критически отнестись къ *моднымъ* пѣснямъ и убѣдиться въ ихъ совершенномъ ничтожествѣ. Повторяемъ, что работа эта очень трудная и въ высшей степени отвѣтственная.

Къ сожалѣнію, среди лицъ, отдающихся этой работѣ, встрѣчаются не рѣдко и такіе люди, которые приступаютъ къ ней безъ должнаго пониманія всей ея важности и отвѣтственности и даже безъ должныхъ знаній. Напередъ можно сказать, что подобные дѣятели способны только повредить дѣлу.

Въ настоящій разъ мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о сборникѣ нѣкоего г. Б. Арсеня, изданномъ въ Одессѣ г. Фесенкомъ, который передъ тѣмъ выпустилъ одинъ сборникъ г. Федоровича и два — истинно прекрасныхъ—г. Конощенка.

Сборникъ г. Б. Арсеня прежде всего поражаетъ читателя страннымъ подборомъ пьесъ. Наряду съ очень интересными и содержательными пѣснями у него попадаются и такія, которымъ мѣсто не въ сборникѣ для народа, а только среди пьяно йили очень неразборчивой, мало интеллигентной компаніи. Что, напр., хорошаго позаимствуетъ народъ изъ такихъ пѣсенъ: «Пропала надія, розбылась сулія...» (№ 61), «Капшуче, друже, братику мій...» (№ 83), «Схотивъ жинку провозыты, я извозщика нанявъ; вона въ дрожкахъ якъ розсилась, тырнюръ все мисце занявъ...» (№ 91) (Сравни №№ 26, 29, 52, 81 и др.)?.. Спроси-

ли бы мы г. Арсеня, что хотѣлъ онъ сказать народу этими quasi комическими пѣснями,—для чего онъ заносилъ ихъ въ свой сборикъ,—чѣмъ эти его пѣсни хуже вдохновеній фабричной музы?... Неужели же у него не было настолько даже пониманія дѣла, чтобы видѣть, что подобныя пѣсни вредны для народа, что онѣ его опошляютъ, развращаютъ?...

Кромѣ этихъ совершенно безсодержательныхъ или пошлыхъ по содержанію пѣсенъ, довольно значительный процентъ въ сборникѣ г. Б. Арсеня занимаютъ также избитыя, страшно запѣтыя пѣсни семинарскаго и мѣщанскаго репертуара (См. №№ 57—60, 64, 65, 69—70, 72—75). Неужели нельзя было подобрать чего нибудь болѣе свѣжаго, болѣе новаго..?

Конечно, и безъ этихъ пѣсенъ въ сборникѣ г. Б. Арсеня остается еще много матеріала. Къ сожалѣнію, приходится констатировать тотъ грустный фактъ, что все лучшее, все истинно хорошее въ этомъ матеріалѣ принадлежитъ не г. Арсеню, а другимъ авторамъ, у которыхъ онъ нисколько не смущаясь хваталъ полною рукою, даже ни разу не намекая на то, что заимствуетъ. Есть въ его книжкѣ и пѣсни изъ сборниковъ Лисенка (около половины всего сборника), и Коцюбинскаго, и Демуцкаго, и Глинки, и Крыжановскаго, и Конощенка, и даже „Богогласника" (колядки). Такое отношеніе г. Арсеня къ чужимъ трудамъ представляется болѣе чѣмъ страннымъ и совершенно не объяснимымъ, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ онъ заимствовалъ и текстъ, и мелодію почти безъ всякаго измѣненія: это отнюдь не варіанты, это прямо недобросовѣстныя заимствованія.

Переходя отъ содержанія сборника г. Арсеня къ его музыкальнымъ достоинствамъ, мы и здѣсь не находимъ ничего утѣшительнаго. Повторяется все то же, что сказано нами относительно содержанія сборника Есть пѣсни очень интересныя, богатыя въ музыкальномъ отношеніи, но это все—работа не г. Б. Арсеня,—это все чужіе труды. Самъ г. Арсень, какъ видно изъ сравнительно очень немногихъ самостоятельно записанныхъ имъ мелодій, не отличается тонкимъ вкусомъ и вообще очень не высокаго достоинства музыкантъ этнографъ: даже не умѣетъ грамотно записать пѣсню Среди самостоятельно записанныхъ г. Б. Арсенемъ мелодій большая часть или очень примитивны и не заслуживаютъ никакого вниманія (См №№ 59, 81, 83...), или совершенно не народнаго происхожденія (№№ 29, 52, 91...). Очевидно, у нашего автора нѣтъ способности критически отнестись къ мелодіямъ и сдѣлать среди нихъ выборъ болѣе достойнаго записи.

Что касается самаго способа записыванія мелодій г. Б. Арсенемъ, то и онъ многаго заставляетъ желать лучшаго. Прежде всего, г. Арсень

никакъ не можетъ подобрать соотвѣтствующій пьесѣ размѣръ и часто втискиваетъ мелодіи въ совершенно не подходящіе, насилующіе ихъ размѣры (№№ 42, 53, 63, 68, 94). Не умѣя угадать ритмъ пьесы и примѣнить соотвѣтствующее мелодіи дѣленіе, г. Арсень въ напрасныхъ потугахъ уложить оригинальную, вольную мелодію на приготовленное ей Прокустово ложе прибѣгаетъ очень часто къ примѣненію тріольнаго движенія (См. №№ 4, 10, 14, 22, 40, 80...). Эти частыя, подчасъ очень неумѣстныя, сильно затрудняющія исполнителя тріоли рекомендуютъ г. Б. Арсеня съ очень невыгодной стороны, какъ этнографа. Если къ сказанному уже нами еще добавимъ неумѣлое примѣненіе знаковъ усиленія и ослабленія (crescendo-diminuendo) (№ 9), повышенія и пониженія (бекаръ въ серединѣ пѣсни безъ соотвѣтствующаго діеза или бемоля въ ключѣ—№ 7 и 8) и странную, ступанную терминологію въ обозначеніи оттѣнковъ исполненія (№ 9. 37, 52, 84), то мы убѣдимся; что въ лицѣ г. Б. Арсеня передъ нами музыкантъ-этнографъ очень подозрительной марки.

Подводя итогъ всему сказанному, мы не можемъ не выразить удивленія передъ рѣдкою рѣшимостью г. Б. Арсеня. Какъ могъ онъ осмѣлиться, будучи такъ мало подготовленъ къ интеллегентной работѣ для народа вообще и къ работѣ музыканта-этнографа въ частности, взяться за перо, особенно послѣ такихъ прекрасныхъ, идеальныхъ прямо работъ, какъ работы г. Конощенка. Одно изъ двухъ: или онъ настолько не серьезенъ, что не въ состояніи оцѣнить своей работы, сравнить ее съ работой г. Конощенка и другихъ лучшихъ этнографовъ и понять всю безполезность и даже вредъ своей работы для народа,— или онъ такъ легкомысленъ, такъ не вдумчивъ, что не можетъ поразмыслить надъ цѣлью своей работы. Не менѣе удивляемся мы и г. Фесенку,—какъ онъ могъ позволить какому то г. Б. Арсеню такъ сильно скомпрометировать его хорошее изданіе.

Да, не пріобрѣтетъ лавровъ г. Б. Арсень въ качествѣ музыкальнаго дѣятеля. Не поблагодарятъ его за сборникъ ни настоящіе музыканты, ни истинные друзья и благожелатели народа, ни тѣмъ болѣе — лучшіе, интеллигентнѣйшіе представители самаго народа. Мало у насъ работниковъ на нивѣ народной пѣсни,—но пусть ихъ будетъ даже еще меньше, лишь бы не появлялись на ней такіе скороспѣлые, самоувѣренные, самородки, какъ г. Б. Арсень...

В. Мировець.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 4 и 5; 2) Русская Старина, № 4 и 5; 3) Истор. Вѣст., № 4 и 5; 4) Всемірный Вѣстн., № 3; 5) Вѣстникъ Евр., № 4 и 5; 6) Русская Мысль, № 3—5; 7) Міръ Божій, № 4 и 5; 8) Русское Богатство, № 4; 9) Русскій Вѣстн., № 4 и 5; 10) Образованіе, № 4; 11) Журн. Мин. Нар. Просв., № 4 и 5; 12) Ученыя Зап. Импер. Каз. Унив., № 4 и 5; 13) Труды Кіев. Духовн. Акад., № 4; 14) Варшав. Унив. Извѣст., № 1—3; 15) Записки Импер. Харьк. Универс., № 1; 16) Книжки Восхода, № 4; 17) Черниговскій Земскій Сборникъ, № 2 и 3; 18) Филологическія Записки, № 1; 19) Révue Archéologique, № 1—2; 20) Зап. Науков. Товар. ім. Шевченка, Т. LVIII, кн. 2-я; 21) Извѣстія Отдѣл. Рус. яз. и Словесн. Имп. Акад. Наукъ, Т. IX, кн. 1; 22) Archiv für Slavische Philologie, B. 26, Hef. 2; 23) Наблюдатель, № 2; 24) Révue de linguistique et de philologie comparée. t. 38; 25) Mittheilungen des Instituts für Oesterreichische Geschichte, B. XXV, Hef. 2; 26) Jahreshefte des Oesterreichischen Archäologischen Instituts in Wien, B. VII, Hef. 1; 27) Zeitschrift des Vereins für Velkskunde, Hef 2; 28) Révue des traditions populaires, № 2; 29) Живая Старина, № 1—3.

Русскій Архивъ, № 4 и 5.

Ө. Уманецъ. Князь Константинъ-Василій Острожскій (№ 4, стр. 625—634. 1) Дана краткая характеристика знаменитаго ревнителя православія въ Малороссіи 16 вѣка; характеристика эта имѣетъ цѣлью показать двойственность натуры князя Константина-Василія, выразившуюся въ цѣломъ рядѣ поступковъ, противорѣчащихъ другъ другу. По мнѣнію автора, у кн. Конст. Острожскаго не было вполнѣ опредѣленныхъ принциповъ; устанавливая самый фактъ, авторъ не пытается дать объясненій ему.

А. Баловъ. Понедѣльникъ и понедѣльничанье. Историко-этнографическій очеркъ (№ 5, стр. 27—36). Разсмотрѣнъ народный обычай чтить понедѣльникъ, что, какъ извѣстно, очень распространено въ Малороссіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ дается попытка объяснить, почему въ народѣ понедѣльникъ считается несчастливымъ днемъ.

Въ *«воспоминаніяхъ Ө. А. Гилярова»* (№ 5, стр. 107) есть одна страничка, посвященная Ф. А. Терновскому, извѣстному ученому и

профессору Кіевской духовной академіи, когда онъ, бывъ воспитанникомъ старшаго класса Московской Духовной Семинаріи, однажды выступилъ лекторомъ, т. е. замѣстителемъ преподавателя въ низшихъ классахъ, и тутъ проявилъ ту свою скромность и гуманность, какою отличался онъ до конца дней своихъ и какая такъ хорошо знакома многочисленнымъ его ученикамъ по Кіевской академіи и университету.

Русская Старина, № 4 и 5.

В. В. Тимощукъ. Польская конституція 3-го мая 1791 года и отношеніе къ ней Россіи (№ 4. стр. 153—178; стр. 401—421). Содержаніемъ статьи служитъ обзоръ того, что представлялъ изъ себя государственный переворотъ въ Польшѣ въ 1791 году и насколько прочны были тѣ начала, на которыхъ онъ создался, благодаря многимъ элементамъ, не сочувствовавшимъ ему. Среди этихъ послѣднихъ былъ извѣстный магнатъ юго-западныхъ губерній, Станиславъ-Феликсъ Щенсный-Потоцкій, который, совмѣстно въ Ржевусскимъ, рѣшилъ дѣйствовать противъ конституціи 3-го мая 1791 года.

Историческій Вѣстникъ, № 4 и 5.

Е. Н. Матросовъ. По обычаямъ страны (№ 5, стр. 608—625). Въ этомъ очеркѣ беллетристическаго характера дана картинка жизни въ Америкѣ переселенцевъ-русинъ изъ Галиціи. Широкаго розмаха въ изображеніи жизни этотъ очеркъ не даетъ, но освѣщаетъ одинъ типъ молодого рабочаго, который слишкомъ быстро обамериканился.

Въ отдѣлѣ «*Критика и библіографія*» даны рецензіи о слѣдующихъ книгахъ: 1) Слово о полку Игоревѣ. Фототипическое воспроизведеніе 1-го изданія 1800 года. Изд. А. С. Суворина. СПБ. 1904 г.— *А. И. Яцимирскаго* (№ 4, стр. 319—322); 2) Русско-еврейскій архивъ. Документы и матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. Т. 3-й. Документы по исторіи польскихъ и литовскихъ евреевъ (1364—1569 г.). Изданіе общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. СПБ. 1903 г. (№ 4, стр. 333); 3) Д. Вишневскій. Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII ст. Кіевъ 1903 г. (№ 4, стр. 334—335); 4) Л. Личковъ. Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа. Кіевъ 1904 г. (№ 5, стр. 683—685); 5) Н. И. Теодоровичъ. Волынь въ описаніи городовъ, мѣстечекъ и

селъ въ церковно-историческомъ, географическомъ. этнографическомъ, археологическомъ и другихъ отношеніяхъ. Т 5-й. Ковельскій уѣздъ. Почаевъ 1903 г. (№ 5, стр. 688).

Вѣстникъ Европы, № 4 и 5.

Въ отдѣлѣ «Литературное обозрѣніе», въ отзывѣ о книгѣ *Н. Барсукова* «Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 18-я», говорится о малорусскомъ вопросѣ и приводятся мнѣнія Н. И. Костомарова и А. А. Потебни (№ 4, стр. 814—815).

Русская Мысль, № 3—5.

Иванъ Бѣлоусовъ. Поѣздка на могилу Т. Г. Шевченка (№ 3, стр. 135—138). Этотъ коротенькій разсказъ о поѣздкѣ по Днѣпру на могилу Т. Шевченка ничего интереснаго не даетъ, но допускаетъ нѣкоторыя фактическія неточности, въ родѣ того, что с. Пекари находится подлѣ самой могилы внизу, тогда-какъ въ дѣйствительности отъ могилы до этого села остается пройти не менѣе 3-хъ верстъ. Еще разъ тутъ повторена та невѣрная справка, которая была уже въ нашемъ журналѣ точно исправлена: будто мѣсто, гдѣ находится могила поэта, покупалось поэтомъ у одного помѣщика для того, чтобы «поставить на немъ хатку и зажить, какъ въ раю»; извѣстно, что мѣсто это было выбрано художникомъ Честаховскимъ, когда тѣло поэта перевезено было изъ Петербурга.

Русскій Вѣстникъ, № 4 и 5.

А. Будиловичъ. Объ отношеніи народнаго къ общечеловѣческому, въ связи съ идеей русскаго національнаго единства (№ 4, стр. 483—509). Авторъ, указавъ на то, что есть нѣсколько теорій, отрицающихъ принципъ національнаго единства, пытается, на основаніи историческихъ аналогій, выяснить важность этого единства не только для Россіи и славянства, но и для всего человѣчества. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, авторъ между прочимъ приходитъ къ выводу, что не слѣдуетъ развивать областныхъ литературъ, а слѣдовательно и нашей малорусской (стр. 503—507). Нельзя, однако, упустить изъ виду того факта, что основное положеніе автора, будто «будущее станетъ развертываться не иначе, какъ по образцамъ прошедшаго», весьма осно-

вательно толкуется и такъ: опытъ исторіи очень важенъ въ смыслѣ рѣшенія судебъ будущаго, но онъ, въ связи съ умозрительными теоріями современности, часто служитъ показателемъ того, какъ не должно быть въ будущемъ.

Журналъ Мин. Нар. Просв., № 4 и 5.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» напечатанъ отвѣтъ проф. Н. Максимейка проф. М. Любавскому по поводу критики послѣднимъ труда перваго о литовско-русскихъ сеймахъ (№ 4, стр. 360—378).

Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщена рецензія проф. А. Соболевскаго о книгѣ Д. Вишневскаго «Кіевская Академія въ первой половинѣ 18-го столѣтія». (№ 5, стр. 223—229).

Труды Кіевск. Духовн. Академіи, № 4.

Н. Петровъ. Значеніе Кіевской Академіи въ развитіи духовныхъ школъ въ Россіи съ учрежденія Св. Синода въ 1721 году и до половины 18-го вѣка (стр. 520—577). Указавъ на то, что правильная организація духовныхъ школъ въ Россіи началась только съ изданія Духовнаго Регламента, которымъ устанавливалось два типа этихъ школъ—домовыя архіерейскія и академіи и семинаріи,—авторъ даетъ краткую исторію роста и развитія обоихъ этихъ типовъ въ 1-й половинѣ 18-го вѣка, а затѣмъ указываетъ, какую важную роль сыграла въ этомъ дѣлѣ Кіевская академія, какъ разсадница науки въ другія школы, при чемъ перечисляются всѣ тѣ преподаватели, которые взяты были изъ Кіевской академіи въ Московскую, въ Черниговскій Коллегіумъ, въ Ростовско-Ярославскую, въ Новгородскую, въ Нижегородскую, въ Александро-Невскую, въ Иркутскую семинаріи, въ Бѣлогородскія школы, преобразованныя затѣмъ въ Харьковскій Коллегіумъ.

Варшавскія Университетскія Извѣстія, №№ 1—3

Н. Г. Воблый. Заатлантическая эмиграція, ея причины и слѣдствія (стр. 1—88). Изучая въ настоящей работѣ эмиграцію изъ Зап. Европы и изъ Россіи въ Америку, авторъ пользуется также данными о переселеніяхъ Рутеновъ изъ Австро-Венгріи за Океанъ. Россіи онъ посвящаетъ особую главу.

Записки Императ. Харьков. Универс., № 1.

Въ приложеніи продолжается печатаніемъ трудъ проф. Д. Багалѣя «Опытъ исторіи Харьковскаго университета» (стр. 1—80).

Книжки Восхода, № 4.

Начало еврейской вѣры въ Польшѣ. Подъ такимъ заглавіемъ напечатано въ переводѣ на русскій языкъ пока начало изслѣдованія д-ра Максимиліана Гумпловича по его посмертнымъ бумагамъ. Изслѣдованіе это написано по-польски и издано въ Варшавѣ въ 1903 году. Въ напечатанной части говорится кратко: объ исторіи евреевъ въ Польшѣ, о кавказско-балтійской торговлѣ въ доисторической Польшѣ, откуда и когда пришли евреи въ Польшу, о Хазарахъ, о войнахъ хазаровъ съ готами (стр. 111—129).

Revue Archéologique, январь-февраль.

Comte A. Bobrinskoy. Notes d'archéologie russe (1900—1903). Авторъ въ сжатомъ очеркѣ излагаетъ важнѣйшіе результаты изысканій русскихъ археологовъ въ теченіе 1900—1903 г.г., основываясь преимущественно на «Отчетахъ» и «Извѣстіяхъ" Императорской Археологической Коммиссіи. Вся статья раздѣлена на небольшіе параграфы, каждый изъ которыхъ посвященъ особому виду древностей, и снабжена хорошо исполненными рисунками. Изложивъ мнѣнія ученыхъ о крашенныхъ скелетахъ, гр. Бобринскій пересказываетъ кратко результаты раскопокъ русскихъ археологовъ на Кавказѣ и отмѣчаетъ близкое сходство открытыхъ въ данной мѣстности древностей съ культурными остатками древнихъ обитателей побережій Тигра и Евфрата. Затѣмъ онъ останавливается на открытыхъ г. Хвойка въ Кіевской губерніи площадяхъ со слѣдами до микенской культуры и переходитъ къ обзору раскопокъ въ Херсонесѣ, Ольвіи и Пантикапеѣ, при чемъ классическія древности Херсонеса разсматриваетъ отдѣльно отъ найденныхъ тамъ предметовъ византійскаго періода. Изложивъ результаты раскопокъ покойнаго ген. Н. Е. Бранденбурга въ Кіевской губерніи, авторъ переходитъ къ скиѳо-сарматскимъ курганамъ, при чемъ останавливается на существующемъ среди археологовъ разногласіи относительно ихъ хронологическаго пріуроченія. Попутно онъ касается также вопроса о вліяніи римской культуры на южную Русь. Изложивъ результаты раскопокъ проф. Н. И Веселовскаго на Кубани, онъ пересматриваетъ

готскія древности, найденныя на югѣ Россіи, подводитъ итогъ раскопкамъ въ сл. Верхній Салтовъ, Харьковской губерніи, и въ заключеніе останавливается на славянскихъ погребеніяхъ въ предѣлахъ Полтавской губерніи.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. LVIII, кн. 2.

М. Тершаковецъ. Причинки до житепису Маркіана Шашкевича та дещо із його письменської спадщини (стр. 1—48). Въ краткомъ предисловіи къ издаваемымъ рукописямъ М. Шашкевича авторъ указываетъ на ихъ значеніе для исторіи украинской культуры и характеризуетъ кратко опубликованный имъ матеріалъ. Къ сожалѣнію, рукописи Шашкевича весьма малочисленны: большая часть ихъ погибла безвозвратно и лишь небольшое число ихъ спаслось отъ той же участи, попавъ въ библіотеку Народнаго Дома, во Львовѣ. Вотъ эти то рукописи и изданы въ 58 томѣ «Записокъ». По содержанію онѣ весьма разнообразны: 1) стихотворенія 1830—51 г.г.; 2) басни; 3) самостоятельныя произведенія въ прозѣ: 4) переводы въ прозѣ и стихахъ; 5) замѣтки по украинской грамматикѣ: 6) письма; 7) документы для біографіи М. Шашкевича. Въ приложеніи къ этой статьѣ опубликованы еще 2 документа, относящихся къ личности писателя, и небольшой стихотворный отрывокъ.

Miscellanea. М. Зубрицький. Помічні дні стр. (1—4). Авторъ публикуетъ 2 документа, говорящихъ о назначеніи цѣнъ за „помічні дні" въ приходѣ Кривчи Парохницького деканата. Для иллюстраціи этихъ цѣнъ онъ даетъ небольшую табличку ихъ по документамъ 1817—1831 г.г.

Наукова хроніка. 1) *С. Томашівський й Ів. Кревецький. Огляд часописей за р. 1903.* Здѣсь данъ обстоятельный обзоръ украинско-русскихъ журналовъ за истекшій годъ. 2) *Ів. Стешенко. З юбілейної літератури про Миколу Гоголя.* Авторъ продолжаетъ обзоръ Гоголевской юбилейной литературы, начатый въ предшествующемъ томѣ «Записокъ». Отзывы отличаются основательностью.

Въ отдѣлѣ «Бібліографія» даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ, имѣющихъ то или другое отношеніе къ Украинѣ: 1) *В. И. Гошкевичъ.* Клады и древности Херсонской губ. Кн. I. Херсонъ, 1903; 2) *S. Hirth.* Ueber Wolga-Hunnen und Hiund-nu (Sitzungsberichte

der philos.-philol. und hist. Classe der Akademie der Wissenschaften zu München, 1899, B, II); 3) *К. А. Иностранцевъ.* Хунъ-ну и Гунны (Жив. Старина, 1900 г.); 4) *И. И. Срезневскій.* Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. Т. II, в. 4. Спб. 1902; 5) *Н. Оглоблинъ.* Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа Ч. IV (Чтенія въ Об. Ист. и Др., 1902 г., кн. I); 6) *В. Нарбеновъ.* Южно-русское религіозное искусство XVII—XVIII вв. Казань. 1903; 7) *А. Лазаревскій.* Описаніе Старой Малороссіи. Т. III. К. 1902; 8) *Jan Leszczyński.* Rządy rosyjskie w kraju Tarnopolskim. 1809—1814. Kraków. 1903; 9) *Józef Krajewski.* Tajnezwiązki polityczne w Galicyi od roku 1833 do roku 1841. Львовъ. 1903; 10) *Dr. Zb. Pazdro.* Strejki rolne w Galicyi wschodniej w r. 1902 i 1903; 11) *Dr. Jan Rozwadowski.* Ruskie bezrobocie w r. 1902. Львовъ. 1904.

Въ настоящемъ томѣ редакція «Записокъ» дѣлаетъ одно полезное нововведеніе, а именно въ концѣ книги приложенъ списокъ книгъ, разсмотрѣнныхъ въ 58 томѣ.

Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н., 1904 г., т. IX, к. 1

И. А. Линниченко. Грамоты галицкаго князя Льва и значеніе подложныхъ документовъ какъ историческихъ источниковъ (стр. 80—102). Настоящая статья написана по поводу изслѣдованія М. С. Грушевскаго „Чи маэмо автентични грамоты кн. Льва“ (Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка, т. XLV), въ которомъ послѣдній отрицаетъ существованіе подлинныхъ грамотъ кн. Льва и доказываетъ, что „изъ канцеляріи старыхъ русскихъ князей и не могли восходить грамоты, подобныя представленнымъ Казиміру, а впослѣдствіи и другимъ польскимъ королямъ, на утвержденіе“. Разсмотрѣвъ доводы М. С. Грушевскаго и данныя о древне-русскихъ грамотахъ, Н. А. Линниченко доказываетъ, что „нельзя безусловно утверждать подлинности дошедшихъ до насъ грамотъ, выданныхъ отъ имени князя Льва“. Зато „можно съ большой вѣроятностью утверждать, что часть изъ такихъ, дошедшихъ до насъ грамотъ, скопирована не съ современныхъ польскихъ грамотъ, а со старыхъ русскихъ грамотъ княжескаго періода. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ, „что такія грамоты имѣютъ для насъ важное значеніе, такъ какъ даютъ данныя о формулярѣ старыхъ, не дошедшихъ до насъ, русскихъ грамотъ княжескаго періода“.

Ю. Тиховскій. Два (неполныхъ) пергаментныхъ листка изъ Волынскаго (?) нотнаго Стихираря XII—XIII в. (стр. 103—112). Въ настоящей замѣткѣ авторъ даетъ краткія замѣчанія о 2 пергаментныхъ листкахъ, найденныхъ имъ въ Евангеліи XVI в. „на хорахъ церкви въ с. Старомъ Жуковѣ, ровенскаго уѣзда волынской губ.“ Листки были разорваны на куски и служили для сшивки листовъ Евангелія. Авторъ склеилъ ихъ и заключающійся на нихъ текстъ, по правописанію, малорусскій, опубликовалъ въ приложеніи къ настоящей замѣткѣ.

В. И. Срезневскій. Отчетъ Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ о поѣздкѣ въ олонецкую, вологодскую и пермскую губерніи (стр. 183—246). Въ настоящей книжкѣ продолжается перечень рукописей и книгъ, пріобрѣтенныхъ В. И. Срезневскимъ во время его поѣздки по Сѣверной Россіи (см. Кіев. Ст., май, стр. 99). Для изслѣдователей южно-русской старины могутъ представить интересъ слѣдующія рукописи: 1) сборникъ начала XVII в., въ которомъ помѣщены: слово о прояленіи крещенія Рускія земли (стр. 183) и замѣтки о житіи прп. Θеодосія Печерскаго (стр. 189) и успеніи Владиміра Св. (ib.); 2) сборникъ тропарей и кондаковъ святымъ начала XVII в.: „въ числѣ святыхъ, тропари и кондаки которымъ помѣщены въ рукописи, находятся слѣдующіе русскіе святые“, имѣвшіе то или другое отношеніе къ Южной Руси: свв. Борисъ и Глѣбъ, прп. Антоній Печерскій, Владиміръ Св., кн. Ольга, кн. Михаилъ Черниговскій, прп. Θеодосій Печерскій (стр. 191—192); 3) крюковой стихирарь съ прибавленіями первой четверти XVII в.“, въ немъ заключаются между прочимъ стихиры: кн. Михаилу Черниговскому и боярину его Θеодору, на освященіе храма св. Георгія въ Кіевѣ и свв. Борису и Глѣбу (стр. 194—195); сборная рукопись изъ 2 рукописей XVII и XVIII вв.; въ ней помѣщены между прочимъ: исповѣданіе 1452 г. Даніила, еп. Володимірскаго и Берестійскаго, и прощальная грамота митр. Іоны тому-же Даніилу (стр. 214—215); 5) отрывокъ сборника виршей съ нотами начала XVIII в., написанный скорописью юго-западнаго типа (стр. 224—225); 6) букварь дулярный начала XVIII в.; 7) сборникъ нач. XVIII в., содержащій между прочимъ отрывокъ слова Кирилла Туровскаго о душѣ и тѣлѣ; 8) сборникъ 1748 г.; содержитъ отрывки изъ Синопсиса и разныя статьи историческаго содержанія, относящіяся отчасти и къ Южн.

Руси; 9) сборн. 2-й пол. XVIII в., содержащій также житіе Прохора Печерскаго.

Въ отдѣлѣ „Библіографія" J. Polivka даетъ обстоятельный отзывъ на чешскомъ языкѣ о книгѣ Е. Р. Романова „Бѣлорусскій Сборникъ". В. VI. Могилевъ. 1901" (стр. 424—447).

Archiv für Slavische Philologie, B. 26, H. 2.

L. K. Goetz. Die Zusammensetzung der sogenannten „Похвала преп. Өеодосію Печерскому" (стр. 215—237). Настоящее изслѣдованіе посвящено вопросу о составѣ и авторѣ извѣстной „Похвалы преп. Өеодосію Печерскому". Разсмотрѣвъ сначала данныя источниковъ о смерти преп. Өеодосія и посмертномъ чествованіи его, Л. К. Гетцъ разбираетъ существующія въ наукѣ мнѣнія объ авторѣ и времени составленія „Похвалы", при чемъ указываетъ на тѣ затрудненія, съ которыми встрѣтится каждый изслѣдователь, принявъ мнѣніе арх. Леонида, что авторомъ „Похвалы" былъ Серапіонъ, еп. Владимірскій. Перейдя затѣмъ къ составу „Похвалы", Л. К. Петцъ указываетъ, что она состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ произведеній, которыя совершенно не зависятъ другъ отъ друга. При этомъ вторая „Похвала" составлена приблизительно черезъ 150 лѣтъ послѣ первой. Вслѣдъ за арх. Леонидомъ онъ признаетъ авторомъ второй „Похвалы" упомянутаго еп. Серапіона, а относительно первой высказываетъ предположеніе, что она составлена неизвѣстнымъ ученикомъ преп. Өеодосія.

Живая Старина, 1903 г., № 3.

А. С. Будиловичъ. Къ вопросу о племенныхъ отношеніяхъ въ Угорской Руси (стр. 265—275). Настоящая замѣтка написана Л. С. Будиловичемъ по поводу изслѣдованій Л. Нидера и С. Цамбеля.

А. А. Петровъ. Еще два слова объ изученіи Угорской Руси (стр. 276—278). Небольшая замѣтка А. А. Петрова вызвана проектомъ Этнографическаго Отдѣленія Имп. Рус. Геогр. Общества снарядить особую экспедицію для изученія Угорской Руси. Онъ высказываетъ пожеланіе, чтобы участники экспедиціи обратили вниманіе главнымъ образомъ на изученіе говоровъ и народной словесности, а также собрали документы, опредѣляющіе прежнія границы Угро-Русовъ.

Н. И. Коробка. Новое явленіе въ крестьянской жизни (стр. 279—296). Авторъ приводитъ собранныя имъ данныя объ интересномъ явленіи въ быту крестьянъ, житомірскаго уѣзда волынской губерніи,—переселеніи ихъ на волоки. По наблюденіямъ автора, это явленіе вызывается стремленіемъ крестьянъ" довести свое хозяйство до того совершенства, какимъ отличается хозяйство многочисленныхъ въ этой мѣстности нѣмецкихъ колонистовъ".

Я. Науменко. Особенности говора с. Ивановскаго, Кубанской области (стр. 358—360). Авторъ приводитъ фонетическія, этимологическія и лексикальныя особенности говора населенія с. Ивановскаго, состоящаго изъ великоруссовъ.

Я. І. Кузнецовъ. Характеристика общественныхъ классовъ по народнымъ пословицамъ и поговоркамъ (стр. 396—404). Въ настоящей замѣткѣ авторъ даетъ группировку по смыслу тѣхъ народныхъ пословицъ и поговорокъ, которыя такъ или иначе характеризуютъ различные общественные классы, при чемъ пользуется также украинскими пословицами и поговорками.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

«Руска письменність». Подъ такимъ заглавіемъ вышелъ во Львовѣ первый объемистый томъ новаго издательства подъ редакціей Юл. Романчука. Въ этотъ томъ вошли произведенія И. П. Котляревскаго, Гребинки и Гулака-Артемовскаго. Въ предисловіи къ изданію Юл. Романчукъ, указавъ на то, что произведенія украинскихъ писателей все еще мало извѣстны широкой публикѣ, обѣщаетъ, для большаго распространенія украинскихъ произведеній, издать цѣлый рядъ томовъ, въ которыхъ нашли-бы себѣ мѣсто всѣ лучшія произведенія извѣстныхъ нашихъ писателей. Каждый томъ будетъ выходить въ объемѣ отъ 500 до 600 стр. малаго формата (октавъ) и въ количествѣ отъ 3 до 5 тысячъ экземпляровъ. При каждомъ писателѣ будетъ приложенъ его портретъ, біографія и необходимыя разъясненія. Изданія отдѣльныхъ писателей будутъ по возможности полныя съ провѣреннымъ текстомъ. Цѣна каждаго тома будетъ 1 кор.; такая низкая цѣна только и возможна потому, что товариство «Просвита», на средства котораго предпринимается изданіе, не желаетъ получать отъ этого издательства никакой прибыли.

Новое издательство въ Станиславовѣ. Гр. Зарицкый передѣлалъ извѣстную поэму Т. Шевченка «Невольникъ» въ пятиактную драму съ пѣніемъ и танцами. Драма эта, предназначенная для любительскихъ спектаклей, открываетъ собой начало новаго литературнаго предпріятія, а именно—издательство библіотеки театральныхъ представленій для молодежи старшаго возраста; чистый доходъ отъ этого издательства предназначается на сооруженіе русинскаго театра во Львовѣ. Драма «Неволбникъ», по отзывамъ галицкихъ газетъ, является удачной переработкой Шевченковой поэмы, имѣя во многихъ мѣстахъ неизмѣненный текстъ Шевченка. Цѣна книжечки небольшая—50 сот.

—

Предполагаемое изданіе сочиненій А. Я. Ефименко. 9-го мая, подъ предсѣдательствомъ А. В. Карчинскаго, состоялось, въ Петербургѣ общее собраніе членовъ Общества имени Т. Г. Шевченко. Собранію былъ сдѣланъ докладъ коммиссіи, назначенной для разработки вопроса объ изданіи сочиненій извѣстной писательницы А. Я. Ефименко, проживающей въ Харьковѣ, пожертвовавшей свои литературныя произведенія, въ количествѣ 60 печатныхъ листовъ, въ пользу Общества имени Т. Г. Шевченко. Коммиссія постановила издать сочиненія А. Я. Ефименко въ 2-хъ томахъ подъ общимъ заглавіемъ «Южная Русь», съ портретомъ автора, въ количествѣ 2,000 экземпляровъ. Расходъ по изданію исчисленъ въ суммѣ 2212 р. 25 к. Средства на изданіе предположено занять изъ суммъ Общества въ 1,225 р., собранныхъ для устройства интерната, на содержаніе котораго предполагается употребить весь доходъ отъ продажи изданія («Южн. Край», № 8089»).

—

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Бирчак Володимир. Урвана пісня (Новеля). Львів, 1904. Накладомъ Василя Вітинського. Ст. 45, 16⁰. Ц. 70 сот.

Володськый. А. Хв. Въ каламутній води (Орыся). Буденни малюнкы зъ мищанського жыття на 4 діи. Выдання В. М. Костенецькои. У Кыиви, 1904. Ст. 86, 16⁰. Ц. 15 к.

Ганько Михайло. Якъ дбаешъ, такъ и маешъ. Оповидання. Выдання друге. (Благотворит. Общество изданія общепол. и дешевыхъ книгъ. Ч. 25). С.-Петербургъ, 1904. Ст. 32, 16. Ц. 3 к.

Етнографічний Збірник, видає Етнографічна комісия Наукового товариства імени Шевченка. Т. XV. Знадоби до галицько-руської демонольогії. Т. І. Зібрав Володимир Гнатюк. У Львові, 1903. Ст. IV+272, 8⁰. Ц. 4 кор.

Зарицкий Григорій. Тарасъ Шевченко. Невольник. На спомин XLIII роковинъ смерти незабутного поета-генія, в V діях, в 8 відслонах (Библьотека театральнихъ представлень для старшоі молодіжи. Випуск I). Станиславів, 1904. Ст. 39, 8. Ц. 40 і 50 сот.

Кинаш М. О. Практични проповѣди для руского народа. Випускъ II. Жовква. 1904. Ст. 170. Ц. 2 кор.

Кобзари и лирники Кіевской губерніи въ 1903 году (оттискъ изъ Памятной книжки кіевской губерніи на 1904 годъ). Изданіе Кіевскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Кіевъ, 1904, ст. 1—65 (со статьей о Кобзаряхъ и лирникахъ В. Доманицкаго).

Лепкий Богданъ. В горах. (Заходом К. Студинського). Львів, 1904. Накладом А. Хойнацкого.. Ст. 120, 16⁰.

«Непереглядною юрбою»... Хор мужеський a capella. Слова Ів. Франка. Музика Дениса Січинського. (Видавництво музичне «Станісл. Бояна». Ч. 16). Перемишль, 1904. Ст. 4. Ц. 60 сот.

О руський університет у Львові. Львів, 1904, ст. 47, 16⁰ (оттискъ изъ «Діла»).

Русовъ О. Прыгода на хуторі. Оповидання. Зъ 18 малюнкамы. (Благотворительное Общество изданія общепол. и дешевыхъ книгъ. Ч. 27). С.-Петерб. 1904. Ст. 64, 16⁰. Ц. 5 коп.

Святе пысьмо старого завіту мовою русько-украінською. Перекладъ П. О. Куліша, І. С. Левіцького і д-ра І. Пулюя. У Відні, 1903. Виданне британського і заграничнього Біблійного товариства. З друкарні Адольфа Гольцгаузена. Ст. 826, 8⁰. Ц. 3 кор.

Характерник, Літературна збірка. Коломия, 1904. З друкарні Михайла Білоуса. Ст. 48, 8⁰. Ц. 80 с.

Чикаленко Е. Розмова про сельське хазяйство. 4-та кныжка. Виноградъ. 2-е выд. выправлене и доповнене. Зъ 16 малюнкамы. (Благотворит. Общество изданія общеполезн. и дешевыхъ книгъ. Ч. 29). С.-Петерб. 1904. Ст. 44, 8⁰. Ц. 6 к.

Шевченко Тарасъ. Наймычка: Поэма. Зъ портретомъ автора и 29 малюнкамы Н. Н. Каразина (Благотворит. Общество изданія общепол. и дешевыхъ книгъ. Ч. 26). С.-Пб. 1904, ст. 32, 16⁰. Ц. 3 коп.

Schewtschenkos ausgewählte Gedichte. Aus dem Ruthenischen mit Beibehaltung des Vermasses und des Reimes und mit den nöthigen Erklärungen versehen von Sergius Szpoynarowski. k. k. Gymnasialprofessor. Erstes Heft. Mit dem Bildnisse des Dichters Czernowitz 1904. Ст. 36, 8°. Ц. 50 cop.

ПРЕДУПРЕЖДЕНІЕ.

Пребывающее въ С.-Петербургѣ Великобританское Посольство увѣдомило Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, что на островѣ Кипрѣ похищены и, вѣроятно, вывезены древности, составляющія часть найденнаго въ Киреніи клада.

Вещи эти слѣдующія:

1. Массивный серебряный поднось около 17 инчей (дюймовъ) въ діаметрѣ, служившій, какъ кажется, для церковныхъ надобностей, съ изображеніемъ изъ жизни Царя Давида: въ центрѣ помѣщено изображеніе борьбы Давида съ Голіаѳомъ, а ниже сцена отрубленія головы Голіаѳа.

2. Золотой крестъ съ цѣпью. Длина креста 8 инчей.

3. Четыре большія золотыя кольца и 12 штукъ небольшихъ колецъ.

4. Черный камень съ изображеніемъ льва.

5. Каменная статуя женщины вышиною въ 3½ фута.

По свѣдѣніямъ, имѣющимся въ Великобританскомъ Посольствѣ, есть основаніе думать, что похищенныя вещи находятся у нѣкоего армянина Мирана Сиваджана, скупщика древностей, проживающаго въ Парижѣ, 17, Rue le Pelletier, который, вѣроятно, попытается продать ихъ черезъ посредство сирійца по имени Дуригелло, живущаго въ Парижѣ, 31, Rue de Richelieu.

Кіевскій Губернскій Статистическій Комитетъ предостерегаетъ лицъ, занимающихся покупкой древностей, а также Правленія и владѣльцевъ музеевъ отъ покупки означенныхъ выше предметовъ.

Великобританское Посольство проситъ всякаго, кому вышеуказанные предметы будутъ предложены въ продажу, извѣстить о томъ Слѣдственный Департаментъ уголовныхъ дѣлъ въ Лондонѣ (Criminal Investigation Departament New Scotland Lard London, S. W.).

учрежденіе совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства.—Измѣненіе порядка возбужденія ходатайствъ уѣздныхъ земскихъ собраній предъ правительствомъ.—Походъ нашихъ либераловъ противъ новаго положенія о крестьянахъ и мѣстныхъ совѣщаній.—С. А. К.—Обзоръ внѣшнихъ событій. Нейтралитетъ Китая. В. А. Теплова—XVI. Военно-политическіе отголоски. Н. Соколова.—XVII. На полѣ славы. Г. Сенкевича.—XVIII. Прялка. Повѣсть Маріи Родзевичъ.

Цѣна: на годъ съ достав. и перес. въ Россіи 16 р., за границу 20 р.

Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 136.

Редакторъ-издатель *В. В. Комаровъ.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Кіевская Старина“ будетъ выходить въ 1904 г. по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ 1-го числа каждаго мѣсяца книжками въ 14 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1904 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками, **10 р.** съ доставкою и пересылкою; на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Кіевская Старина“**, Троицкая площ., Народный домъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только предъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Кіевской Старины“ (Безаковская, 14).

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала, гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки прислать заявленіе о неполученіи въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старины» за годы 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901 и 1902 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги журнала по 1 р.

Редакторъ-издатель **В. П. Науменко.**